

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Отделение теоретической и прикладной лингвистики

Малые языки в большой лингвистике

Сборник трудов конференции 2020

Москва
Буки Веди
2020

УДК 811.541
ББК 81.2/81.8
М20

Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020 / Ред. Кс. П. Семёнова. — М.: «Буки Веди», 2020. — 236 с. — ISBN 978-5-4465-1629-2

В сборник вошли статьи, написанные участниками второй конференции «Малые языки в большой лингвистике», проведённой кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 17–18 апреля 2020 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

Оглавление

От редактора	7
<i>В. М. Алпатов</i> Гибель айнского языка.....	9
<i>В. И. Беликов</i> Многоязычный Дагестан: лингводемографический комментарий к Всероссийской переписи населения 2010	16
<i>А. А. Блинова, К. А. Шагал</i> Двухместные предикаты в саамских языках в ареальной перспективе	25
<i>Е. Л. Бунина, И. М. Егоров</i> Рефлективная клитика <i>ʒe</i> в мазурском (польском) переселенческом говоре	34
<i>А. Ю. Вознесенская</i> Вопросительные предложения в балкарском языке	41
<i>С. К. Ганиева</i> Индексикальный сдвиг в балкарском языке	49
<i>А. А. Данилова</i> Семантическое поле КРИВОЙ: данные горномарийского языка в свете типологии.....	58
<i>Vadim V. Dyachkov</i> SVO/SOV in Natio:ro: Towards the problem of variable word order	66
<i>Д. М. Зеленский</i> Об именной предикации бурятских причастий.....	74
<i>Н. В. Каланова</i> Морфосинтаксические свойства неопределенных местоимений свободного выбора в горномарийском языке... ..	81
<i>Е. В. Кашкин</i> Грамматикализация глагола <i>apʒaʒ</i> ‘смотреть’ в горномарийском языке	91

<i>А. А. Кибрик</i>	
Большая лингвистика в малом языке: локальная структура верхнекускоквимского дискурса	99
<i>М. В. Куцаева</i>	
Об опыте социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона	104
<i>Е. А. Лютикова</i>	
Еще раз о падежной морфологии дагестанских языков: свидетельства хваршинского атрибутива	112
<i>Т. А. Майсак</i>	
О возникновении локативного падежа без локативной семантики: «экватив» в андийском языке	122
<i>Н. В. Макеева</i>	
Акустические корреляты признака продвинутости/отодвинутости корня языка гласных языка акебу (ква)	132
<i>А. И. Матюшева</i>	
Конструкции со значением необходимости в малокарачклинском говоре чувашского языка	140
<i>И. М. Молданова</i>	
Средства выражения дистрибутивности в казымском диалекте хантыйского языка.....	146
<i>Е. В. Моргунова, И. В. Наумов</i>	
Такие похожие и такие разные: коррелятивы и неопределенные местоимения в балкарском языке	156
<i>Д. Д. Мордашова</i>	
О грамматикализации одной дезидеративной формы в горномарийском языке	166
<i>В. А. Орлов</i>	
Эволюция отрицательного глагола в идиоме сибирских сето.....	175
<i>Д. Ю. Писаренко</i>	
Маркирование множественного числа в казымском диалекте хантыйского языка.....	181

<i>К. К. Поливанов, О. А. Казакевич, Н. В. Сердобольская, З. М. Халилова, Е. М. Будянская, А. П. Евстигнеева, К. О. Мищенко, Д. Д. Мордашова, С. В. Покровская, Е. А. Ренковская</i>	
Информационный ресурс «Малые языки России»: задачи и специфика	186
<i>П. О. Россяйкин</i>	
Конструкции со вспомогательным глаголом в карачаево-балкарском языке: картографический анализ	193
<i>О. В. Соломенчук</i>	
Частный вопрос в простой клаузе балкарского языка	203
<i>А. М. Старченко</i>	
Номинализация в амгуэмском диалекте чукотского языка: аргументная и предикативная позиции	211
<i>И. А. Хомченкова</i>	
Комитативные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка	220
<i>А. Б. Шлуинский</i>	
Об инкорпорации атрибута в словоформу существительного: данные языка акебу	228

От редактора

В сборник вошли статьи участников второй конференции «Малые языки в большой лингвистике» (МЯБЛ-2020), прошедшей на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 17–18 апреля 2020 года. МЯБЛ-2020 стал первой конференцией кафедры, вынужденно проведённой полностью дистанционно на платформе Zoom в виду эпидемиологической обстановки в мире. Как кажется, опыт этот оказался довольно успешным, и я, пользуясь случаем, благодарю всех участников и организаторов конференции за их решимость и продуктивную работу в новом для себя формате.

Приятно видеть, что разнообразие языкового материала в настоящем сборнике не уступает таковому в сборнике 2018 года — по-прежнему разностороннее освещение получают малые языки, представляющие языковые семьи и группы практически всех континентов; среди них атабаскские, гур, ква, нахско-дагестанские, тюркские, уральские, чукотско-камчатские и др.

Два тематических сборника — это ещё, конечно, не серия, но всё же уже очень неплохая основа для дальнейшего развития публикаций «Малых языков в большой лингвистике». Будем надеяться на их продолжение.

Кс. П. Семёнова

Гибель айнского языка

Владимир Михайлович Алпатов

Институт языкознания РАН / МГУ имени М. В. Ломоносова

v-alpatov@ivran.ru

Среди большого числа вымерших в недавнее время языков особо выделяется айнский язык, единственный коренной язык меньшинства в Японии¹, родственные связи которого до сих пор не выяснены.

Айны (самоназвание *айну*, в русской литературе XIX в. *айно*) принадлежат к древнейшему населению Японских островов, а также юга Сахалина, Курильских островов и южной оконечности Камчатки. Нет никаких исторических свидетельств о том, как и когда они проникли туда. По физическим данным они совершенно не похожи на монголоидных соседей и больше всего напоминают аборигенов Австралии. Известно лишь, что к началу новой эры Японские острова в юго-западной части населяли австронезийцы, а в северо-восточной части — айны; затем появились алтайские народы, смешавшиеся с австронезийцами, образовав японский этнос, а айны не вошли в его состав и на протяжении последующих двух тысячелетий оттеснялись к северо-востоку. К XIX в. они уже были вытеснены с Хонсю (первоначальные границы этносов нельзя установить) и жили на Хоккайдо и других территориях дальше к северу.

Из классиков русской литературы об айнах писал А. П. Чехов, побывавший в 1890 г. на Сахалине и написавший о своем путешествии книгу «Остров Сахалин». Он рассказывал: «Здесь инородцы, на вопрос, кто они, не называют ни племени, ни нации, а отвечают просто: *айно*. Это значит человек» [Чехов 1956: 218]. «Аино смуглы, как цыгане; у них большие окладистые бороды, усы и черные волосы, густые и жесткие. Глаза у них темные,

¹ Другим исконным языком японского меньшинства могут считать язык (точнее, диалектную группу) островов Рюкю. Однако при большом отличии от диалектов больших японских островов их носители всегда воспринимались (в том числе ими самими) как часть японского этноса в отличие от айнов.

выразительные, кроткие. Роста они среднего и сложения крепкого, коренастого, черты лица крупны, грубоваты, но в них... нет ни монгольской приплюсности, ни китайского узкоглазия. Находят, что бородатые айно очень похожи на русских мужиков. В самом деле, когда айно надевает свой халат ... и подпоясывается, то становится похожим на купеческого кучера». «Тело айно покрыто темными волосами... Борода и волосатость, составляющая такую редкость у дикарей, поражали путешественников, которые по возвращении домой описывали айно, как мохнатых». «Айно живут в близком соседстве с народами, у которых растительность на лице отличаются скудостью» [Чехов 1956: 220]. «Насколько солидны и благообразны айно-мужчины, настолько непривлекательны их жены и матери. Наружность айинских женщин авторы называют безобразной и даже отвратительной». «Мне казалось, что я вижу настоящих ведьм». «Быть может, это следует приписать тому, что во время вековых скитаний народа львиная доля лишений, тяжкого труда и слез выпала женщине» [Чехов 1956: 223].

«Наука до сих пор еще не отыскала для айно настоящего места в расовой системе. Айно относят то к монгольскому, то к кавказскому племени; один англичанин нашел даже, что это потомки евреев, заброшенных во времена оны на японские острова». «Во всяком случае, айно двигались с юга на север» [Чехов 1956: 221]. Отмечу, что не нашли места для них и сейчас.

Пишет Чехов и о характере айнов. «Они кротки, безответны» [Чехов 1956: 219]. «Почти все писавшие об айно, отзывались об их нравах с самой хорошей стороны. Общий голос таков, что это народ кроткий, скромный, добродушный, доверчивый, общительный, вежливый, уважающий собственность, на охоте смелый и, по выражению д-ра Rollen'a, спутника Лаперуза, даже интеллигентный. Бескорыстие, откровенность, вера в дружбу и щедрость составляют их обычные качества. Они правдивы и не терпят обманов». [Чехов 1956: 221]. «Они не воинственны, не терпят насилия; покорять, поработать или вытеснить их было нетрудно». Отовсюду их вытесняли, и они «таким образом в конце концов очутились в положении безвыходном» [Чехов 1956: 221].

«До занятия Южного Сахалина русскими айно находились у японцев почти в крепостной зависимости, и поработить их было тем легче, что они кротки, безответны, а, главное, были голодны и не могли обходиться без рису». «Занявши Южный Сахалин, русские... избегали вмешиваться в их внутреннюю жизнь». «К сожа-

лению, русские вместе со свободой не принесли рису; с уходом японцев никто уже не ловил рыбы, заработки прекратились и айно стали испытывать голод.... Нужен был рис, и вот, несмотря на свое нерасположение к японцам, побуждаемые голодом, начали они, как говорят, выселяться на Матсмай [Хоккайдо]». «Депутация от айно приходила в Корсаковский пост и просила дать работы... В работе будто бы было отказано» [Чехов 1956: 219–220].

«Не подлежит сомнению все-таки, что племя это исчезает и притом с необыкновенною быстротой» [Чехов 1956: 218]. В 1860-х гг. «по свидетельству одного автора ..., от Корсаковского поста в обе стороны по берегу шли айнские селения. Я же около поста не застал уже ни одного селения и видел несколько айнских юрт... В «Ведомости о числе проживающих инородцев за 1889 г. по Корсаковскому округу численный состав айно определяется так: 581 мужчин и 569 женщин» [Чехов 1956: 218–219]. «В последние 25–30 лет не было ни войн, ни значительных эпидемий, а между тем в этот промежуток времени племя уменьшилось больше чем наполовину. Мне кажется, вернее будет предположить, что это быстрое исчезание, похожее на таяние, происходит не от одного вымирания, но также и от переселения айно на соседние острова» [Чехов 1956: 218]. Переселялись на Хоккайдо, где также их количество сокращалось.

Айнский язык был не менее загадочен, чем его носители. До сих пор, несмотря на то, что его изучение насчитывает уже полтора столетия, его родственные связи не выяснены. Наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что когда, по широко известной гипотезе, предки индейцев переселялись из Азии через Берингов пролив в Америку, то одна их ветвь осталась в Восточной Азии. Но это всего лишь предположение.

Что касается строя айнского языка, то он очень своеобразен. Отмечу только наиболее заметные черты, о которых я писал в статье [Алпатов 1983] и в очерке [Алпатов 1997а]. Его грамматика характеризуется наличием трех частей речи: имен, переходных глаголов и непереходных глаголов (иногда еще выделяют немногочисленные классы демонстративов и наречий). Классы переходных и непереходных глаголов (ко второму классу относятся и слова, соответствующие прилагательным) различаются как валентностью, так и лично-числовыми аффиксами (в общую систему входят префиксы и суффиксы; показатели 3-го лица нулевые). Имеются три серии аффиксов: субъектные и объектные

показатели переходных глаголов и показатели непереходных глаголов. Серии частично совпадают и полностью различаются лишь для инклюзива и эксклюзива; формы инклюзива могут также быть формами вежливого 2-го лица, неопределенного лица и прямой речи. Категория залога отсутствует, но имеются разнообразные способы разграничения действий (состояний), выходящих за пределы активного актанта, и действий (состояний), замкнутых в актанте. Имеются префиксы, меняющие валентность и, если необходимо, часть речи: *wep* 'быть плохим' (непереходный глагол), *kowep* 'быть плохим (для кого-то), не нравиться (кому-то)' (переходный глагол), *ikka* 'быть вором' (непереходный глагол), *eikka* 'украсть что-то', *koeikka* 'украсть что-то у кого-то'. Имена не изменяются по падежам, субъектно-объектные отношения выражаются порядком, но имена изменяются по категории притяжательности; имеется особый показатель принадлежности, к которому добавляется показатель лица обладателя (принадлежность 3-му лицу выражена нулем). Распространены инкорпоративные комплексы типа «огонь + разжигать = разжигать огонь», «тело + быть высоким = быть высокого роста».

При небольшом числе носителей айнский язык отличался значительным диалектным членением, даже в 1950-е гг., когда язык уже начал исчезать, исследователи выделяли около 30 диалектов. Имелась также наддиалектная разновидность языка, использовавшаяся в эпосе. Контакты айнского и японского языков были в основном односторонними: влияние японского языка на айнский было значительным, а в японском языке роль айнских по происхождению единиц заметна главным образом в топонимике; даже название горы *Fuji* иногда возводят к айнскому языку. Письменности айнский язык никогда не имел.

Отношение японцев к айнам длительное время было презрительным. Народные этимологии далеко не всегда безобидны. Самоназвание народа *ainu*, вошедшее и в японский язык, постоянно связывалось с японским словом *inu* 'собака' (*ainu* рассматривали как сочетание японского междометия *a* с *inu* и переводили как *ах ты, собака*), и в айнах видели потомков смешения собак с людьми. «Кроткий, скромный, добродушный, доверчивый народ» не оказывал сопротивления более активным и многочисленным японцам.

Ко временам Чехова носители айнского языка — охотники и рыболовы — находились у японцев, по выражению писателя,

«почти в крепостной зависимости», а ареал его распространения сокращался. И всё же он был устойчив, пока айны сравнительно мало соприкасались с японцами. Еще в середине XIX в. на Хоккайдо японцы жили в основном на крайнем юге острова. Однако после революции 1867–1968 гг. началось быстрое заселение японцами Хоккайдо, где еще была свободная, с их точки зрения, земля, а айны в расчет не принимались. Ситуация, сходная с положением индейцев в США; и влияние айнского языка на японский сходно с влиянием индейских языков на английский: заимствовались либо названия местных реалий, либо топонимика. Айны не считались полноправными гражданами, а их язык не имел никаких прав и остался бесписьменным; начальное образование вводилось на японском языке. Кроме того, сокращалась территория, где жили айны. На Хоккайдо, а после 1905 г. и на Сахалине лучшие земли отошли японцам, а с Курильских островов по военным соображениям айнов вывезли до второй мировой войны (с Камчатки их вытеснили еще раньше). Вследствие этого курильский диалект исчез, и в 1950-е гг. его уже не смогли записать.

Уже Чехов отмечал быстрое исчезновение айнов. Разумеется, оно происходило не столько за счет физического истребления, сколько за счет ассимиляции. Но до второй мировой войны часть этого народа еще могла жить, не имея постоянных контактов с японцами, а неполноправный статус объективно сдерживал ассимиляцию. В период американской оккупации (1945–1952) айны юридически были уравнены в правах с японцами, но при этом не предпринимались какие-либо меры по сохранению айнского языка и айнской культуры. Естественным результатом стало ускорение ассимиляции и быстрое исчезновение айнского языка, не обладавшего престижностью ни среди самих айнов, получивших возможность повысить свой статус, ни тем более среди японцев.

Следует рассмотреть и судьбу айнского языка на Сахалине. После присоединения Южного Сахалина к СССР в 1945 г. вместе с японцами уехали в Японию и большинство айнов, где они разделили общую судьбу этого народа. Однако небольшая их часть осталась на Сахалине, и в 1940–1960-е гг. их там встречали, и даже были недостаточно профессиональные попытки записывать их язык. В 1978 г. в Институте востоковедения АН СССР была организована экспедиция в составе: А. Н. Барулин (руководитель), С. А. Старостин, И. И. Пейрос и В. М. Алпатов. Однако найти людей, знающих айнский язык, не удалось. На острове оставались

лишь либо одинокие пожилые люди, не дожившие до 1978 г., либо лица смешанной крови, знавшие лишь русский язык. Чехов упоминает, что бывший ссыльный Колевский (поляк) «сожительствует с айнкой», мы нашли их потомка, но он, разумеется, помнил бабушку, но не знал ее языка; в памяти осталось лишь воспоминание детства о том, как дедушка-поляк с бабушкой-айнкой стоваривались на этом языке при игре в карты. Мне встретилась и немолодая женщина явно айнского антропологического типа, но она заявила, что айнский язык не знает. Среди людей, чье владение этим языком было достоверно известно, последний умер в доме престарелых города Анива за три года до экспедиции. В то же время среди тех, кто в 1940-е гг. уехали в Японию, были носители айнского языка, впоследствии использовавшиеся как информанты.

В 1950-е гг. отношение к айнскому языку в Японии все-таки стало меняться, если не среди обычных граждан, то хотя бы среди лингвистов. Стали появляться специалисты, как среди этнических айнов (Тири Масихо²), так и среди японцев. Из последних следует отметить видную исследовательницу, профессора университета Васэда Тамура Судзуко. Появились грамматики ряда диалектов, а во второй половине 1950-х гг. под руководством академика Хаттори Сиро прошло массовое исследование более 20 диалектов Хоккайдо и Сахалина. Тогда материала для исследования было достаточно, но в большинстве информантами были люди, которые помнили язык, на котором говорили в детстве, но не те, кто использовали его в повседневном общении. Хаттори впоследствии говорил: «Мы успели на последний автобус».

Исследования айнских диалектов велись до конца XX в., особенно следует отметить работы русской исследовательницы А. Ю. Бугаевой, работавшей с информантом по райчишкинскому диалекту, ранее распространенному на Сахалине. В университете Васэда благодаря энтузиазму С. Тамура айнский язык пользовался популярностью. В 1985 г. я присутствовал там на фольклорном спектакле на айнском языке, участвовали студенты-японцы и огромного роса американец, игравший медведя. И впервые появляются попытки писать на этом языке, появился и его учебник. Но всё это нельзя назвать полноценным функционированием языка.

² В Японии (в том числе и в отношении айнов) принято сначала ставить фамилию, а потом имя.

За полтора столетия интересный в типологическом отношении и отражавший своеобразную культуру язык прошел путь от вполне стабильного до исчезнувшего. Подробнее о гибели айнского языка см. [Алпатов 1997b].

Литература

- Алпатов 1983 — Алпатов В.М. К типологической характеристике айнского языка // ВЯ, 1983, №2. С.81–86.
- Алпатов 1997а — Алпатов В.М. Айнский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М. Индрик. 1997. С.126–138.
- Алпатов 1997б — Алпатов В.М. Судьба айнского языка // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М. МГУ. 1997. С.109–115.
- Чехов 1956 — Чехов А.П. Остров Сахалин // Чехов А.П. Собрание сочинений, т.9. М., 1956.

Многоязычный Дагестан: лингводемографический комментарий к Всероссийской переписи населения 2010¹

Владимир Иванович Беликов
независимый исследователь²
vibelikov@gmail.com

Обработав полученные в поле результаты, лингвист их публикует, при этом хороший тон предполагает дать общие сведения о языке. Их принято брать из надежных источников, к каковым Википедию относят не все профессионалы³, а на переписную статистику в «Большой российской энциклопедии» полагаются многие, особенно после того, как издание стало общедоступным⁴. Прежде чем касаться дагестанского многоязычия, процитирую четыре статьи из БРЭ:

Алёторский язык <...> Распространён в качестве языка бытового общения в сев. части п-ова Камчатка и на о. Карагинский. Число владеющих А. я., по данным переписи 2010, 25 чел., по оценкам специалистов (2003) — не более 2 тыс. чел.

¹ Статистические и другие материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. размещены на сайте Росстата (gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm). Навигацией по этой странице находится раздел «Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство», где имеются десятки скачиваемых Excel и PDF-файлов (частично в архивах). Все упоминаемые в тексте данные получены из этих файлов.

² Удостоен ведомственной медали «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения», № 025606. Результаты ВПН-2010 — заслуга не моя, а организаторов переписи и переписанных.

³ И правильно. На 5 марта 2020 г. в ст. **Кумандинское наречие** указывалась статистика на 2010 год со ссылкой «[1]», ведущей к переписи 2002 г. Далее следует: *По переписи 1897 года этнических кумандинцев насчитывалось...* На современную энциклопедию позволю себе реагировать на современном же языке: *Щаз! «Этничность» автор выудил из сословной принадлежности, родного языка или из вероисповедания?* (ближе указанного к этничности в той переписи не было ничего).

⁴ <https://bigenc.ru/vocabulary>

Водский язык <...> Распространён как язык бытового общения в нескольких деревнях Кингисеппского р-на Ленингр. обл. По данным переписи 2010, число владеющих В. я. 68 чел., однако оно завышено — по оценкам лингвистов, В. я. владеют не более двух десятков чел. <...>

Нанайский язык <...> Распространён гл. обр. в Хабаровском и Приморском краях РФ <...> — по среднему течению Амура, а также на смежных территориях в Китае (в пров. Хэйлуцзян в низовьях притоков Амура – Сунгари и Уссури), <...> Общее число говорящих св. 5 тыс. чел. (2011, оценка), в т. ч. в России 1347 чел. (2010, перепись) <...>

Кумандинский язык <...> Распространён в Алтайском крае и Республике Алтай в среднем течении р. Бия. Численность говорящих 738 чел. (2010, перепись) <...>

В двух первых статьях данные переписи вводятся причастием от глагола *владеть*, а в двух других — от глагола *говорить*; возможно, глагол *владеть* показался излишне канцелярским. Но *владение языком* для демографа — в такой же степени термин, как для лингвиста *носитель языка*. В переписном листе ВПН-2010 блок вопросов «9 Владение языками» состоял из трех вопросов: 9.1 *Владеете ли Вы русским языком?*; 9.2 *Какими иными языками Вы владеете?* (три позиции для заполнения); 9.3 *Ваш родной язык* (одна позиция). Любой вопрос мог остаться unanswered, вопросы 9.2 и 9.3 не связаны между собой и с вопросом 7 *Ваша национальная принадлежность*.

Владение конкретным языком, зафиксированное переписью, и способность говорить на нем не всегда коррелируют, поэтому предлагаю отличать *владельцев* языка от его *носителей*. Польза такого противопоставления хорошо иллюстрируется на примере Дагестана.

Дагестан многонационален, но вряд ли удивляет, что ВПН-2010 не выявила там ни одного вожанина, кумандинца или нанайца. Удивляет другое: суммарное число дагестанских владельцев соответствующих языков (589 чел.) больше числа владельцев ахвахского, ботлихского и годоберинского (в Дагестане их было 488, а представителей соответствующих этносов — 11857). Статистика по владельцам языков совершенно не стыкуется с численностью этносов и тех, кто назвал языки родными: по России три упомянутых дагестанских языка родными признали 8216 человек, а водский, кумандинский и нанайский — в два с половиной раза меньше (3317 чел.).

Замечание. В материалах Росстата полный список родных языков по России в целом опубликован лишь для «наиболее многочисленных национальностей» (св. 50 тыс. чел.). По субъектам Российской Федерации статистикой охвачены «основные» народы и «основные» родные языки, в каждом случае свои. Так, в файле по Республике Дагестан — 13 национальностей: аварцы (с выделением субэтнических групп *дидойцы* и *андийцы*), даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, азербайджанцы, табасараны, русские, чеченцы, ногойцы, агулы, рутульцы, цахуры и 15 родных языков (включая андийский и цезский, язык дидойцев).

Относительно полная привязка этничности к родному языку есть лишь для 46 официально выделяемых коренных малочисленных народов (им сопоставлены 74 родных языка⁵). Паронимическая путаница, восходящая к неаккуратным или сокращенным записям, здесь бросается в глаза (немецкий оказался родным для 90 ненцев, чувашский — для 12 чуванцев).

Часть нестыковок этничности, родного и «владеемого» языка легко объяснима: переписываемый может не упоминать владение родным языком, поскольку считает это очевидным⁶. Есть и противоположная возможность, особенно характерная для исчезающих языков: индивид считает свой этнический язык родным, но не указывает владение им, поскольку с трудом понимает лишь простые фразы или знает несколько слов⁷. Бланки заполняет не он, а специально обученный переписчик, который (в отличие от переписываемых) должен уметь читать и писать по-русски. Фактически это единственное требование к организаторам переписи, которое всегда соблюдается. И переписчики, и их инструкторы

⁵ В файле «Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку» родные языки 251 человека попали в число «других языков (не перечисленных выше)»; у ряда народов эта категория составляет заметную долю (у сету — 13,1%, у нганасан — 4,6%). Из языков Дагестана в число этих 74 попал лишь кумыкский, оказавшийся родным для четырех нанайцев и одного нагайбака.

⁶ В Дагестане аварский назвали родным 799293 чел., из них 793420 аварцев (с субэтносомами), а владение аварским указали лишь 677935 чел.

⁷ Ср. данные по нанайцам: из 11973 чел., указавших родной язык, нанайский назвали 2244 (18,7%), из 12002 чел., указавших владение языками, нанайский упомянули 797 (6,6%).

могут достаточно вольно трактовать вопросы переписного листа⁸. При обработке первичных данных ошибки множатся.

Далее я рассмотрю общедоступную переписную статистику по некоторым языкам России, носителей которых лингвисты не будут искать в Дагестане. Общие сведения о владельцах языков, проиллюстрированных выше статьями из БРЭ, см. в Табл. 1.

Таблица 1.

Территории расселения лиц, владеющих четырьмя малыми языками

Владельцы языка	Россия, человек	Доля от общего числа владельцев языков по федеральным округам, %							
		ЦФО	С-ЗФО	ЮФО	С-КФО	ПривФО	УрФО	СибФО	ДВФО
Алюторского	25	16,0	12,0	16,0	24,0	4,0	4,0	8,0	16,0
Водского	68	11,8	32,4	7,4	38,2	4,4	0,0	5,9	0,0
Нанайского	1347	2,5	0,4	0,7	27,9	0,8	0,3	2,2	65,3
Кумандинского	738	1,5	1,2	1,2	20,7	0,8	0,9	72,9	0,7

Как видим, существенная часть владельцев этих языков живет на Северном Кавказе, в основном в Дагестане. Всего в Дагестане перепись выявила 11 языков, владельцы которых там есть, а тех, кто отнес себя к соответствующему этносу, нет. В основном это народы Сибири и Дальнего Востока. В Табл. 2 приведены детали расселения владельцев этих языков, в том числе в субъектах федерации, где расположены этнические ареалы соответствующих народов, и в федеральных округах, включающих и сам ареал, и ближайшие территории выезда из него.

Этнической принадлежности шести с половиной сотен человек из третьего столбца Табл. 2⁹ мы не знаем. Единичные случаи допускают вполне естественные объяснения: аварец (русский, армянин), выросший в Туве и говорящий по-тувински, вполне может

⁸ У меня сохранилась «пояснительная записка», полученная 16 октября 2010 г. от моего переписчика, где сказано «На переписном участке разъяснили, что вопрос 9.2 подразумевает иностранные языки».

⁹ В сумме там 658 «человеко-владельцев», но стоящих за ними людей может быть несколько меньше: теоретически один человек может объявить себя владельцем саамского, уйльта и шорского. В целом по Дагестану владение языками указали 2828366 чел., в среднем по 1,814 языка на человека.

переехать в Махачкалу. Но семь носителей нганасанского — более чем подозрительны; тут вспоминается давний случай: зимой 1970 года тогдашний студент-лингвист Паша Лунгин сообщил, что записался в переписи нганасаном, объясняя это стремлением численно помочь малому народу. Можно подозревать, что сейчас кое-где срабатывает такой «эффект Лунгина», причем организованный группами, к счастью, небольшими.

Таблица 2.

ВПН-2010 о некоторых языках этносов, не представленных в Дагестане

Указали владение языком	в России	в Дагестане	Доля Дагестана, %	Число владельцев языка в традиционных регионах проживания соответствующего этноса
Алюторским	25	6	24,0	ДВФО: 4, Камчатск. кр.: 4 (16,0%)
Водским	68	25	36,8	С-ЗФО: 22, Лен. обл.: 13 (19,1%), СПб: 3 (4,4%)
Корякским	1665	2	0,1	ДВФО: 1605, Камчатск. кр.: 1203 (72,3%), Магаданск. обл.: 372 (22,3%)
Кумандинским	738	152	20,6	СибФО: 538, Алтайск. кр.: 289 (39,2%), Респ. Алтай: 223 (30,2%)
Нанайским	1347	369	27,4	ДВФО: 879, Хабар. кр.: 808 (60,0%), Прим. кр.: 17 (1,3%)
Нганасанским	125	7	5,6	СибФО: 102, Красноярск. кр.: 98 (78,4%)
Саамским	353	1	0,3	С-ЗФО: 330, Мурманск. обл.: 315 (89,2%)
Тофаларским	93	3	3,2	СибФО: 85, Иркутск. обл.: 82 (88,2%)
Тувинским	253673	2	0,0	СибФО: 251434, Тува: 244280 (96,3%)
Уйльта	47	1	2,1	ДВФО: 21, Сахалинск. обл.: 17 (36,2%)
Шорским	2839	1	0,0	СибФО: 2714, Кемеровск. обл.: 2265 (79,8%)
Якутским	450140	89	0,0	ДВФО: 445133, Якутия: 443312 (98,5%)

Превышение числа владельцев (воспринимаемых обычно как носители) якутского или тувинского над якутами и тувинцами выглядит неестественно даже в тюркологических центрах, но одно-двузначные абсолютные цифры для языков с сотнями тысяч носителей на общих сведениях по благополучным «большим» языкам не сказываются. Другое дело — малые бесписьменные угрожаемые языки, для которых число реально знающих язык неуклонно падает даже в местах относительно компактного проживания их носителей. В этом случае выявленные переписью фиктивные владельцы значительно искажают лингводемографическую статистику. В Табл. 3 сопоставлено соотношение владельцев языка и соответствующего этноса в этническом регионе и вне его. Для благополучных языков, тувинского и якутского, ситуация выглядит естественной: вне традиционного ареала владение языком падает. У остальных этот показатель растет: у саамов и шорцев незначительно, у кумандинцев в два с лишним раза, у уйльта и нанайцев в несколько раз, у води просто фантастически.

Таблица 3. Статистика по некоторым не представленным в Дагестане народам и владельцам соответствующих языков в традиционных ареалах и вне их

Народ	Россия		Доля владельцев языка от численности соответствующего народа		
	численность	число владельцев соотв. языка	в России	в этническом регионе	вне региона
Тувинцы	263934	253673	96,1%	Тува: 98,0%	64,2%
Якуты	478085	450140	94,2%	Якутия: 95,0%	58,9%
Водь	64	68	106,3%	Петербург и Ленингр. область: 27,1%	1040,9%
Нанайцы	12003	1347	11,2%	Хабаровский и Приморский края: 7,2%	85,4%
Уйльта	295	47	15,9%	Сахалин: 6,6%	83,3%
Кумандинцы	2892	738	25,5%	Алтайский край и Респ. Алтай: 20,8%	52,7%
Шорцы	12888	2839	22,0%	Кемеровская обл.: 21,2%	25,9%
Саамы	1771	353	19,9%	Мурманская обл.: 19,7%	22,1%

Довольно очевидно, что вне исторической территории компактного проживания некоего этноса знание соответствующего языка может хорошо сохраняться среди представителей самого этноса и распространяется в иноэтнической среде по причине престижа языка и связанной с ним культуры. Иностранные языки преподаются в школе и вузе, так что владение ими могут указывать даже те, кто знает их очень поверхностно. Есть и небольшое число тех, кто изучает иностранный язык самостоятельно, «из интереса», «по велению сердца» и т. п. Соотносить численность лиц «иностранных» национальностей и владеющих соответствующими языками сложно. То же касается и «полуиностранных» языков (польского, греческого, финского и др., а в постсоветской России также армянского или узбекского), но кое-что здесь явно удивляет.

ВПН-2010 зарегистрировала в Дагестане по два француза, португальца и финна, при этом французским владели 3174 человека, португальским — 13¹⁰, финским — 440. Первые две цифры легко объяснимы.

С финским сложнее: как иностранный его учат и самостоятельно, и в небольшом количестве вузов. Но до 1917 года незначительная часть жителей Финляндии свободно расселялась по Российской империи; более существенно то, что исторически финны жили в Ингерманландии и ее центре, Петербурге. Бóльшая часть ингерманландцев с конца 1920-х и на протяжении 1930-х годов выселялась в Сибирь и Среднюю Азию, а также на Кольский полуостров и в нынешнюю Вологодскую область. Многим позже удалось вернуться на родину, но часть осталась в местах ссылки. В результате соотношение этнических финнов и владеющих финским языком на территории России устроено поразному (см. Табл. 4).

В Дагестане финны не селились, но по числу владельцев финского он занимает седьмое место среди регионов России. А главное — относительное число владельцев финского (как в последней строке Табл. 4) здесь максимально: 220. На втором месте Марий Эл (при семи финнах языком владели 152 чел.), что объяснимо интересом к родственному языку, а Москва, где язык не

¹⁰ Переписью были отмечены представители и других народов, которым свойственно знать португальский (457 ангольцев, 266 бразильцев, 56 мозамбикцев), но в Дагестане их не было.

интенсивно, но все же изучается в вузах, лишь на третьем. Исключительный интерес дагестанцев к финскому языку интерпретации не поддается.

Таблица 4.

Этнические финны и владельцы финского языка по регионам России

	Россия	Москва	СПб	Карелия	Ленингр. область	Другие районы Европ. части РФ	Урал, Сибирь, Дальний Восток
Владельцы финского	38873	2788	9802	14630	5377	5334	942
Финны	20267	388	2559	8577	4366	2509	1868
Отношение владельцев к финнам	1,9	7,2	3,8	1,7	1,2	2,1	0,5

Такого рода частные абсурдные данные переписей характерны отнюдь не только для Дагестана. В Краснодарском крае, где в 2010 г. зарегистрировано 50 якутов и 5 тувинцев, владельцев этих языков было, соответственно, 63 и 38. В Пермском крае 7 тувинцев и 21 владелец тувинского, в Волгоградской области 6 якутов и 25 владельцев якутского. В Свердловской области при 9 владельцах негидальского негидальцев не было. То же и с языками/народами дальнего зарубежья: если заметное превышение владельцев вьетнамского языка над вьетнамцами на Сахалине (18 и 7) понимается с трудом, то статистику по Курской области (205 владельцев малайского при 82 малайцах, 138 владельцев тамильского при 94 ланкийцах и одном индийце, 100 бирманцев при отсутствии владельцев бирманского языка) проинтерпретировать можно лишь через эффект Лунгина (иностранным гражданам во время переписи вопросы об этнической принадлежности и языковой компетенции не задавались). То же и в Волгоградской области, где при 14 индийцах и отсутствии ланкийцев было 106 владельцев тамильского языка, при том что в Москве их было 18, в Петербурге — 6.

Я вижу лишь одно разумное объяснение описанным выше аномалиям: прилагательные *финский*, а также *алюторский*, *водский*, *кумандинский* и (имея в виду данные, не имеющий отношения к Дагестану) многие другие наименования языков в материалах переписей следует понимать не только в стандартных словарных значениях¹¹.

В некоторых случаях гипотезы о сущности таких нестандартных значений (демографы и большинство пользующихся их материалами, впрочем, принимают их за стандартные) естественны. Паронимическая путаница, упомянутая выше в «Замечании», объясняет, почему в файле «Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей» *татский* числится родным языком у татар (82 чел.), *болгарский* у балкарцев (22) и кабардинцев (5), *дари* у даргинцев (12), *нанайский* у ногайцев (6). Но в этом файле данные по России в целом. Трудно поверить, что в Кабардино-Балкарии причастные к переписи лица путают слова *болгарский* и *балкарский*, а в Дагестане — *нанайский* и *ногайский*.

Можно делать правдоподобные догадки относительно появления «нестандартных значений»¹², но без знания, где именно в Дагестане живут знатоки нанайского, финского, кумандинского, водского, к какой национальности они себя причисляют, такие предположения останутся гипотетическими.

Лингвистам, пишущим о малых языках, в первую очередь стоит полагаться на собственные материалы. Следует помнить, что данные переписей не всегда и не во всем достоверны. Поскольку более надежной официальной статистики нет, приходится пользоваться и ею, но делать это нужно осторожно. И не плодить новых ошибок.

¹¹ О стандартном словарном значении приходится говорить условно: прилагательных *алюторский*, *кумандинский* и многих других лингвонимов ни в толковых, ни даже в орфографических словарях нет, как нет и производящих их существительных. Однако к лингводемографии этот факт отношения не имеет.

¹² Например, Т. Майсак в частном письме предположил, что «финский» — это фийский, диалект лезгинского из с. Фий, весьма отличный от остальных».

Двухместные предикаты в саамских языках в ареальной перспективе

Алёна Алексеевна Блинова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ablinova@edu.hse.ru

Ксения Андреевна Шагал

Хельсинкский университет
ksenia.shagal@gmail.com

1. Введение

Данное исследование представляет собой краткий сравнительный анализ маркирования аргументов двухместных предикатов в двух саамских языках — колтта-саамском и южносаамском — в типологической, генеалогической и ареальной перспективе. Согласно типологическим работам, в языках мира двухместные предикаты демонстрируют существенное разнообразие стратегий кодирования аргументов. В то же время они составляют достаточно многочисленную и однородную группу, что позволяет установить интересные межъязыковые закономерности (Bickel et al. 2014, Сай 2018a). Именно поэтому они представляют для сравнительного анализа наибольший интерес. В основу исследования лег проект Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН (Сай 2018a; Сай и др. 2018): так, мы использовали для сбора языковых данных анкету, разработанную в рамках проекта, а также следовали методологии анализа собранного материала.

Как показано в работе (Сай 2018b), организация двухместных предикатов в классы в разных языках отражает контактные и ареальные явления разного масштаба: от мощных ареальных тенденций субконтинентального уровня до контактно обусловленных черт, объединяющих небольшие группы географически близких неродственных языков. Колтта-саамский и южносаамский языки с точки зрения влияния ареальных факторов представляют собой многообещающий материал. С одной стороны, они принадлежат к одной подгруппе в рамках уральской языковой семьи,

мально точно отражающий семантику исходного предиката. Если для предиката нет эквивалента в исследуемом языке или глагол, передающий нужную семантику, не является в нем двухместным, этот предикат в данном языке исключается из рассмотрения.

Полученные данные используются для оценки сходств и различий между языками на разных уровнях — от общих закономерностей до конкретных деталей. Для самого грубого анализа используется индекс переходности — отношение количества переходных глаголов² к общему количеству предикатов, для которых были получены эквиваленты в исследуемом языке (например, 0,55 для колтта-саамского: 67 переходных предикатов из 121). На следующем уровне анализа составляется профиль переходности каждого из исследованных языков. Для этого идентифицируется множество предикатов, эквиваленты которых в этом языке попадают в класс переходных. Наиболее детальный анализ предполагает сравнение распределения предикатов по классам. Два предиката считаются принадлежащими к одному классу, если первый и второй их участники попарно кодируются одинаково. То, какой участник является первым, а какой вторым, устанавливается для каждого предиката на основании семантических свойств: у первого участника преобладают свойства прототипического агенса, у второго участника преобладают свойства прототипического пациенса (Dowty 1991). Более подробно методология исследования изложена в статье (Сай и др. 2018).

3. Двухместные предикаты в уральских языках

Типологический проект, посвященный изучению двухместных предикатов, на данный момент включает в себя материалы 13 уральских языков — в том числе колтта-саамского, подробно рассмотренного в (Shagal and Blinova, to appear), и южно-саамского, впервые представленного в данном исследовании. Уральские языки демонстрируют очень большой разброс значений индекса переходности — от 0,30 у финского до 0,71 у южно-саамского (для сравнения: разброс внутри индоевропейской

² Переходными в определенном языке считаются все глаголы, аргументы которых кодируются в этом языке тем же способом, что и аргументы прототипически переходных глаголов 'ударить' и 'убить' (Сай и др. 2018: 13, Haspelmath, Hartmann 2015: 137–138). В обоих саамских языках переходные предикаты управляют аккумулятивом.

семьи — 0.36–0.67). При этом в типологическом исследовании (Сай 2014) отмечена обратная зависимость между количеством падежей в языке и его индексом переходности (так, финский с 15 падежами имеет показатель 0.30, а норвежский, в котором именных падежей нет, — 0.54). Тем не менее, в колтта-саамском и южносаамском большое количество падежей (9 и 8 соответственно) соседствует с высокими показателями переходности (0.55 и 0.71). В какой-то степени такие значения индекса могут объясняться тем, что саамские языки почти полностью утратили партитив, широко используемый для кодирования аргументов, например, в финском, и функции партитива перешли к аккумулятиву. Действительно, как показано в работе (Shagal and Blinova, to appear), многим финским глаголам, управляющим партитивом, соответствуют колтта-саамские переходные глаголы, ср. финский пример (2) и колтта-саамский (3). Во многих случаях это верно и для южносаамского, см. (4):

(2) *Pekka* *usko-o* *Matti-a*.
 Петя.NOM.SG верить-PRS.3SG Матвей-PART.SG
 ‘Петя верит Матвею.’

(3) *Peâtt* *âskk* *suii*.
 Петя.NOM.SG верить.PRS.3SG он(а).ACC
 ‘Петя верит ей.’

(4) *Hilje* *Mikaelem* *jaahka*.
 Илья.NOM.SG Михаил.ACC.SG верить.PRS.3SG
 ‘Илья верит Михаилу.’

Тем не менее, утрата партитива, очевидно, не может в полной мере объяснить исключительно высокий индекс переходности саамских языков в рамках уральской семьи, и тем более не может объяснить существенного различия в значении индекса внутри подгруппы. Этот вопрос обсуждается подробнее в разделе 4.

С точки зрения профиля переходности уральская языковая семья является довольно раздробленной: в ней, относительно других семей, активно проявляются ареальные тенденции (данные исследованных ранее языков и методика расчета метрики представлены в Сай 2018b: 576, 579–582). Из этого можно сделать вывод, что в уральских — в том числе саамских —

языках наблюдаются существенные изменения, вызванные контактным влиянием (в случае входящих в это исследование языков влияние оказывают в первую очередь финский, шведский и русский). Колтта-саамский по своему профилю переходности оказывается близок к русскому языку, а также кластеру языков, находящихся под сильным влиянием русского (марийские языки, коми-зырянский, коми-пермяцкий, эрзянский). При этом он далек от норвежского — скандинавского языка с самым близким значением индекса переходности (0.55 у колтта-саамского и 0.54 у норвежского); это указывает на то, что в действительности стратегии поведения двухместных глаголов в этих языках заметно различаются. Южносаамский в этом отношении ближе к норвежскому (и, что ожидаемо, шведскому), чем колтта-саамский. Отчасти это может объясняться его в целом высоким индексом переходности (0.71), а значит, тенденцией включать в класс переходных большинство глаголов, являющихся переходными в других исследуемых языках.

4. Сравнительный анализ двухместных предикатов в саамских языках

Для более детального анализа сходств и различий двух саамских языков мы сравнили попарно все предикаты, эквиваленты для которых удалось получить для обоих (103 из 130 предложений анкеты). Валентностные рамки можно считать одинаковыми для 69 предикатов (67.0%), и в большинстве случаев (58/69, т.е. 84.1% от числа совпадений) эта рамка оказалась переходной. Из непереходных рамок более одного раза встречается оформление второго участника комитативом, а также локативом в колтта-саамском и элативом в южносаамском.³ Комитативная стратегия используется при симметричных предикатах ('встречаться', 'драться', 'ссориться', 'разговаривать'), а также для оформления инструмента ('порезаться'). Как показывает Сай (2018b: 569), эти два типа значений нередко кодируют аргументы одинаково, а симметричные предикаты и вовсе являются одним из лучших примеров компактного типологически релевантного валентностного класса. Напротив, локативное/элативное кодирование аргу-

³ Сохранившимся в южносаамском языке отдельным формам инессива *guele-sne* 'рыба-INE' и элатива *guele-ste* 'рыба-ELA' в колтта-саамском соответствует единая форма локатива *kue'lest* 'рыба-LOC' (Sammallahti 1998: 66–67).

ментов используется при предикатах ‘слезать’, ‘бояться’ и ‘наполняться’, которые не принадлежат ни к какому устойчивому классу с точки зрения значения и демонстрируют широкую вариативность в кодировании аргументов внутри уральской семьи, так что их объединение в одну группу может оказаться как общей чертой саамских языков, так и просто совпадением.

Особый интерес для нашего исследования представляют предикаты, у которых валентностные рамки в двух саамских языках различаются: именно такие случаи, наиболее вероятно, могут отражать непосредственное контактное влияние. Для целого ряда предикатов это влияние достаточно очевидно: разница в кодировании между колтта-саамским и южносаамским в точности повторяет различия между их основными контактными языками, финским и шведским, а иногда отражает и более общие ареальные тенденции. Ярким примером является посессивная конструкция, на которой основывается кодирование предикатов ‘иметь’ и ‘быть достаточно’. В колтта-саамском и финском обладатель маркируется локативом и адессивом соответственно, а обладаемое получает номинативное оформление. Такая стратегия кодирования (с неноминативным оформлением первого участника) характерна для целого ряда циркумбалтийских языков, в частности для прибалтийско-финских, русского (*У меня есть машина, Мне достаточно денег*) и латышского. В южносаамском и шведском базовой является конструкция с переходным глаголом ‘иметь’, что характерно для языков средневропейского стандарта. Как отмечает Ковалик (2016: 52–54), в южносаамском эта конструкция развилась и стала частотной как раз в результате контакта со шведским и норвежским. Кроме того, при предикатах ‘входить’ и ‘выходить’ колтта-саамский и финский, как и абсолютное большинство уральских языков, кодируют участников падежными средствами (иллативом и локативом/элативом соответственно), в то время как южносаамский, также обладающий относительно богатой падежной системой, использует адлоги (послелог *sijse* ‘в’ и *sistie* ‘из’), подобно скандинавским языкам, где следов именного падежа почти не сохранилось.

Впрочем, контактное влияние разных языков, как кажется, может проявляться и на более абстрактном уровне, в частности в общем стремлении к переходному или непереходному кодированию участников. В этом отношении показательны 19 зафиксированных случаев, когда валентностная рамка оказалась переходной

в одном из языков и непереходной в другом. Прежде всего, можно заметить, что колтта-саамский оказался «более переходным» всего в четырех случаях против 15 у южносаамского. Иначе говоря, и на полностью идентичном наборе предикатов южносаамский имеет значительно более высокий индекс переходности, чем колтта-саамский: 0.72 (74 предиката) против 0.60 (62 предиката). Стоит отметить также, что во всех четырех случаях, когда переходное кодирование используется из двух саамских языков только в колтта-саамском, соответствующие предикаты имеют переходное или партитивное кодирование второго участника в финском ('выиграть (у кого)', 'думать (о ком)', 'махать (чем)' и 'окружать'). Иными словами, переходность конкретных предикатов в колтта-саамском напрямую поддерживается его основным контактным языком. Для южносаамского такой строгой связи со шведским не наблюдается: некоторые предикаты, переходные в южносаамском, переходны и в шведском ('нападать', 'покидать', 'нравиться' и др.), однако многие используют в шведском непереходную стратегию кодирования ('смотреть (на что)', 'стрелять (в кого)', 'влюбляться' и др.). Таким образом, можно предположить, что шведский, демонстрирующий относительно высокий индекс переходности (0.64 на 129 предикатах и 0.67, если считать только предикаты, собранные и для южносаамского), будучи в контакте с южносаамским, не только предоставляет последнему готовые валентностные рамки для отдельных предикатов, но и в целом способствует более широкому распространению в языке переходной стратегии кодирования аргументов.

5. Выводы

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что саамские языки занимают особое место в уральской семье, демонстрируя одновременно и генеалогически обусловленные общие свойства, и черты, сформировавшиеся под влиянием языкового контакта. Наиболее заметной общей чертой двух саамских языков, отличающей их от большинства уральских, является их большая склонность к переходному кодированию участников. Так, например, оба исследованных саамских языка существенно более переходны, чем родственный им и относительно близкий географически финский. Отчасти, по-видимому, это можно объяснить утратой партитива, однако очевидно, что

для полноценного объяснения необходимо привлечь и какие-то дополнительные факторы.

В ареальной перспективе, однако, важнее идентифицировать расхождения внутри подгруппы, которые могут объясняться контактной историей. В случае с саамскими языками эти расхождения становятся заметны уже при использовании достаточно грубой метрики — индекса переходности: южносаамский оказывается гораздо более переходным, чем колтта-саамский, и по этому параметру ближе к шведскому и другим германским языкам. При анализе конкретных предикатов становится очевидно, что это различие невозможно объяснить простым заимствованием отдельных валентностных рамок (прежде всего из шведского в южносаамский), так что можно предположить, что соседство со скандинавскими языками, тяготеющими к переходности, оказало влияние на южносаамский на более абстрактном уровне.

Что касается различий более низкого порядка, они наблюдаются как на уровне отдельных конструкций (например, посесивной), так и на уровне единичных валентностных рамок конкретных предикатов. В этих случаях влияние других языков почти всегда очевидно, однако стоит отметить, что контактное распространение валентностных рамок, как правило, не подразумевает заимствования конкретного языкового материала (Say 2014: 160), а потому представляет собой типичный случай заимствования модели, а не формы (pattern borrowing по Matras and Sakel 2007).

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; ELA — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; INE — инессив; LOC — локатив; NOM — номинатив; PART — партитив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Сай 2018a — Сай, С.С. 2018. Валентностные классы двухместных предикатов: теоретический контекст, задачи исследования и структура сборника // С. Сай (ред.), *Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках*, 5–24. СПб.: ИЛИ РАН.
- Сай 2018b — Сай, С.С. 2018. Маркирование актантов двухместных предикатов: предварительные итоги типологического исследования // С. Сай (ред.), *Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках*, 557–616. СПб.: ИЛИ РАН.

- Сай и др. 2018 — Сай, С.С., Д.В. Герасимов, С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика и В.С. Храковский. 2018. Валентностные классы двухместных предикатов: типологическая анкета и инструкция исследователю // С. Сай (ред.), Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках, 45–46. СПб.: ИЛИ РАН.
- Bickel et al. 2014 — Bickel, Balthasar, Taras Zakharko, Lennart Bierkandt, and Alena Witzlack-Makarevich. 2014. Semantic role clustering: An empirical assessment of semantic role types in non-default case assignment. *Studies in Language* 38 (3). 485–511.
- Dowty 1991 — Dowty, David. 1991. Thematic proto-roles and argument selection. *Language* 67. 547–619.
- Eberhard et al. 2020 — Eberhard, David M., Gary F. Simons, and Charles D. Fenig (eds.). 2020. *Ethnologue: Languages of the World*. Twenty-third edition. Dallas, Texas: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com>.
- Haspelmath, Hartmann 2015 — Haspelmath, Martin, and Iren Hartmann (2015). Comparing verbal valency across languages. In Andrei Malchukov and Bernard Comrie (eds.). *Valency classes in the world's languages*, 41–72. Berlin: Mouton De Gruyter.
- Kowalik 2016 — Kowalik, Richard. 2016. *Predicative possession in South Saami*. Stockholm: Stockholm University MA thesis.
- Matras, Sakel 2007 — Matras, Yaron, and Jeanette Sakel. 2007. Introduction. In Yaron Matras and Jeanette Sakel (eds.), *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* (Empirical Approaches to Language Typology 38), 1–13. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Sammallahti 1998 — Sammallahti, Pekka. 1998. *The Saami languages: An introduction*. Karasjok: Davvi Girji.
- Say 2014 — Say, Sergey. 2014. Bivalent verb classes in the languages of Europe: A quantitative typological study. *Language Dynamics and Change* 4. 116–166.
- Shagal and Blinova (to appear) — Shagal, Ksenia, and Alena Blinova (to appear). Bivalent verb classes in Skolt Saami: A pilot study. In Rogier Blokland, Michael Rießler, and Torbjörn Söder (eds.), *Saami Linguistics in Uppsala. The 2019 SAALS 4 Symposium* [Special issue], *Studia Uralica Upsaliensia* 41.

Рефлексивная клитика *ʒe* в мазурском (польском) переселенческом говоре

Елизавета Леонидовна Бунина
МГУ имени М. В. Ломоносова
uplyla@gmail.com

Илья Михайлович Егоров
ШАГИ РАНХиГС
i.m.jegorow@gmail.com

1. Введение

Настоящее исследование посвящено особенностям расположения показателя рефлексива в линейной структуре клаузы в польском переселенческом говоре, бытующем в селе Знаменка Богградского района республики Хакасия и в д. Александровка Краснотуранского района Красноярского края. Этот говор был обследован в ходе экспедиции РГГУ и Лицея на Донской в июле 2013 года. На тот момент насчитывалось около 60 носителей говора, чьи предки переселились в Сибирь в 1890-х. Они называют себя *mazuri*, а свой идиом *mazurski jinzik*. Как показал анализ исторической фонетики [Егоров 2016], данный идиом действительно восходит к мазурской подгруппе мазовецкого диалекта. После Второй Мировой войны эти говоры на исходной территории не сохранились, что делает изучение переселенческого говора в Сибири особенно актуальным.

Системы линеаризации клитик в польских диалектах остаются практически неизученными. Предварительные наблюдения показывают, что они варьируются от довольно архаичных систем (спишская подгруппа малопольского диалекта), сохраняющих закон Ваккернагеля, до инновативных, стремящихся к потере ваккернагелевских клитик (периферийные говоры на территории Литвы, Беларуси и Украины). Система линеаризации клитик мазурских говоров в целом напоминает систему польского литературного язык, см. [Franks, King 2000], и относится к W^* -системам по классификации А. В. Циммерлинга [2013: 76]. В таких системах частично сохраняется закон Ваккернагеля, но разные

клитики могут упорядочиваться на разных основаниях. Особенность мазурской системы состоит в том, что рефлексивный показатель является нестрогой энклитикой, т.е. в определенных условиях может присоединяться к своему просодическому хозяину слева. Цель нашего исследования — установить эти условия.

2. Материал и методология

Материалом настоящего исследования является корпус спонтанных текстов (≈ 38000 словоформ), разбитых на клаузы и частично снабженных морфологической разметкой в программе FLEx. Кроме записей экспедиции РГГУ в корпус вошли тексты, собранные и расшифрованные Эугениушем Ступиньским [Stupiński 2008]. Выбор именно спонтанных текстов, а не элицитированных примеров обусловлен тем, что в процессе перевода информанты порождают калькированные синтаксические и словообразовательные структуры. В нашем случае эта знакомая полевым лингвистам проблема обостряется из-за большого количества очевидных носителей когнатов и из-за изоморфности польской и русской грамматической системы. Отсутствие отрицательного языкового материала накладывает известные ограничения на возможные выводы. В этих условиях формулируемая система правил должна адекватно описывать как минимум имеющийся корпус, т.е. 1) каждый пример должен выводиться по формулируемым правилам; 2) если возможность варьирования не заложена эксплицитно, правила не должны допускать альтернативный вид имеющегося примера. Хотелось надеяться, что настоящая работа удовлетворяет этому требованию. Отсутствие отрицательного языкового материала компенсируется возможностью анализа надежно широкого контекста. При элицитации информант зачастую принимает контекст, задаваемый в объяснениях исследователя, чисто формально и просто переводить стимул *verbum pro verbo*. Подчеркнем, что при всем этом мы не отрицаем метод элицитации и — более того — считаем необходимой экспериментальную проверку наших выводов.

3. Рефлексивная клитика

В древнепольском (XVI–XVI вв.) выделялось десять рангов кластеризующихся клитик. Кластер клитик занимал вторую позицию в клаузе, при этом действовало правило барьеров.

В современном литературном польском количество клитик по сравнению с древнепольским уменьшилось, но в целом правило рангов продолжает действовать, см. [Franks & King 2000: 139–162]. В переселенческом мазурском говоре количество клитик еще меньше. Практически исчезли аргументные и глагольные клитики: они употребляются в основном в фольклорных текстах. При этом сохраняется рефлексивная клитика *še*, когнат русского *-ся*. Несмотря на активное влияние русского языка она несколько не стремится стать морфемой, ср. русские кальки: *mnie = še nraži* ‘мне нравится’, *to jek = še šćitali luteranie* ‘это как считались лютеране’.

3.1. Рефлексивная клитика во второй позиции

В клаузах, в которых *Aboutness Topic* предшествует фокусу, и в большинстве тетических клауз рефлексивная клитика *še* стремится занять вакернагелевскую позицию, то есть позицию после первой составляющей:

(1) $[_{АТоп} ta \quad gazeta] = \mathit{še} \quad naziva \quad wot \quad radnaja \quad z'emla$
 эта газета = REFL называется вот родная земля
 ‘Эта газета называется вот «Родная земля».’

(2) $a \quad tera \quad wot \quad ja \quad matv'ejeva \quad i \quad \mathit{že} \mathit{ći} \quad /^1 \quad p\mathit{š}i \mathit{xo} \mathit{ži} = \mathit{še}$
 а теперь вот я Матвеева и дети приходится = REFL
poruski \quad gadać
 по-русски говорить
 ‘А теперь вот я Матвеева и дети {русские} — приходится по-русски говорить.’

Если закон Вакернагеля действует безоговорочно, то клитики могут сколько угодно отстоять от глагола. Однако в нашем корпусе примеры с дистантным расположением клитики типа (3) составляют всего около двух процентов.

(3) $i \quad mi \quad \mathit{fše} = \mathit{še} \quad v \quad aleksandrufce \quad ro\mathit{ž}i \mathit{li}$
 и мы все = REFL в Александровке родились
 ‘И мы все в Александровке родились.’

¹ Знак «/» служит для разделения клауз.

3.2. Рефлексивная клитика в начале клаузы

В определенных позициях рефлексивная клитика попадает в начало клаузы. В литературном польском языке это не было бы возможно. Примеры с *še* в начале клаузы составляют около 9%. Вынос на левую периферию может быть обусловлен несколькими обстоятельствами. Одним из таких условий является инверсия топики и фокуса, как в примере (4):

- (4) *šurek dobri był / [_{Фоc}še = rostawali] [Top mi]*
 парень хороший был REFL = расставались мы
 {Чайковский Янек, это вот мы с ним дружили.} ‘Парень хороший был, расставались мы.’ {На том расставались, что встретимся.}

Пример (5), на первый взгляд, может показаться контрпримером, но в действительности здесь мы имеем дело с другой ситуацией: клауза содержит не информационный фокус, как в (4), (6), а контрастивный. Пример (4) содержит в некотором смысле контрастные ситуации, однако речь не идет об их прямом противопоставлении, поэтому эффект контрастивного фокуса там не возникает, в отличие от примера (5). Интересно сравнить также пример (6), в котором пресуппонируется наличие колхоза (практически единственного возможного места работы в селе) и обстоятельства, связанные с его развалом, описываются в непосредственно предшествующей клаузе. Таким образом, в (6) *rozwalił* невозможно интерпретировать как контрастивный фокус.

- (5) *u nas było duze sobrańe / rozvala = še sobrańe*
 у нас была большая община развалилась = REFL община
 ‘У нас была большая община, развалилась община.’

- (6) *tera nikt nigdzie nie robzi / še = rozwalił kolchos*
 сейчас никто нигде не работает REFL = развалился колхоз
 ‘Сейчас никто нигде не работает, развалился колхоз.’

Необходимо отметить, что тетические клаузы, которые скорее могут быть отождествлены с контрастивным фокусом, также не допускают рефлексивной клитики на левой периферии. Ср. перечисление предикатов, которое обычно рассматривается как цепочка контрастивных фокусов:

- (7) *no f klub na tanci pšili / derli = že /*
 ну в клуб на танцы пришли дрались = REFL
samogonke... gnali samogonke
 самогонку гнали самогонку
 ‘Ну, в клуб на танцы пришли, дрались, самогонку... гнали самогонку.’

Вторым условием для выноса *že* на левую периферию может быть ситуация, когда топик эллиптирован, как в примерах (8), (9):

- (8) *dvoje odesto jus / že = pozeñili*
 двое выросли уже REFL = поженились
 ‘Двое выросли уже, поженились.’
- (9) *oñi gžešči tam = že znaležli /*
 они где-то там = REFL нашлись
že = poznamoñili na tej Ukraïne
 REFL = познакомились на этой Украине
 ‘они где-то там нашлись, познакомились на этой Украине’

Обобщая, можно сказать, что *že* оказывается на левой периферии в тех случаях, когда там нет топика, будь то эллипсис или инверсия.

3.3. Рефлективная клитика и контрастивный топик

Контрастивный топик функционирует как ритмико-синтаксический барьер [Зализняк 2008: 48], т.е. сдвигает клитики вправо. Это явление было подробно описано для древнерусского, однако он встречается и в других славянских языках [Циммерлинг 2013: 67].

- (10) *jego rostšelali / [Стоп а matka] ostala = že*
 его расстреляли а мать осталась = REFL
 ‘Его расстреляли, а мать осталась.’
- (11) *Гюрги вышель ис Киева / [Стоп а Вячеславъ] сьдидь = ти в Киевъ*
 ‘Юрий ушел из Киева, а Вячеслав-то сидит в Киеве.’
 [Зализняк 2008: 95]

3.4. *Clitic Climbing*

В данном говоре отмечается явление *Clitic Climbing*. Возможен подъем клитики из нефинитной клаузы (12), финитные же подчиненные клаузы этого не допускают. *Clitic Climbing* носит факультативный характер. Чаще *že* просто выносится на левую периферию нефинитной клаузы (13).

(12) [ja = *že* xce [ostač tutaj]]

я = REFL хочу остаться здесь

‘Я хочу остаться здесь.’

(13) [a tedi naceli [= *že* rosstrajač troske]]

а тогда начали = REFL расстраиваться немножко

‘А тогда начали расстраиваться (больше строить) немножко.’

4. Выводы

Положение рефлексивной клитики в клаузе во многом определяется информационной структурой. Этот фактор так или иначе имеет место уже в самых ранних засвидетельствованных славянских системах линеаризации клитик. Как минимум он ограничивается правилом, согласно которому контрастивный топик функционирует как ритмико-синтаксический барьер. Это отмечено и в исследуемом говоре. Зависимость положения рефлексивной клитики в линейной структуре клаузы от информационной структуры высказывания в данном говоре выходит за рамки одного правила о контрастивном топике. Информационная структура в определенных случаях отменяет действие запрета на расположение *že* в начале клаузы. Рефлексивная клитика может оказываться на левой периферии, когда там нет топика, а именно если он эллиптирован или подвергнут инверсии с фокусом. При этом контрастивный фокус не допускает появления рефлексивной клитики на левой периферии клаузы. При прочих условиях рефлексивная клитика стремится занять вакернагелевскую позицию. Однако проявляется и заметная тенденция к позиции, контактной с глаголом.

Список условных сокращений

A_{Top} — Aboutness Topic; C_{Top} — контрастивный топик; Foc — фокус; REFL — рефлексивная клитика; Top — топик.

Литература

- Егоров 2016 — Егоров И.М. Польский переселенческий говор в Республике Хакасия и в Красноярском Крае РФ // *Slavia Occidentalis* 73/1, Poznań, 2016. С. 48–59.
- Зализняк 2008 — Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А.В. Системы порядка слов в славянских языках в типологическом аспекте. М., 2013.
- Franks & King 2000 — Franks S., King T.H. *A handbook of Slavic clitics*. New York – Oxford, 2000.
- Stupiński 2008 — Stupiński E. *Polszczyzna okolic Krasnojarska*. Praca doktorska. Łódź, 2008.

Вопросительные предложения в балкарском языке*

Анастасия Юрьевна Вознесенская

МГУ имени М. В. Ломоносова

anastvozn@gmail.com

1. Введение

(Карачаево-)Балкарский язык — тюркский язык, на котором в основном говорят карачаевцы и балкарцы в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках России. Данные этого исследования были собраны во время полевых работ в селе Верхняя Балкария, республика Кабардино-Балкария летом 2019 года.

В этой статье обсуждаются свойства частных вопросов в балкарском языке. *Wh*-фразы не передвигаются на левую периферию в обязательном порядке и в основном занимают предглагольное положение (1).

(1) а. *ij-nü kim işle-gen-di?*

дом-ACC кто строить-PFCT-3SG

‘Кто построил дом?’

б. *alim ne-ni işle-gen-di?*

Алим что-ACC строить-PFCT-3SG

‘Что построил Алим?’

в. *alim ij-nü qacañ işle-gen-di?*

Алим дом-ACC когда строить-PFCT-3SG

‘Когда Алим построил дом?’

Поскольку балкарский не демонстрирует обязательное вопросительное движение, в этой работе данные рассматриваются на базе подходов к *wh-in-situ* языкам.

Эти подходы можно разделить на два основных типа: те, которые анализируют структуры *wh-in-situ* как включающие скрытое передвижение и те, которые не постулируют никакой вид движения (подходы *in situ*). [Huang 1982] предполагает, что *wh*-фразы передвигаются в LF и, следовательно, синтаксически встречаются

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00627а.

выше, чем они произносятся. Подходы *in situ* используют другие интерпретирующие механизмы для деривации вопросов *in situ*. Один влиятельный подход основан на вычислении альтернатив (Rooth-Hamblin): *wh*-элементы порождают набор фокус-семантических значений, которые затем передаются по структуре для вычисления фокус-семантического значения предложения (см. [Hamblin 1973], [Rooth 1992], [Beck 2006]). Другой подход *in situ* использует неселективное связывание (*unselective binding*): *wh*-фразы рассматриваются наравне с неопределенными ИГ, они связаны оператором вопроса в С (ср. [Heim 1982], [Pesetsky 1987]). Другой подход *in situ* — это подход функции выбора (*choice function*), который предлагает [Reinhart 1998]. При этом анализе *wh*-фразы рассматриваются как экзистенциальные выражения, интерпретируемые через функции выбора (функции, применяемые к непустому множеству и выдающие отдельный элемент). Рейнхарт утверждает, что широкая сфера действия *wh*-элементов обусловлена квантификацией над функциями выбора.

В этой статье рассматриваются свойства балкарских вопросов. Статья устроена следующим образом: в разделе 2 обсуждаются *wh*-фразы во вложенных аргументах, в разделе 3 рассматриваются эффекты островов, в разделе 4 обсуждаются эффекты вмешательства, в разделе 5 приводятся данные о встроеном множественном *wh*, а в разделе 6 обсуждаются результаты.

2. Вложенные аргументы

Wh-фразы во вложенных аргументах могут иметь как матричную, так и вложенную сферу действия. Предложение в (2) может иметь переводы как в i. так и в ii. в зависимости от просодии (все примеры не являются эхо-вопросами).

(2) *alim* [fatima-ni zaš-i-ni ne-ni žaz-van-i-n]
 Алим Фатима-GEN сын-3-GEN что-ACC писать-PFCT-3-ACC

ešt-gen-di

слышать-PFCT-3SG

i. 'Что Алим слышал, что сын Фатимы написал?'

ii. 'Алим слышал, что сын Фатимы написал.'

Поскольку в балкарском, по-видимому, нет обязательного *wh*-передвижения, он будет рассматриваться среди языков *wh-in-situ*. Вопросительные фразы также могут быть выдвинуты на левую

периферию матричного предложения. Однако *wh*-скрэмблинг подвергается тем же ограничениям, что и скрэмблинг соответствующих ХР, что позволяет предположить, что в нем нет ничего *wh*-специфичного, поэтому данные *wh*-скремблирования выходят за рамки данной статьи.

3. Островные эффекты

Согласно подходу со скрытым передвижением, *wh*-фраза все еще передвигается, что означает, что она должна подвергаться островным ограничениям. Однако в балкарском это не так.

Например, в сложной ИГ, *wh*-слово может иметь матричную сферу действия (3)–(5). Предложения (b) даны, чтобы показать, что эти островные эффекты возникают при явном передвижении.

(3) подлежащее

a. *sen* [[*kim kitab žaz-van-i žaŋliq-ni*] *ešt-gen-se?*
ты кто книга писать-ПФСТ-3 новость-АСС слышать-ПФСТ-2SG
‘Ты слышал новость, что кто написал книгу?’ {a = b}

b. ^{??}*kim* [[*sen kitab žazvan-i žaŋliq-ni*] *ešt-gen-se?*

(4) прямое дополнение

a. *sen* [[*fatima-ni zaš-i ne-ni žaz-van-i*] *žaŋliq-ni*]
ты Фатима-GEN сын-3 что-АСС писать-ПФСТ-3 новость-АСС
ešt-gen-se?
слышать-ПФСТ-2SG
‘Ты слышал новость, что сын Фатимы написал что?’ {a = b}

b. ^{*}*ne-ni* [*sen fatima-ni zaš-i žaz-van*] *žaŋliq-ni*] *ešt-gen-se?*

(5) adjunct

a. *sen* [[*fatima-ni zaš-i qacan kitab žaz-van-i*]
ты Фатима-GEN сын-3 когда книга писать-ПФСТ-3
žaŋliq-ni] *ešt-gen-se?*
новость-АСС слышать-ПФСТ-2SG
‘Ты слышал новость, что сын Фатимы написал книгу ко-гда?’ {a = b}

b. [#]*qacan sen* [[*fatima-ni zaš-i kitab žaz-van-i*] *žaŋliq-ni*] *ešt-gen-se?*

Отсутствие островных эффектов делает анализ со скрытым передвижением очень проблематичным для балкарских вопросительных предложений.

4. Эффекты интервенции

В соответствии с подходом с вычислением альтернатив, *wh*-фразы (наряду с фокусными фразами) генерируют набор альтернатив. Фокусно-семантическое значение вычисляется для каждого узла в структуре клаузы и затем оценивается вопросительным комплементаром (или Q), после чего фокусно-семантическое значение поступает в обычную семантику.

Однако, согласно [Beck 2006], если *wh*-фраза оценивается в сфере действия Q другим оператором, чувствительным к фокусу, возникают эффекты интервенции. Фокусно-семантическое значение *wh*-фразы сбрасывается на обычное семантическое значение, которое не определено для *wh*-фраз, и более крупная структура не имеет ни четко определенного обычного семантического значения, ни фокус-семантического значения. Во многих языках это приводит к неграмматичности.

Одним из чувствительных к фокусу операторов, упомянутых в [Beck 2006], является *quru* ‘только’. Балкарские вопросы с вопросительными прямыми дополнениями, похоже, лишены эффектов интервенции. В предложениях показан простой вопрос, а также вложенный, чтобы убедиться, что оператор *si*-командует *wh*-фразой.

Как вопросы, в которых ‘только’ — интервент между *wh*-словом и вопросительным комплементаром (а), и те, в которых *wh*-слово выдвинута за ‘только’ (b), одинаково приемлемы.

(6)а. *quru alim ne-ni biledi?*
 только Алим что-АСС знает
 ‘Что знает только Алим?’ {a = b}

б. *ne-ni quru alim biledi?*
 что-АСС только Алим знает

(7)а. *quru alim [fatima-ni qiz-i ne-ni*
 только Алим Фатима-GEN дочь-3 что-АСС

et-gen-i-n] *bil-e-di?*
 делать-РФСТ-3-АСС знать-IPFV-3SG

‘Что только Алим знает, что дочь Фатимы приготовила?’
{a = b}

b.	<i>ne-ni</i>	<i>quru</i>	<i>alim</i>	[<i>fatima-ni</i>	<i>qiz-i</i>	<i>neni</i>
	что-ACC	только	Алим	Фатима-GEN	дочь-З	
				<i>et-gen-i-n]</i>	<i>bil-e-di?</i>	
				делать-РФСТ-З-ACC	знать-IPFV-3SG	

Тем не менее, в балкарском языке эффекты интервенции отсутствуют не полностью. Они присутствуют для адьюнктных *wh*-фраз.

(8)	* <i>quru</i>	<i>alim</i>	[<i>fatima-ni</i>	<i>zaŕ-i</i>	<i>qacan</i>	<i>kitap</i>
	только	Алим	Фатима-GEN	сын-З	когда	книга
				<i>zaz-van-i-n]</i>	<i>bil-e-di?</i>	
				писать-РФСТ-З-ACC	знать-IPFV-3SG	

Ожид. зн.: ‘Только Алим знает, что сын Фатимы написал книгу когда?’

Важно отметить, что (8) становится приемлемым, если удалить *quru*. К сожалению, *wh*-адьюнкты не могут выдвигаться из аргументных клауз, поэтому невозможно увидеть, «спасет» ли эти предложения скрэмблинг вопросительного слова ‘только’.

5. Множественный *wh*-вопрос

Еще одно различие в том, что предсказывают скрытое движение и подходы *in situ*, связано с множественным вопросом. С точки зрения подхода со скрытым передвижением, кажется логически возможным, что в структуре с вложенным множественным *wh*-вопросом, обе *wh*-фразы произносятся во вложенном предложении, в то время как одна из них переместилась в матричную клаузу в LF. В то же время, в соответствии с теориями *in situ*, описанными выше, это не должно быть возможным.

Рассмотрим (9). Как и ожидалось, это может быть матричный множественный вопрос (i) и вложенный множественный вопрос (ii). Вопрос в том, может ли одна из фраз иметь матричную сферу действия, тогда как другая имеет вложенную. Оказывается, что это невозможно: интерпретации в (iii) и (iv) недоступны для (9).

- (9) *sen* [*kim kim-ni kör-gen-i-n*] *ešt-gen-se*
 ты кто кто-ACC видеть-PFCT-3-ACC слышать-PFCT-2SG
 i. ‘Кто кого видел, ты слышал?’
 ii. ‘Ты слышал, кто кого видел?’
 iii. *‘Кто ты слышал, кого видел?’
 iv. *‘Кого ты слышал, кто видел?’

Чтобы получить такого рода интерпретацию, необходимо выдвинуть одну *wh*-фразу в матричную клаузу, что согласуется с подходами *in situ*.

- (10) a. **kim* (*tünene*) *sen* [*kim kim-ni kör-gen-i-n*] *ešt-gen-se?*
 кто вчера ты кто-ACC видеть-PFCT-3-ACC слышать-PFCT-2SG
Ожид. зн.: ‘Кто ты слышал, кого видел?’
- b. *kim-ni* *sen* [*kim kimni kör-gen-i-n*] *ešt-gen-se?*
 кто-ACC ты кто видеть-PFCT-3-ACC слышать-PFCT-2SG
 ‘Кого ты слышал, кто видел?’

В этом случае существует асимметрия, описанная для других языков (напр., [Özsoy 2009], турецкий): можно выдвинуть прямое дополнение в матричную клаузу, оставляя подлежащее во вложенном предложении (10b), но не наоборот (10a). Эта закономерность существует и для невопросительного XP-скрэмблинга в балкарском языке, что может указывать на то, что дело в природе скрэмблинга в этом языке. Независимо от того, что приводит к асимметрии, (10b) представляет проблему для *unselective binding* подхода и подхода функций выбора: перемещаясь, *kimni* оставляет след в сфере действия оператора вложенного вопроса.

Эта структура демонстрирует другую асимметрию: вспомогательную *wh*-фразу также невозможно выдвинуть в матричную клаузу.

- (11) #*qajda* *sen*[*alim kim-ni kör-gen-i-n*] *ešt-xem-me?*
 где ты Алим кто-ACC видеть-PFCT-3-ACC слышать-PFCT-1SG
 i. *‘Ты слышал кого Алим видел где?’
 ii. ‘Где ты слышал кого видел Алим?’

Факты, связанные с множественным вопросом, приводят еще один аргумент против анализа через скрытое передвижение, при этом, однако, не указывая однозначно на определенный анализ среди *in situ* подходов.

6. Обсуждение

Было рассмотрено несколько важных свойств балкарских вопросов. Подводя итог, можно сказать, что вложенные *wh*-вопросы нечувствительны к островам. Эффекты интервенции также отсутствуют для вопросительных прямых дополнений, но, похоже, присутствуют для *wh*-адьюнктов. Несколько вложенных вопросительных фраз могут быть интерпретированы только вместе в одном предложении. Если одна из них выдвигается в матричную клаузу, грамматичный вопрос получается только для вопросительных прямых дополнений.

Традиционный подход через скрытое передвижение, похоже, не объясняет всех фактов из-за нечувствительности к островам и множественного вопроса. Рассмотренные пока подходы *in situ*, также лишь частично объясняют эти данные: отсутствие эффектов интервенции для прямого дополнения противоречит анализу вычисления альтернатив, неселективное связывание и функции выбора, кажется, противоречат эффектам интервенции, которые присутствуют. Эти данные значимы для изучения *wh-in-situ*, поскольку они представляют собой некоторую проблему в этой области, которая широко не обсуждалась. Рассмотренные теории не объясняют всех фактов, что оставляет разработку анализа предметом дальнейшего исследования. Еще одним фактором, который следует учитывать, должна быть предглагольная позиция *wh*-фразы, которая отличает балкарские и другие тюркские языки от других языков *wh-in-situ*.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; GEN — генитив; IPFV — имперфектив; PFCT — перфектив; SG — единственное число.

Литература

- Beck 2006 — Beck, Sigrid. 2006. Intervention effects follow from focus interpretation. // *Natural Language Semantics*, 14(1), 1–56.
- Hamblin 1973 — Hamblin, Charles Leonard. 1973. Questions in Montague grammar // Barbara H. Partee (ed.), *Montague grammar*. 247–259. Academic Press.

- Heim 1982 — Heim, Irene. 1982. The semantics of definite and indefinite noun phrases. Amherst, MA: UMass dissertation.
- Hong 2004 — Hong, Sun Ho. 2004. On the lack of syntactic effects in Korean wh-Questions. *The Linguistic Association of Korea Journal*, 12(3), 43–57.
- Huang 1982 — Huang, C.-T. James. 1982. Move wh in a language without wh movement. *The linguistic review*, 1(4), 369–416.
- Kotek 2014 — Kotek, Hadas. 2014. Composing questions: Massachusetts Institute of Technology dissertation. Cambridge, MA: MIT dissertation.
- Özsoy 2009 — Özsoy, Sumru A. 2009. Turkish as a (non)-wh-movement. // *Series B-Skrifter*, 132, 221–232.
- Pesetsky 1987 — Pesetsky, David. 1987. Wh-in-situ: Movement and unselective binding. // Eric Reuland & Alice G.B. ter Meulen (eds.). *The representation of (in)definiteness*, 98, 98–129. MIT Press.
- Rooth 1992 — Rooth, Mats. 1992. A theory of focus interpretation. // *Natural language semantics*, 1(1), 75–116.
- Soltan 2012 — Soltan, Usama. 2012. On licensing wh-scope: wh-questions in Egyptian Arabic revisited. // Reem Bassiouney & E. Graham Katz (eds.), *Arabic language and Linguistics*, 99–114. Georgetown University Press.

Индексикальный сдвиг в балкарском языке

Софья Камильевна Ганиева
МГУ имени М. В. Ломоносова
itelmenpelmen@gmail.com

1. Введение

Индексикальный сдвиг (далее ИС) — явление, которое состоит в том, что некоторые действительные выражения (в частности, личные местоимения) в дополнительных придаточных предложениях интерпретируются не относительно контекста всего речевого акта, как в (1a), а относительно координат, заданных матричной клаузой (1b).

(1) мишарский татарский

Alsu [*pro*_{1SG} *sixir-gi* *kit-te-m* *diep*] *at'-tr*.

Алсу город-DAT идти-PST-1SG COMP говорить-PST

a. 'Алсу сказала, что я ходил в город.'

b. 'Алсу_i сказала, что она_i ходила в город.' (Podobryaev 2014: 83)

Глядя на (1), можно предположить, что интерпретация (1b) была получена в результате того, что слушающий воспринял вложенную клаузу как прямую цитату (*Алсу сказала: «Я ходила в город»*). Однако существует несколько стандартных синтаксических тестов, помогающих отличить случаи ИС от случаев цитирования. Эти тесты основаны на том факте, что «цитаты обычно непрозрачны для грамматических процессов» (Schlenker 2011). Один из таких тестов — вынесение из зависимой клаузы, например, long-distance *wh*-questions (*What did John say I ate?*). Если бы вложенная клауза в примере (2) могла быть цитатой, то эта цитата оказалась бы проницаемой для *wh*-передвижения (**Куда_i Алсу сказала: «Я ушла т_i?»*), что невозможно.

(2) *Alsu* [*pro*_{1SG} *kaja* *kit-te-m* *diep*] *at'-tr?*

Алсу куда идти-PST-1SG COMP говорить-PST

a. 'Куда Алсу сказала я ушёл?'

b. 'Куда Алсу_i сказала она_i ушла?' (Podobryaev 2014: 84)

2. Типология индексикального сдвига

ИС широко распространён в языках мира. Он наблюдается в афро-азиатских (амхарский, дхаасанак), дравидийских (тамильский), иранских (фарси, зазаки, курманджи), индейских (незперсе, слэйви, навахо, матсес), тюркских (турецкий, уйгурский, мишарский татарский, балкарский), изолированных (корейский, японский) и жестовых языках.

Для ИС можно выделить три основных параметра межъязыкового варьирования (дальнейшее изложение базируется на (Deal 2019)). Первый параметр — набор действительных выражений, подверженных ИС. Удобно представить действительные выражения в виде следующей иерархии.

(3) местоимения 1 лица > местоимения 2 лица > локативные наречия > темпоральные наречия

Практический смысл этой схемы в том, что, если про определённый язык известно, что в нём некий член данной иерархии подвержен ИС, то ИС подвержены и все члены слева от него. Например, если в языке *A* подвержены ИС локативные наречия, то можно с уверенностью сказать, что местоимения 1 и 2 лица в языке *A* также подвержены ИС.

Второй параметр — набор матричных предикатов, вызывающих ИС. Матричные предикаты выстраиваются в иерархию, которая имеет то же практическое значение, что и иерархия в (3).

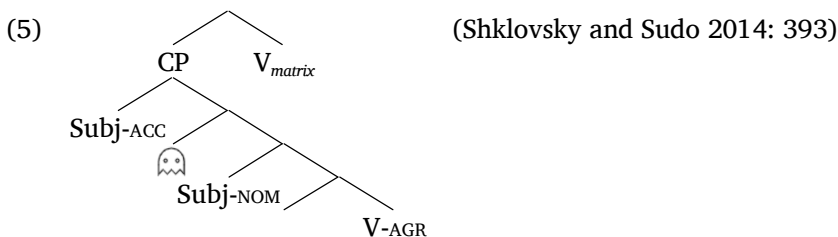
(4) глаголы речи > глаголы мышления > глаголы знания

Интересно, что в некоторых языках все матричные предикаты, вызывающие ИС, сопровождаются в зависимой клаузе комплементарайзером, который этимологически является конвербом от глагола «говорить»: так, в мишарском татарском этот комплементарайзер имеет вид *diɛp*, в уйгурском *däp*.

Наконец, третий параметр — степень обязательности ИС. В большинстве языков ИС опционален, т.е. предложение с ИС обязательно получает две трактовки: относительно контекста всего речевого акта, т.е. *non-shifted* (1a), и относительно координат, заданных матричной клаузой, т.е. *shifted* (1b). Лишь в немногих языках (уйгурский, матсес) ИС является обязательным, т.е. предложения с ИС имеют только *shifted*-интерпретацию.

3. Shift Together constraint

Считается, что в языках, допускающих ИС, ему подвержены либо все дейктические выражения внутри зависимой клаузы, либо ни одно из них. То есть, если в зависимой клаузе «сдвигается» хотя бы одно дейктическое выражение, то «сдвинуться» должны и все остальные дейктические выражения внутри этой клаузы. Эта универсалия была сформулирована в (Anand and Nevins 2004) под названием *Shift Together constraint* ('All indexicals within a speech-context domain must pick up reference from the same context'), и именно на ней основана теория операторов-монстров (Podobryaev 2014, Shklovsky and Sudo 2014). Встраиваясь в синтаксическое дерево, оператор-монстр делит зависимую клаузу на две части: та часть, которая попадает в его сферу действия, подвержена ИС, а та часть, которая в дереве находится выше монстра, ИС не подвержена. Например, в уйгурском языке номинативный субъект зависимой клаузы подвержен ИС, а аккумулятивный нет, поэтому зависимая клауза выглядит так:

4. Индексикальный сдвиг в балкарском языке

Определим значения описанных выше типологических параметров для ИС в балкарском языке.

- Какие дейктические выражения подвержены ИС: нулевые и ненулевые местоимения 1 лица (про 2 лицо нет данных).
- Какие матричные предикаты могут вызывать ИС: все глаголы речи, мышления и знания, требующие в зависимой клаузе комплементаризера *dep* (этимологически de-p, говорить-CONV), а именно: *ışan* 'надеяться', *qorq* 'бояться', *tile* 'просить', *onow et* 'решить', *buiruq ber* 'приказать', *söz ber* 'обещать', *umut* 'надеяться', *bil* 'знать', *saviş et* 'полагать', *inan* 'верить', *sor* 'спрашивать', *ajt* 'говорить', *alda* 'обманывать'.
- Степень обязательности ИС: опциональный.

Выяснилось, что в балкарском языке ИС нетривиальным образом взаимодействует с наклоением глагола зависимой клаузы, а также является чувствительным к синтаксической позиции дейктического выражения. Сначала мы рассмотрим ИС в индикативе, а затем ИС в гортативе и юссиве, которые вместе с императивом представляют одну парадигму (об этом свидетельствует, например, их одинаковая дистрибуция по отношению к матричным предикатам). За пределами рассмотрения останется кондиционалис, поскольку предикаты, требующие оформления зависимой клаузы кондиционалисом *kerek(dî)* ‘нужно’ и *sij* ‘хотеть’ не сочетаются с комплементаризмом *dep* и не вызывают ИС.

4.1. Индексикальный сдвиг в индикативе

В отличие от мишарского татарского (6), в балкарском ИС подвержено не только нулевое, но также и ненулевое личное местоимение в субъектной позиции (7).

(6) *Alsu [min kaja kit-te-m diep] at'-tv?*

Алсу я куда идти-PST-1SG COMP говорить-PST

‘Куда Алсу сказала я пошёл?’ (*non-shifted*)

#‘Куда Алсу_i сказала она_i пошла?’ (*shifted*) (Podobryaev 2014: 84)

(7) *Alim [min qairi bar-vañ-ma dep] ajt-dî?*

Алим я куда идти-PFCT-1SG COMP говорить-PST

a. ‘Куда Алим сказал я пошёл?’

b. ‘Куда Алим_i сказал он_i пошёл?’

Если личное местоимение находится в позиции прямого дополнения, ИС тоже происходит:

(8) *Kerim savış et-gen-dî*

Керим размышление делать-PFCT-3

[*Alim meni ij-gü elt-er dep*]

Алим я.ACC дом-DAT отвезти-POT.FUT1 COMP

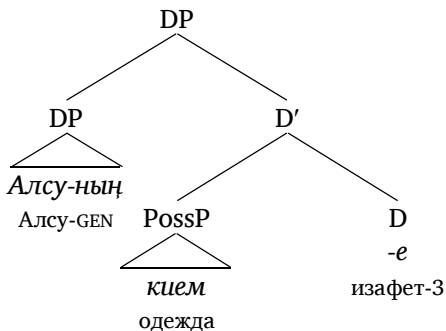
a. ‘Керим подумал, что Алим отвезёт меня (говорящего) домой.’

b. ‘Керим подумал, что Алим отвезёт его (Керима) домой.’

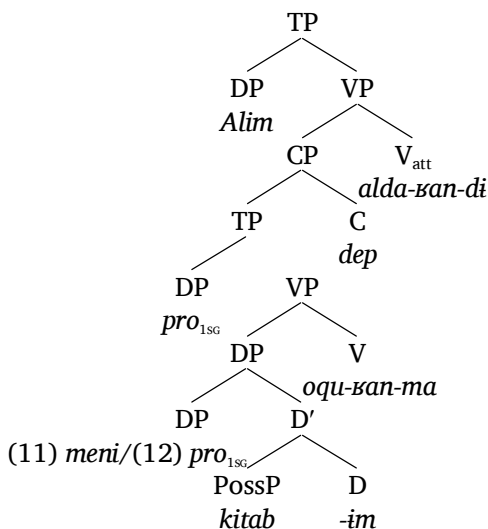
Прежде чем перейти к обсуждению посессивной конструкции, посмотрим на структуру тюркской посессивной именной группы

(изафетная конструкция-3) в (9) — это поможет понять причины, по которым в (12) постулируется сразу два *pro*. Структура (11)–(12) приводится в (10).

(9) (Лютикова 2018: 157)

(10)

Если субъект зависимой клаузы кореферентен субъекту главной клаузы, ИС не происходит при выраженном генитивном посессоре (*meni kitabimī*, (11)) и происходит при выражении посессора только посессивным показателем на существительном (*kitabimī*, (12)). Если субъекты некорреферентны, ИС можно наблюдать как для конструкции с *pro*-посессором, так и для конструкции с выраженным генитивным посессором (13).

- (11) *Alim* [*pro*_{1SG} [*meni kitab-ım-mi*] *oqu-ıan-ta dep*]
Алим я.GEN книга-1SG-ACC читать-ПФСТ-1SG COMP

alda-ıan-dı

обманывать-ПФСТ-3

‘Алим обманул, что прочитал мою (говорящего) книгу.’

*‘Алим обманул, что прочитал свою (Алима) книгу.’

- (12) *Alim* [*pro*_{1SG} [*pro*_{1SG} *kitab-ım-mi*] *oqu-ıan-ta dep*]
Алим я.GEN книга-1SG-ACC читать-ПФСТ-1SG COMP

alda-ıan-dı

обманывать-ПФСТ-3

а. ‘Алим обманул, что прочитал мою (говорящего) книгу.’

б. ‘Алим обманул, что прочитал свою (Алима) книгу.’

- (13) *Alim* [*Aslan meni kitab-ım-mi oqu-ıan-dı dep*]
Алим Аслан я.GEN книга-1SG-ACC читать-ПФСТ-3 COMP

alda-dı

обманывать-ПСТ

а. ‘Алим обманул, что Аслан прочитал его (Алима) книгу.’

б. ‘Алим обманул, что Аслан прочитал мою (говорящего) книгу.’

4.2. Индексикальный сдвиг в юссиве и гортативе

ИС происходит, если личное местоимение — как нулевое, так и ненулевое — находится в субъектной позиции:

- (14) *Alim* [*min qairi bar-j-um dep*] *tile e-di?*
Алим я куда идти-JUSS-1SG COMP решить AUX-PST
а. ‘Куда Алим решил мне пойти?’
б. ‘Куда Алим₁ решил ему₁ пойти?’

Однако если личное местоимение стоит в позиции прямого дополнения, ИС невозможен — ср. (8) и (15).

- (15) *Alim tile-gen-dı*
Алим просить-ПФСТ-3
[*pro*_{1SG} *meni ij-gü elt-j-ım dep*]
я.ACC дом-DAT отвезти-JUSS-1SG COMP

‘Алим попросился отвезти меня домой.’

[#]‘Алим попросился отвезти самого себя домой.’

В отличие от индикативного наклонения, ИС происходит при выраженном генитивном possessore в кореферентном контексте. Примечательно, что примеры (11) и (16) составляют минимальную пару: их зависимые клаузы отличаются ровно на одну морфему — морфему, отвечающую за выражение наклонения.

(16) *Alim* [*pro*_{1SG} *meni kitab-im-mi oqu-j-um dep*]
Алим я.GEN книга-1SG-ACC читать-NORT-1SG COMP

tile e-di

просить AUX-PST

a. ‘Алим попросил прочитать мою (говорящего) книгу.’

b. ‘Алим попросил прочитать свою (Алима) книгу.’

В некорреферентном контексте ИС ненулевого генитивного possessora возможен:

(17) *Kerim* [*Alim meni kitab-im-mi oqu-sun dep*]
Керим Алим я.GEN книга-1SG-ACC читать-JUSS COMP

tile e-di

просить AUX-PST

a. ‘Керим попросил, чтобы Алим прочитал мою (говорящего) книгу.’

b. ‘Керим попросил, чтобы Алим прочитал его (Керима) книгу.’

5. Некоторые итоги и замечания

Полученные данные можно представить в виде таблицы 1. Дейктические выражения, для которых возможность ИС зависит от наклонения глагола зависимой клаузы, выделены серым цветом.

В доступной автору литературе нет информации о взаимодействии ИС с глагольным наклонением и синтаксическими позициями дейктических выражений. Уточнение и теоретическая интерпретация представленных выше нетривиальных данных станет дальнейшим направлением нашего исследования.

Теперь посмотрим на пример (15), повторенный ниже как (18). В нём не происходит ИС личного местоимения в позиции прямого

дополнения, однако на глаголе зависимой клаузы можно видеть показатель первого лица — несмотря на то, что напросился отвезти домой Алим, а не говорящий. Это значит, что ИС субъектного *pro*, тем не менее, происходит.

Таблица 1. Допустимость ИС

Дейктическое выражение	Индикатив	Юссив/ гортатив
Личное местоимение в позиции субъекта	+	+
<i>pro</i> в позиции субъекта	+	+
<i>pro</i> в позиции генитивного посессора	+	+
Личное местоимение в позиции прямого дополнения	+	—
Генитивный посессор (корреф.)	—	+
Генитивный посессор (некорреф.)	+	+

(18) *Alim_i tile-gen-di*

Алим просить-РФСТ-3

[*pro*_{i (+shift)} *meni*_{j (-shift)} *ij-gü* *elt-j-im*_i *dep*]

я.АСС дом-DAT отвезти-JUSS-1SG COMP

‘Алим напросился отвезти меня домой.’

Таким образом, (18) нарушает *Shift Together constraint*. Соответственно, анализ балкарских данных при помощи теории операторов-монстров представляется затруднительным. Значит, перед нами встаёт проблема разработки альтернативной теории ИС, которая позволила бы объяснить примеры типа (18).

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; COMP — комплементаризер; DAT — датив; GEN — генитив; JUSS — юссив; HORT — гортатив; РФСТ — перфект; POT.FUT1 — (потенциальное) будущее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Лютикова 2018 — Лютикова Е. А. (2018) Структура именной группы в безартиклевом языке. М., Издательский Дом ЯСК

- Anand, Nevins 2004 — Anand P., Nevins A. (2004) Shifty operators in changing context // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 14*, ed. K. Watanabe and R. D. Young, 20–37. Ithaca, NY: CLC Publications, Cornell University.
- Deal 2019 — Deal A. R. (2019) *A theory of indexical shift: Meaning, Grammar, and Crosslinguistic Variation*. Cambridge: MIT Press.
- Podobryaev 2014 — Podobryaev A. (2014) *Persons, imposters, and monsters*. Doctoral dissertation, MIT.
- Schlenker 2011 — Schlenker P. (2011) Indexicality and de se reports // K. von Stechow, C. Maienborn, and P. Portner (eds), *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*, vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 1561–604.
- Shklovsky, Sudo 2014 — Shklovsky K., Sudo Y. (2014) The syntax of monsters // *Linguistic Inquiry*. 45 (3).

Семантическое поле КРИВОЙ: данные горномарийского языка в свете типологии*

Анна Алексеевна Данилова
МГУ имени М. В. Ломоносова
anndanilova1870@gmail.com

1. Введение

Статья посвящена описанию лексем семантического поля кривизны в горномарийском языке. Ранее на материале марийских языков это поле подробно не изучалось. Данные собраны в экспедиции ОТиПЛа МГУ в 2019 г. в Горномарийском районе Республики Марий Эл, в с. Кузнецово и окрестных деревнях. Использовался метод направленного опроса носителей (прямой и обратный перевод, оценка правильности высказываний на горномарийском языке, описание и порождение визуальных стимулов). Применялся фреймовый подход, основанный на опыте московской лексико-типологической группы, использующий анализ сочетаемости лексем для сравнения лексики языков мира [Рахилина, Резникова 2013].

2. Типологическая перспектива

2.1. Степень разработанности проблемы

Категоризации топологических признаков объектов (см. об этом понятии [Talmy 1983]) посвящено довольно много работ. Однако в большинстве из них рассматривается выражение размера, например, [Bierwisch, Lang 1989; Рахилина 2008: 118–136]. Относительно неплохо описана зона прямого, например, в [Cienki 1998; Наний 2016; Лучина 2014], для горномарийского языка в [Кашкин 2018]. Тем не менее, устройство семантических полей прямой и кривой-косой не симметрично [Наний 2016: 304].

Признакам кривизны посвящено довольно мало теоретических работ. Из имеющихся можно назвать работы [Наний 2015, 2016; Рахилина, Наний 2016], выполненные на материале русского, английского и китайского языков.

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а.

2.2. Данные других языков

Наиболее полно зона кривизны описана в [Наний 2016] на материале русского и китайского языков. Обнаружено, что, в то время как имеется только одна лексема, обозначающая отсутствие изгибов в форме объекта, в зоне кривого есть несколько лексем с различающейся семантикой. В каждом из языков имеется по четыре лексемы семантического поля кривизны, производных от других лексем этого же поля.

Первая лексема обозначает несколько изгибов преимущественно у природных объектов (извилистая река, *извилистый/qū*). Вторая — один изгиб у деформированных либо изначально изогнутых объектов. Она сочетается в основном с наименованиями поверхностей или объектов продолговатой формы, но не длинных природных объектов (изогнутая палка, *изогнутый/wān*). Третья может применяться к объекту, у которого есть некоторая ожидаемая ось или плоскость. Значение лексемы — отклонение всего объекта от нее. Изменение формы объекта обычно не описывается данной лексемой (косой дождь, *косой/xié*). Четвертая лексема передает идею отклонения от нормы: в русском языке — отклонение в форме, в китайском — широкое значение отклонения от нормы в целом, в т. ч. отклонение в форме или по оси (кривой нож, *кривой/wāi*).

3. Семантическое поле кривизны в горномарийском языке

3.1. Состав

В [Саваткова 2008; Словарь марийского языка] имеется суммарно двадцать одна лексема, имеющая хотя бы одним из своих значений рассматриваемые нами. Носителям исследованных нами говоров известно одиннадцать. Семь из них не имеют значений из семантического поля кривой. Это *važžak* ‘развилка’, *kājār* ‘кудрявый’, *lākan-lākan* ‘с углами’ (от *lāk* ‘изгиб, угол’), *māgār* ‘горб’, *pāle* ‘крыло’, *šājāk* ‘косоглазый’, *tārān* ‘с краем’. Оставшиеся четыре имеют нужное значение: лексемы *kakl'aka*, *tārān'* и *vočāk* известны всем, лексема *törsār* известна большинству опрошенных носителей.

3.2. Лексема *kakl'aka*

Это прилагательное характеризует объекты вытянутой формы (*kakl'aka kornā* ‘извилистая дорога’), указывая, что они имеют один или более изгибов:

(1) a. *kesä-n šur-žâ kakl'aka*

козёл-GEN рога-POSS.3SG кривой
'У козла кривые рога.'

b. *šardâ-n šur-žâ kakl'aka*

лось-GEN рога-POSS.3SG кривой
'У лося кривые рога.'

Крайне затруднено сочетание лексемы *kakl'aka* с наименованиями объектов без определенной формы (**kakl'aka šudâ* — ожид. 'пригнутая трава', ??*kakl'aka kerem* 'спутанная веревка'). Она описывает объекты, как исходно имеющие изогнутую/извилистую форму, так и получившие ее с течением времени (*käžä kakl'aka* 'нож специально сделан кривым / погнувшийся'). Эта лексема может развивать отрицательную импликацию (2).

(2) *kakl'aka-vlä gän'=ät, no jažo-vlä*
кривой-PL если=ADD но хороший-PL
'хоть и кривые, но красивые'

Употребление в адвербиальной позиции допускается меньшинством носителей:

(3) ??*jükšä marê ašked-eš kakl'aka-n*
пьяный мужик идти-NPST.3SG кривой-ADV
'Пьяный мужик идет шатаясь.'

Прилагательное *kakl'aka* развивает значение плохого выполнения своей функции для рук и ног (4)–(5), но не для прочих объектов (6)–(8).

(4) *tädä kakl'aka kid(-än), loca-m=at sev-äl-Ø*
тот кривой рука(-PROP) полка-ACC=ADD бить-ATT-CVB
a-k kerd
NEG.NPST-3 мочь
'Он криворукий, даже полку не может прибить.'

(5) *kakl'aka jal-an, cilä väre čikt-ält-eš*
кривой нога-PROP весь место обманывать-MED-NPST.3SG
'Кривоногий, везде спотыкается.'

(6) *tädä xuda-n / *kakl'aka-n kol-eš:*
 тот плохой-ADV кривой-ADV слышать-NPST.3SG

tädä-län kogo-n sasl-aš kel-eš.
 тот-DAT большой-ADV кричать-INF быть_нужным-NPST.3SG
 ‘Он плохо слышит, ему громко кричать надо.’

(7) *tädä xuda-n / *kakl'aka-n šajäšt-eš,*
 тот плохой-ADV кривой-ADV говорить-NPST.3SG

ängäl-aš a-k li.
 понимать-INF NEG.NPST-3 быть
 ‘Он неразборчиво говорит, понять нельзя.’

(8) *šäräš xuda / *kakl'aka: jäl-en ke-n*
 каша плохой кривой гореть-CVB идти-PRET
 ‘Плохая каша: сгорела.’

Расщепление возможности употребления *kakl'aka* в значении ‘плохо функционирующий’ на две области — руки-ноги и все остальные объекты — имеет параллели с русским ‘кривой’ [Рахина, Наний 2016: 464–465]. До XXI в. лексема *кривой* в этом значении используется ограниченно, ср. *кривые руки*, устар. *кривоязычный*. В XXI в. этот семантический переход стал продуктивным, напр. *криво отредактировать*, *кривые книги*.

3.3. Лексема *törsär*

Лексема *törsär* — производное от *tör* ‘прямой’ с непродуктивным показателем. Она передает значение ‘неровный’ преимущественно по отношению к неровному краю или части плоского объекта: *törsär pičä* ‘забор с разными по высоте досками’. Возможно ее употребление в адвербиальных контекстах (9).

(9) *zanav'eskâ-vlä törsär-än keč-ät:*
 штора-PL неровный-ADV висеть-NPST.3PL

ik mächäš-äžä kužä ves-ä-žä mâtäk
 один конец-POSS.3SG длинный другой-FULL-POSS.3SG короткий
 ‘Шторы неровно висят: один конец длинный, другой короткий.’

Прилагательное *törsär* может сочетаться и с некоторыми наименованиями вытянутых объектов (10)–(11), указывая на наличие искривлений в самом объекте.

- (10) *ti vär-äštä kornâ törsär: anzê-c küš-kä-lä*
 этот место-IN дорога неровный перед-EL высоко-ILL2-SIM
kuz-a, vara ül-äkä-lä val-a
 подниматься-NPST.3SG потом низ-ILL2-SIM спускаться-NPST.3SG
 ‘В этом месте дорога неровная: сначала поднимается, потом опускается.’

- (11) *ti vär-äštä kornâ törsär:*
 этот место-IN дорога неровный
vurgâmla-š sâr-n-äl-eš
 правый-ILL вертеть-DETR-ATT-NPST.3SG
 ‘В этом месте дорога неровная: направо поворачивает.’

Эти два использования соответствуют полисемии производящей лексемы *tör*: ‘прямой’ (11) и ‘ровный’ (10). При этом в большинстве идиолектов *törsär* не может характеризовать поверхность с небольшими неровностями: *törsär kornâ* ≠ *löngän, jaman kornâ* (‘неровная дорога’ ≠ ‘ухабистая дорога, дорога с ямами’). Развития переносных значений не обнаружено.

3.4. Лексема *tärän'*

Лексема *tärän'* обозначает отклонение объекта целиком от ожидаемого положения, напр., **tärän' ängär* (река), но *tärän' kornâ* ‘дорога с поперечным уклоном’, см. также (12).

- (12) *tärän' leväš gâc jur jog-a,*
 косой крыша EL дождь течь-NPST.3SG
a tör leväš-äštä väd šalg-a
 а прямой крыша-IN вода стоять-NPST.3SG
 ‘С косой крыши дождевая вода стекает, а на ровной крыше вода остается.’

У лексемы *tärän'* развивается метафорическое значение ‘недружелюбный, подозрительный’ (13)–(14).

- (13) *tädä mən' vā-k-em šädešk-en*
 тот я верх-ILL2-POSS.1SG сердиться-PRET
dä tärän' anž-a
 и косо́й смотреть-NPST.3SG
 'Он на меня рассердился и косо смотрит.'

- (14) *tädä so tärän'-vočäk už-eš:*
 тот всегда косо-криво видеть-NPST.3SG
ik-tä-län = ät a-k äñ'änä
 один-FULL-DAT = ADD NEG.NPST-3 верить
 'Он всё с подозрением видит (букв.: всегда криво-косо видит): никому не верит.'

3.5. Лексема *vočäk*

Лексема *vočäk* обозначает расположение объекта наклонно к поверхности (*vočäk jur* 'косо́й дождь'), см. также (15).

- (15) *ti pört-än leväš-žžä toštä, vočäk*
 этот дом-GEN крыша-POSS.3SG старый косо́й
 'У этого дома крыша старая, косая.'

Некоторые носители допускают употребление *vočäk* в значении 'изогнутый', 'извилистый' (*kak'l'aka* / [?]*vočäk kornä* 'извилистая дорога'). В большинстве идиолектов у этой лексемы есть метафорические переносы. Она может выражать, при обязательном присоединении показателя симилятива, значение 'необдуманный' (16), а также (в сочетании с *tärän'*) — 'недружелюбный, подозрительный' (14), (17).

- (16) *tädä vočäk-la pop-a*
 тот косо́й-SIM говорить-NPST.3SG
n'i-gñam = at popâ-mâ-žžâ-m a-k tumajâ
 NEG-когда = ADD говорить-NMLZ-POSS.3SG-ACC NEG.NPST-3 думать
 'Он необдуманно (букв.: по-косому) говорит — никогда не думает, что скажет.'

Возможно сочетание лексем *tärän'* и *vočäk* как в прямом, так и в переносном значении: *tärän'-vočäk püšängä* 'кривое-косо́е дерево', см. также (14), (17).

- (17) *tärän'-vočâk* / *tärän' i-t* *anžâ*
 косо-криво косо PRON-2SG смотреть
 'С подозрением (букв.: криво-косо/криво) не смотри.'

Четкое различие между *tärän'* и *vočâk* трудно обнаружить на имеющихся данных. Часть информантов скорее склонна соотносить понятие *vočâk* с объектами, изначально расположенными под углом к другим объектам, а *tärän'* — с предметами, приобретшими такое положение в результате внешнего воздействия (18), тогда как для других носителей это, по-видимому, не так (12).

- (18) а. *vočâk leväš*
 кривой крыша
tošt-em-mäš-eš *tärän' ke-n* *kolt-en*
 старый-INCH-NMLZ2-LAT косой идти-CVB посылать-PRET
 'Покатая крыша от старости покосилась.' {a = b}
- б. *ʔtärän' leväš*
 косой крыша
tošt-em-mäš-eš *vočâk ke-n* *kolt-en*
 старый-INCH-NMLZ2-LAT кривой идти-CVB посылать-PRET

4. Выводы

Значения зоны кривой выражаются в горномарийском языке четырьмя лексемами: *kakl'aka* 'извилистый, изогнутый', *törsär* 'неровный', *tärän'* 'косой' и *vočâk* 'кривой'. Для данной зоны важен характер нарушения прямоты: противопоставляются «внутреннее» искривление самого объекта и «внешнее» — отклонение от оси. Количество изгибов, напротив, не противопоставляется. По сравнению с данными из [Наний 2016] отмечается несколько более бедная система метафорических переносов, но засвидетельствованные переносы типологически ожидаемы.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — наречие; ATT — аттенуатив; CMPR — компаратив; CVB — деепричастие; EL — элатив; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL2 — иллатив 2; IN — инессив; INCH — инхоатив; LAT — латив; MED — медиопассив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NMLZ2 — номинализация 2; NPST — непрощедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROP — проприетив; PRET — претерит; SIM — симилятив.

Литература

- Кашкин 2018 — Кашкин Е. В. (2018) Полисемия признаков лексем с семантикой 'прямой': данные горномарийского языка // Родной язык, №2. С. 106–127.
- Лучина 2014 — Лучина Е. С. (2014) Пути грамматикализации лексем со значением 'прямой'. Дипломная работа. Москва: МГУ.
- Наний 2015 — Наний Л. О. (2015) Направления развития переносных значений атрибутивных лексем семантического поля кривизны (в русском, английском и китайском языках) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, №1. С. 32-48.
- Наний 2016 — Наний Л. О. (2016) Прилагательные простейших форм и размеров китайского и русского языков в типологическом аспекте. Дисс... к.ф.н. Москва: НИУ ВШЭ.
- Рахилина 2008 — Рахилина Е. В. (2008) Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва: Русские словари.
- Рахилина, Наний 2016 — Рахилина Е. В., Наний Л. О. (2016) О системности в лексике: «прямые» и «кривые» семантические сдвиги // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова, №9. С. 446-468.
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (2013) Фреймовый подход к лексической типологии // ВЯ, №2. С. 3-31.
- Саваткова 2008 — Саваткова А. А. (2008) Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Словарь марийского языка. В 10 т. Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005. Электронная версия. [www.marlamuter.org/muter/]
- Bierwisch, Lang 1989 — Bierwisch, M, & Lang, E (eds.). (1989) Dimensional Adjectives: Grammatical Structure and Conceptual Interpretation. Berlin: Springer.
- Cienki 1998 — Cienki, A. (1998) STRAIGHT: an image schema and its metaphorical extensions // Cognitive linguistics, 9-2. Pp. 107-149.
- Talmy 1983 — Talmy, L. (1983) How language structures space // H.Pick, L.Acredolo (eds.), Spatial orientation: theory, research, and application. N.Y.: Plenum, 225-282.

SVO/SOV in Natioero: Towards the problem of variable word order

Vadim Viktorovich Dyachkov
Institute of Linguistics, RAS
hyppocentaurus@mail.ru

1. Introduction

The article deals with the variable word order in an underdescribed Gur language, Natioero, spoken by some 4 000–5 000 speakers in several villages of Burkina Faso. The only sources containing some basic data on Natioero are [Prost 1968] and [Miehe, Winkelmann 2007]. The variety discussed here is the dialect of Timba village. The data is based on my own fieldwork in 2018–2020 with a French-speaking consultant and a small corpus of oral texts collected in Timba.

In Natioero, two basic word orders must be distinguished with respect to the TAM form of the predicate. Perfective forms require SVO order (1) whereas clauses containing Imperfective forms (2) require SOV order. Case marking is also different in Perfective and Imperfective clauses. In clauses of the former type, subject does not require any special case marking. In Imperfective clauses, subjects are obligatorily marked by the same case which marks direct objects (3) and is labeled as accusative. Tonal overlays may occur in accusative forms and they are indicated by superscripts. However, their nature is not clear and needs further investigation.

(1) $n\bar{a}^n$ $c\bar{e}r\bar{e}$ ${}^L t\bar{a}^n-w\bar{a}$
1SG throw.PFV stone-CL
'I threw a stone.'

(2) $n\bar{a}-m\bar{i}$ $t\bar{a}^n-w\bar{a}$ $c\bar{e}r\bar{e}-w^n$
1SG-ACC stone-CL throw-IPFV
'I am throwing stones.'

(3) $p\bar{o}^n-w\bar{a}$ $t\bar{a}$ ${}^L n\bar{a}-m\bar{i}$
dog-CL bite.PFV 1SG-ACC
'A/the dog bit me.'

[Creissels 2018] gives an overview of SOV/SVO alternations in West African languages and relates this phenomenon to the presence of auxiliaries in clausal structure. In this article, I will try to show that the SOV and SVO structures are structures of different type. First, I will describe the properties of clauses which belong to the SOV type and show that they can be treated as clauses with null auxiliaries. Second, I will show that case assignment in SVO and SOV clauses work in a different way and that there are arguments in favor of pseudo-noun incorporation in SOV clauses. Finally, I will briefly discuss the principles of case assignment in Natioero and point out the direction of the future work.

2. Natioero: Basic information

Like most African languages, Natioero is a tonal language and three tone levels (high, mid and low) are distinguished. Nominal inflection is characterized by presence of several classes which, like in most Gur languages, trigger only number agreement. Class markers are suffixed to nouns and can be deleted in some contexts, as will be shown below.

Verbal inflection in Natioero is represented by a small set of affixes (minor causatives and TAM markers). Many TAM meanings are expressed analytically by particles which occupy the position after the clausal subject. This can be illustrated by 0 where the Future marker follows the subject and the verbal bare stem (=nominalization) follows the Future marker.

(4) $nz\bar{\epsilon}^n$ $n\bar{a}-m\acute{i}$ $l\bar{o}^n$ $sw\bar{\epsilon}=:$ $kw\bar{a}=:$ $t\bar{\omega}$
 today 1SG-ACC FUT go.NMLZ market DAT
 ‘Today, I am going to go to the market.’

3. SOV constructions: Basic syntax

The Imperfective pattern is shared by some TAM forms. The basic diagnostic is the 1sg pronoun ($n\bar{a}$) that has a special accusative form $n\bar{a}-m\acute{i}$ ($n\acute{i}$ in fluent speech) and I will use it hereafter to distinguish between the accusative and zero/nominative form. Other NPs/DPs do not differ from bare stems segmentally but undergo some tonal overlays which are not consistent and will not be discussed here. (5) shows that accusative forms are obligatory in a subject position in Resultative constructions which share the SOV order with Imperfective clauses. Other constructions including accusative subjects are constructions with zero nominalizations (6).

(5) $n\bar{a}-m\bar{i}$ / * $n\bar{a}$ $p\bar{i}l\bar{a}-k\bar{a}$
 1SG-ACC 1SG soft-RES
 ‘I am tired.’

(6) $n\bar{i}$ $m\bar{a}$ $p\bar{i}n\bar{e}$
 1SG-ACC 2SG eat.NMLZ
 ‘I want to eat.’ (corpus)

However, there is evidence that both Perfective- and Imperfective-like clauses have basically the same structure which can be depicted as S – (T) – O – V – ASP, where T stands for tense markers and ASP for aspect suffixes. T elements are compatible with ASP – SOV clauses can combine with a past copula $t\bar{s}$ when the described situation refers to the past. The same past marking is used in nominal predications (8). However, Perfective SVO clauses are incompatible with $t\bar{s}$ (9).

(7) $\bar{z}n\bar{u}=\bar{}$ $n\bar{a}^n$ $t\bar{s}$ $c\bar{e}:n\bar{e}-\bar{w}^n$
 yesterday 1SG PST hunt-IPFV
 ‘Yesterday I was hunting.’

(8) $t\bar{n}\bar{d}\bar{i}n\bar{g}\bar{a}$ $s\bar{i}\bar{a}\bar{t}\bar{a}$ $t\bar{s}$ $n\bar{a}$ $cw\bar{a}$
 before Sata PST 1SG wife
 ‘Sata was my wife before.’

(9) * $m\bar{a}\bar{d}\bar{u}$ $t\bar{s}$ $w\bar{o}l\bar{o}$
 Madu PST lay.PFV
 Int.: ‘Madu laid down.’

One can assume that all the clauses which are compatible with auxiliaries ($t\bar{s}$ ‘PST’, $\bar{l}\bar{o}^n$ ‘FUT’) are constructions with nominal complements (nouns or deverbal nouns). This would make the description of these constructions uniform and does not require any additional assumptions. All the clausal types described above (clauses with Imperfective, Resultative, Future, constructions with nominalizations) have the same word order and subject marking but differ in which nominalized form is used.

In the clausal schema depicted above, the position of Perfective forms is not defined. However, there is evidence that auxiliaries and Perfectives are likely to occupy the same clausal slot. First, they are

not compatible with each other as is shown in (8). Second, both S – T and S – PFV sequences are tightly-knit units which cannot be interrupted by any constituents. For instance, the position of temporal adverbials is not fixed in Natoro but they cannot be inserted neither between S and T nor between S and PFV:

- (10) a. $n\bar{a}$ $j\acute{a}:n\acute{a}$ $\text{ʔ}\bar{n}\bar{u}=\text{ʔ}$ $b\bar{a}:b\bar{a}$ $k\grave{a}w\bar{a}^H$
 1SG buy.PFV yesterday sheep meat
 ‘Yesterday I bought some sheep meat.’ {a = b}
- b. * $n\bar{a}$ $\text{ʔ}\bar{n}\bar{u}=\text{ʔ}$ $j\acute{a}:n\acute{a}$ $b\bar{a}:b\bar{a}$ $k\grave{a}w\bar{a}^H$
 1SG yesterday buy.PFV sheep meat
- (11) a. $s\bar{a}n\bar{u}$ $n\bar{a}-m\acute{i}$ $\bar{l}\bar{o}^n$ $sw\grave{e}=:$ $p\grave{o}l\bar{i}s\bar{t}=\text{ʔ}$ $t\bar{w}$
 tomorrow 1SG-ACC FUT go.NMLZ police DAT
 ‘Tomorrow I will go to the police.’ {a = b}
- b. * $n\bar{a}-m\acute{i}$ $s\bar{a}n\bar{u}$ $\bar{l}\bar{o}^n$ $sw\grave{e}=:$ $p\grave{o}l\bar{i}s\bar{t}=\text{ʔ}$ $t\bar{w}$
 1SG-ACC tomorrow FUT go.NMLZ police DAT

4. Case assignment in SOV clauses

Subjects in SOV clauses receive the accusative case and this fact needs explanation. I argue that the subject DP is the only DP which receives a structural case whereas the direct object undergoes pseudo-noun incorporation (Massam 2001). Pseudo-noun incorporation is a process which is similar to noun incorporation but which can operate over nominal structures having dependent constituents. Natoro Imperfective and Resultative clauses have some common properties of pseudo-noun incorporations, but the facts known to me must be regarded as preliminary observations and need further verification. First of all, direct objects do not receive the structural case. (12) is an example of bitransitive construction with a Perfective form where the beneficiary NP receives the accusative marker. (13) shows that it does not retain the accusative when moved to left in an Imperfective clause:

- (12) $m\acute{a}$ $k\bar{w}^n$ $n\bar{a}-m\acute{i}$ $p\bar{o}r\bar{o}$
 2SG.ACC give.PFV 1SG-ACC something
 ‘You gave me a small gift.’

- (13) *má* [*nā* / **nā-mí* *kɔ̃ⁿ*] *pōrō* *kpē=:* *pá*
 2SG.ACC 1SG 1SG-ACC give.IPFV something day all
 ‘You give me small gifts every day.’

Another argument for pseudo-noun incorporation analysis is the fact that no constituent can be inserted between the Imperfective verb and its direct object. This is possible in Perfective clauses, compare (14) where the OV sequence can be interrupted by a comitative adjunct. However, this is impossible in Imperfective clauses as shown in (15) and (16).

- (14) *mádū* *dībī* *à* *fājá* *swá-bòndà*
 Madu shut.PFV COM force house-door
 ‘Madu shut the door with force.’

- (15) *mádū* *swá-bòndà* *dìbì-w̃ⁿ* *à* *fājá*
 Madu house.POSS-door shut-IPFV COM force
 ‘Madu shuts the door with force.’

- (16) **mádū* *swá-bòndà* *à* *fājá* *dìbì-w̃ⁿ*
 Madu house.POSS-door COM force shut-IPFV
 Int.: ‘Madu shuts the door with force.’

An additional argument is provided by the *wh*-movement. In Natoro, *wh*-words tend to remain in situ, but can be extracted leftwards. If an *wh*-word is extracted, the question can be easily interpreted in Perfective clauses (17), but not in Imperfective ones (18). In Resultative constructions, extraction was reported to be possible only if the clause contains a verb-adjacent constituent. This is the case in (19) where the presence of a resumptive pronoun makes the utterance grammatical.

- (17) *pē* *mádū* *wésé* *yà?*
 thing Madu break.PFV Q
 ‘What did Madu break?’

- (18) **pē* *siātā* *sò-w̃ⁿ* *kwā=:* *t̄* *yā?*
 thing Sata sell-IPFV market DAT Q
 #‘What sells Sata at the market?’

- (19) $\bar{u}spm\grave{a}$ $\bar{f}un\grave{a} = :$ $n\bar{a}-m\acute{i}$ $*(w\bar{a})$ $b\bar{u}\bar{a}-k\bar{a}?$
 clothes what 1SG-ACC DEM put.on-RES
 ‘What kind of shirt did I wear?’

If the direct object of Imperfective undergoes pseudo-noun incorporation, then the assignment of accusative needs to be explained. One can suppose that the accusative (in SOV clauses) and nominative (in SVO ones) are assigned by the same head XP. If this is so, it is hard to explain why the same head assigns two different cases depending on the TAM form of the verb. Thus, a more elegant explanation is needed.

I assume that the subject position is filled either with a zero-marked nominative or an accusative form in a uniform way. The principle governing the movement of the accusative form to the subject position is the null subject parameter. The principle ensures that the subject position be obligatorily occupied with a non-zero NP. This principle is very strong in Natioero since the subject cannot be covert, even in pro-drop or ellipsis contexts:

- (20) {Q: Has Madou come?}
 $*p\hat{a}$
 come.PFV
 Int.: ‘He has come.’

Under this approach, in Imperfective-type clauses, the direct object (if the verb has any) does not receive any case. The accusative is assigned to the NP denoting the external argument which is then moved to the subject position. However, the head assigning the accusative case is vP, as is commonly assumed, see [Chomsky 1991; 1995], and the case is assigned to internal arguments. This is not the case in Natioero.

Another theory claims that accusative subjects can be assigned to a DP as dependent case if that DP is c-commanded by a higher nominative or accusative DP, which is known as the Accusative Subject Generalization as claimed for Icelandic in [Wood 2017: 250], following [McFadden 2004]. Under this approach, the cases are computed on the basis of hierarchical relations between DPs and accusative subjects must receive case from DPs c-commanding them even if they are zero pronouns. This account also seems problematic for Natioero.

Imperfective clauses cannot contain any zero pronoun since zero pronouns are not possible in Natiro at all, and, thus, the Accusative case cannot be associated with any c-commanding DP.

To sum up, the assignment of the case I call accusative might not be associated with the verb itself. If my suggestion on the nominal nature of predicates in SOV clauses is on the right track, the accusative marker can be regarded as a marker which is assigned not by the verb but by the nominal head. We have already seen that accusatives can occur with true nominalizations. In this case, the label “accusative” is inaccurate and must be replaced by another label. However, further investigations of the word order and properties of Imperfective-like clauses must be accompanied by a more fine-grained description of an underdescribed language.

5. Conclusion

In the paper, I have discussed some properties of SOV and SVO clauses in Natiro. Though the data is fragmented, it can be seen that SOV clauses pattern with nominal predications where the presumed direct object is not assigned the accusative case but is likely to be incorporated or pseudo-incorporated. I have shown that the direct object cannot be disjoined from the verb or extracted leftwards. Thus, the accusative case is assigned to the external argument in SOV clauses and then it is moved to the subject position. However, the nature of case assignment has yet to be studied.

Abbreviations

= — vowel lengthening; 1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ACC — accusative; CL — classifier; COM — comitative; CRD — coordinating conjunction; DAT — dative; FUT — future tense; H — tone raising; IPFV — Imperfective; MED — middle voice; NMLZ — nominalization; PFV — perfective; PST — past tense; Q — question particle; RES — resultative; SG — singular.

References

- Chomsky 1991 — Chomsky N. (1991) Some notes on economy of derivation and representation / Freidin R. (ed.). Principles and parameters in comparative syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. Pp. 417–454.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. (1995) The minimalist program. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Creissels 2018 — Creissels D. (2018) Current issues in African morphosyntactic typology / Güldemann T. (ed.). The languages and linguistics of Africa. De Gruyter Mouton. Pp. 712–821.

- Heine 1993 — Heine B. (1993) *Auxiliaries: Cognitive Forces and Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Massam 2001 — Massam D. (2001) Pseudo-noun incorporation in Niuean / *Natural Language and Linguistic Theory*, vol. 19. Pp. 153–197.
- McFadden 2004 — McFadden T. (2004) *The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface*. Doctoral dissertation, University of Pennsylvania.
- Miehe, Winkelmann 2007 — Miehe G., Winkelmann K. (2007) *Noun class systems in Gur languages: Vol. I. Southwestern Gur Languages (without Gurunsi)*. (Gur Monographs, 9.) / Miehe G., Winkelmann K. (eds.). Köln: Rüdiger Köppe.
- Prost 1968 — Prost A. (1968) *Deux langues voltaïques en voie de disparition: le wara et le natoro*. (Documents linguistiques, 14.) Dakar: Publications de Département de Linguistique Générale et Linguistique Africaine de la Faculté des Lettres et Sciences Humaine de l'Université de Dakar. 79 p.
- Wood 2017 — Wood J. (2017) The accusative-subject generalization / *Syntax* 20 (3). Pp. 249–291.

Об именной предикации бурятских причастий

Дмитрий Максимович Зеленский

МГУ имени М. В. Ломоносова

dz-zd@mail.ru

1. Введение

Данная работа посвящена исследованию синтаксических свойств употребления употребляемых атрибутивно синтетических форм глагола (далее — причастий) в финитном контексте (то есть, пользуясь известным лексикалистским упрощением, в качестве лексической вершины независимого предложения и типов зависимых клауз, в русскоязычной традиции называемых придаточными предложениями; см., однако, (Marantz, 1997) для обоснования того, почему рассмотрение формы как (единой) вершины — это лишь упрощение) в баргузинском диалекте бурятского языка¹, принадлежащего к группе ойрат-халха монгольской ветви алтайской семьи.

Помимо причастий (зачастую также являющихся номинализациями, но это не является неизбежным свойством, см. Таблицу 1), среди синтетических форм бурятского глагола также имеются строго финитные формы (не употребляемые вне финитного контекста) и деепричастия; строго финитные далее делятся в зависимости от формы отрицания (*-gñi* или *bn* = соответственно) на индикативные и неиндикативные. Две отрицательные формы: форма на *-A*:*-gñi*² (отрицание ряда форм прошедшего времени и

¹ Исследование проведено на материале данных, собранных в улусе Барагхан республики Бурятия в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2015–2017 гг. Все примеры на баргузинском бурятском, приводимые ниже, в том числе в виде таблиц, взяты из этих данных (вместе с оценками грамматичности), далее при них это специально не оговаривается. Все носители владели также русским (и, судя по всему, литературным бурятским — более того, они характеризовали некоторые примеры как диалектные либо литературные).

² Заглавная *A* (для долгой гласной — *A*:; для дифтонга — *Ai*) обозначает гармонирующий по ряду и огубленности гласный неверхнего подъёма; заглавная *U*: — гармонирующий по ряду долгий огубленный гласный верхнего подъёма.

перфективного деепричастия на *-A:-d*) и форма на *-A:-dñi* (т. н. кунктатив, т. е. «ещё не») — совмещают свойства причастий и деепричастий, выступая, соответственно, как отрицание (с компонентом «ещё» в семантике или без оного в зависимости от показателя) либо форм прошедшего времени, либо перфективного деепричастия (подробнее об этих формах и о финитной форме невозможности *-ʃA-gñi* см., например, (Зеленский, Россыйкин, 2018)).

Таблица 1.

Основные неотрицательные синтетические формы бурятского глагола

Глосса	Показатель	Значение	Группа форм
PRS	<i>nA</i>	настоящее время	финитные индикативные
PRT1/PRT2	<i>A:/bA</i>	прошедшее время	
OPT/POT-RS	<i>hAi/x-a:n</i>	оптатив	финитные неиндикативные
IMP(-IMP.2PL)	\emptyset - <i>gti:</i>	императив (2 лица)	
HRT	<i>jə(:)</i>	горгатив	
PREC	<i>i:</i>	горгатив/императив	
VOL	<i>(h)U:</i>	предложение себя в качестве деятеля	
OPT2	<i>U:ʒA(n)/ U:ʒU:(n)</i>	намерение (в 1 лице) или юссив (в 3)	
JUSS	<i>g</i>	юссив	
MBAYS	<i>mbai(s)/ mbAi(s)</i>	предложение себя в качестве деятеля	финитные неиндикативные (поверх VOL/POT)
NMN	<i>lgA</i>	номинализация	номинализация ³
POT	<i>xA</i>	будущее время	причастие/ номинализация
POT-PSB/PSB2	<i>x-A:r/mA:r</i>	возможность (-able)	причастие
CONT	<i>hA:r</i>	континуатив	причастие (не путать с омонимичным ANT1)
RES	<i>nxAi</i>	субъектный результатив	причастие (и номинализация?)
PRT1-COM	<i>A:-tAi</i>	объектный результатив	причастие
PRT1-PTCP	<i>A:-ʃA</i>	хабитуалис либо прошедшее время ⁴	причастие/ номинализация

³ Существуют также более редкие, непродуктивные показатели номинализаций, которые, как и форма на *-lgA*, не имеют причастной функции (т. е. не употребляются ни атрибутивно, ни в финитном контексте).

Глосса	Показатель	Значение	Группа форм
НАВ	<i>dAg</i>	хабитуалис	причастие/ номинализация
JUSS-PTCP	<i>g-fA</i>		(обычно) причастие
PFCT	<i>hAn/a:n</i>	перфект/прошедшее время	причастие/ номинализация
PFCT2	<i>daiga:n</i>		причастие
CONV1	<i>зA</i>	имперфектив	деепричастие/ актант глагола
PRT1-CONV2	<i>A:-d</i>	перфектив	деепричастие (не путать с CONV2 без A:!)
CONV2	<i>d</i>	только как часть аналитического аттенуатива <i>-d gə-</i>	
CONV3	<i>n (ŋ)</i>	одновременность	деепричастие
ANT1/ANT2	<i>hA:r/a:r</i>	предшествование	
ANT3-REFL	<i>ntA:r-AA</i>		
ANT4	<i>msA:r</i>		
D-/.PFCT	<i>dA-hAn/ dU:n</i>	форма актанта при глаголе <i>хшгэхэ</i> 'хотеться' ⁵	
LIM	<i>tAr</i>	(переводят обычно через союз «пока»)	деепричастие
COND(-SHYE)	<i>bAl(-ffə)</i> ⁶	условие, со SHYE — уступка	

Далее в качестве примера причастия будет приводиться форма на *-hAn*, примера деепричастия — форма на *-зA*, строго финитной формы — форма на *-bA*; проверялись, разумеется, и другие формы (в совпадающих в остальном примерах, за исключением, по очевидным семантическим причинам, объектного результата на *-A:-tAi*).

2. Синтетические и аналитические формы в финитном контексте

Как уже было упомянуто, как причастия, так и строго финитные формы употребляются в финитном контексте; при этом первые,

⁴ Значение этой формы варьирует в зависимости от носителя и, возможно, синтаксического контекста.

⁵ Здесь и далее глаголы, в соответствии с общей монголоведческой традицией, цитируются в форме POT.

⁶ Перед SHYE показатель *bAl* может усекается до *bA* без изменения значения; не путать с *bA* 'PRT2'.

но не вторые могут сопровождаться при этом глаголом-связкой *baixa* ‘быть’ (в разных формах; далее для конкретности будет рассматриваться настоящее время, не изменяющее сколько-нибудь заметным образом видовременную семантику):

- (1) *Dugar jн:тэ хэ-бэ (*bai-na) / хэ-һэн (bai-na/-ba)*
 Дугар вещь.АСС делать-PRТ2 быть-PRS делать-PFCT быть-PRS/-PRТ2
 ‘Дугар что-то сделал.’

Схожим образом некоторые деепричастия могут сочетаться со связкой *baixa*, образуя аналитические формы, употребляемые в соответствии с показателем на связке; однако в финитном контексте связка при этом опущена быть не может:

- (2) *Dugar jн:тэ хэ-зэ *(bai-na)*
 Дугар вещь.АСС делать-CONV1 быть-PRS
 ‘Дугар что-то (сейчас) делает.’

Возникает очевидный вопрос: является ли употребление связки при причастиях в (1) явлением той же природы, что и её употребление при деепричастиях в (2), или же чем-то ещё? Вероятной альтернативой выступает именная предикация: употребление причастия в качестве сказуемого подобно тому, как употребляется прилагательное (3). Первым признаком сходства оказывается то, что в обоих случаях связка в настоящем времени может опуститься⁷:

- (3) *Dugar bөлөг (bai-na)*
 Дугар дурак быть-PRS
 ‘Дугар — дурак.’

Далее аналитические формы деепричастий, именная предикация и употребление причастий со связкой *baixa* ‘быть’ будут сопоставлены подробнее.

⁷ В тех случаях, когда носители обнаруживают семантическое различие между наличием связки и её отсутствием, они также описывают его одинаково для именной предикации и для причастий: наличие связки придаёт митаривный компонент (в переводах обычно обозначавшийся как «оказывается»).

3. Сравнение употребления связки при различных формах

Первым кандидатом на различие именной предикации и глагольных форм является предикативное согласование. Однако в бурятском языке этот тест не даёт результатов, поскольку оно устроено одинаково в именной предикации (4a) и в глагольной (4b)⁸. Причастие будущего времени факультативно использует вместо стандартных согласовательных показателей притяжательные, например, *-f-ni* вместо *-f* (4c), но это, хотя и требует дополнительного анализа, не свидетельствует ни за, ни против анализа прочих его употреблений как именной предикации.

(4) a. *fī* *bəɮəg-fī* / *bəɮəg(*-fī)* *bai-na-f*
ты дурак-2SG дурак-2SG быть-PRS-2SG
'Ты дурак.'

b. *fī* *ʃɯ:tə* *xə-bə-f* /
ты вещь.ACC делать-PRT2-2SG

xə-hən-fī / *xə-hən(*-fī)* *bai-na-f*
делать-PFCT-2SG делать-PFCT-2SG быть-PRS-2SG
'Ты что-то сделал(а).'

c. *fī* *ʃɯ:tə* *xə-xə-f(-ni(*-f))* /
ты вещь.ACC делать-POT-2SG-POSS-2SG

xə-xə(-f(-ni))* *bai-na-f*
делать-POT-2SG-POSS быть-PRS-2SG
'Ты что-то сделаешь.'

К счастью, было обнаружено систематическое различие между аналитическими формами с деепричастиями и употреблением причастий с бытийной связкой, связанное с образованием актантных дериваций. В то время как аналитические формы с деепричастиями могут иметь показатели актантных дериваций (в примерах — CAUS) как на лексическом, так и на вспомогательном глаголе или даже на обоих (5a–c), что указывает на реструк-

⁸ После согласного облик показателя 2SG может быть как *-fī*, так и *-Aʃ*; в примерах по соображениям места приводится только первый. Совпадение формы *fī* 'ты' и показателя *-fī* '2SG' синхронно случайно, хотя диахронически второй происходит от первого.

туризацию в терминах (Wurmbrand 2001), причастия могут иметь соответствующие показатели только на лексическом глаголе, но не на бытийной связке (6a–b), что указывает на то, что связка выступает в своей обычной функции — иными словами, на отсутствие реструктуризации.

- (5) a. *Dugar Badma-da* *жѳтэ* *х-ѳ:l-зэ* *бай-на*
 Дугар Бадма-DAT вещь.ACC делать-CAUS-CONV1 быть-PRS
 ‘Дугар заставляет Бадму что-то делать.’ {a = b = c}
- b. *Dugar Badma-da* *жѳтэ* *хэ-зэ* *бай-lга-на*
 Дугар Бадма-DAT вещь.ACC делать-CONV1 быть-CAUS-PRS
- c. *Dugar Badma-da* *жѳтэ* *х-ѳ:l-зэ* *бай-lга-на*
 Дугар Бадма-DAT вещь.ACC делать-CAUS-CONV1 быть-CAUS-PRS
- (6) a. *Dugar Badma-da* *жѳтэ* *х-ѳ:l-һэн* *бай-на*
 Дугар Бадма-DAT вещь.ACC делать-CAUS-PFCT быть-PRS
 ‘Дугар заставил Бадму что-то делать.’
- b. **Dugar Badma-da* *жѳтэ* *хэ-һэн* /
 Дугар Бадма-DAT вещь.ACC делать-PFCT
х-ѳ:l-һэн *бай-lга-на*
 делать-CAUS-PFCT быть-CAUS-PRS
 Ожид. зн.: ‘Дугар заставил Бадму что-то делать.’

С учётом того, что сочетание причастий с бытийной связкой на основании этого резонно считать именной предикацией, наиболее экономная гипотеза состоит в том, что и их употребление в финитном контексте в отсутствие связки также представляет собой именную предикацию (тем самым бурятские причастия могут свободно употребляться в именной предикации, в отличие, например, от русских действительных причастий, см. пример (7)).

(7) *Пётр глупый* / **делающ(ий)* / **делавш(ий)*.

Заметим, что употребление причастий в качестве финитных форм характерно и для других монгольских языков (литературный бурятский (Санжеев 1962), калмыцкий (Сай и др. 2009: 685–689)), и вероятно, что предложенный здесь анализ применим и к ним.

Это легко проверить, предложив носителям проверку грамматичности поморфемных переводов примеров в (5–6).

4. Заключение

Проанализировав употребление причастий, я пришёл к выводу, что имеющиеся данные не противоречат мнению, что их финитное употребление как при наличии связки, так и в её отсутствие является именной предикацией, а тест на расположение показателя актантной деривации напрямую свидетельствует в пользу данной гипотезы.

Список условных сокращений

2 — 2 лицо; ACC — винительный падеж (в т. ч. немаркированный), DAT — дательный падеж; CAUS — каузатив; POSS — притяжательный показатель; SG — единственное число; глоссы прочих глагольных показателей приведены в таблице 1.

Литература

- Marantz 1997 — Marantz, A. (1997). No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 4(2), pp. 201–225.
- Wurmbrand 2001 — Wurmbrand, S. (2001). *Infinitives: Restructuring and clause structure*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Зеленский, Россыйкин 2018 — Зеленский, Д. М., Россыйкин, П. О. (2018). Асимметрия по полярности системы причастий возможности баргузинского диалекта бурятского языка // Кс. П. Семёнова (Ред.), *Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017*. Москва: Буки Веди. С. 63–69.
- Сай и др. 2009 — Сай, С. С., Баранова, В. В., Сердобольская, Н. В. (Ред.). (2009). *Исследования по грамматике калмыцкого языка*. СПб: Наука.
- Санжеев 1962 — Санжеев, Г. Д. (Ред.). (1962). *Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология*. Москва: Издательство восточной литературы.

Морфосинтаксические свойства неопределенных местоимений свободного выбора в горномарийском языке*

Наталья Вячеславовна Каланова
МГУ имени М. В. Ломоносова
kalanovan@bk.ru

1. Введение

Статья посвящена морфосинтаксическим особенностям двух серий неопределенных местоимений свободного выбора в горномарийском языке с маркерами глагольного происхождения *ʒon* и *poraza*. В работах предшественников эти местоимения почти не обсуждались (Alhoniemi 1993: 87–91, Саваткова 2002: 168–170, Бикина 2018). Опираясь на особенности падежно-числового маркирования местоимений¹, а также на позицию послелогов относительно основы и маркера, мы покажем, что показатели *ʒon* и *poraza* находятся на разных стадиях грамматикализации. Кроме того, мы обсудим, как наши данные соотносятся с существующими наблюдениями о свойствах структурных и локативных падежей (см. (Плешак 2017) и приведенные там ссылки) и с возможностью параллельного анализа для локативных падежей и послеложных конструкций (Симоненко & Леонтьев 2012).

Материал собран во время экспедиций в 2018–2019 гг. в селе Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в окрестных деревнях, в первую очередь методом анкетирования. Кроме того, были учтены данные экспедиционного корпуса (объем — 63522 словоупотреблений).

2. Неопределенные местоимения в горномарийском языке

Неопределенные местоимения образуют серии, включающие основу, выражающую онтологическую категорию, и маркер неопределенности — формальный элемент, который присутствует во всех

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627.

¹ О системе падежей горномарийского языка см., например, (Саваткова 2002: 93–106).

членах серии (Haspelmath 1997: 21–26). В горномарийском языке выделяют восемь серий неопределенных местоимений (см. Таблицу 1). Во всех сериях в качестве основы выступают вопросительные местоимения, ср. *ta-ma* (INDEF-что) ‘кто-то’, *ik-tä-gü* (один-INDEF-кто) ‘кто-нибудь’, *kə-škə gän'ät* (который-ILL indef) ‘куда-нибудь’ и др. В настоящей статье мы не затрагиваем семантику всех серий (см. о ней Kalanova 2019).

Таблица 1. Маркеры неопределенности в горномарийском языке

Препозитивные маркеры	Постпозитивные маркеры
<i>ta / tä</i>	<i>gän'ät</i>
<i>iktä</i>	<i>än'ät</i>
<i>n'i</i>	<i>šon</i>
<i>xot'</i>	<i>poraza</i>

Понятие местоимений свободного выбора (англ.: *free choice items*) введено в работах, посвященных семантике английского *any* (Vendler 1967, Haspelmath 1997, Giannakidou 2001 и др.). В русском языке в этот класс попадают местоимение *любой* и серия с маркером *угодно* (Падучева 2015). В горномарийском языке функцию свободного выбора выполняют серии с показателями *xot'*, *šon* и *poraza*. Мы сосредоточимся на последних двух сериях. Маркеры неопределенности в них являются застывшими глагольными формами: *šon* представляет собой либо деепричастие глагола *šoas'* ‘достигать’, либо омонимичную ему форму претерита 3 л. ед. ч., а *poraza* — форму непростедевшего времени 3 л. ед. ч. глагола *porazaš'* ‘попадáть’.

3. Падежно-числовое маркирование местоимений с показателями *šon* и *poraza*

В теории управления и связывания структурными (другой термин «прямые») падежами называют те, которые приписываются функциональными вершинами (Chomsky 1981). К ним относятся номинатив, аккузатив и генитив.

В горномарийском языке номинатив не маркируется. Местоимения с маркером *šon* присоединяют показатели генитива (1) и аккузатива (2–3) к маркеру неопределенности.

- (1) *vas'a-n garaž-ǎštǎ ma šo-n-ǎn /*
 Вася-GEN гараж-IN что достигать-CVB/PRET-GEN
 **ma-n šo-n detal'-vlä ki-ät*
 что-GEN достигать-CVB/PRET деталь-PL лежать-NPST.3PL
 'В Васином гараже лежат детали (от) чего попало.'

- (2) *saša to-kǎ-žǎ kü šo-n-ǎm kand-a*
 Саша дом-ILL2-POSS.3SG кто достигать-CVB/PRET-ACC приводить-NPST.3SG
 'Саша домой приводит кого попало.'

- (3) [?]*saša to-kǎ-žǎ kü-m šo-n kand-a*
 Саша дом-ILL2-POSS.3SG кто-ACC достигать-CVB/PRET приводить-NPST.3SG
[?]'Саша приводит домой кого захочет.'²
 **'Саша приводит домой кого попало.'

Расположение этих падежных показателей после основы либо неграмматично (в случае генитива), либо в части идиолектов все же допускается, однако сопровождается семантическим изменением (для аккузатива).

При местоимениях с маркером *popaza* показатели генитива всегда следуют за основой (4), в то время как для показателей аккузатива в части идиолектов возможна вариативность (5).

- (4) *vas'a-n garaž-ǎštǎ ma-n popaz-a /*
 Вася-GEN гараж-IN что-GEN попадать-NPST.3SG
 **ma popaz-a-n detal'-vlä ki-ät*
 что попадать-NPST.3SG-GEN деталь-PL лежать-NPST.3PL
 'В Васином гараже лежат детали (от) чего попало.'

- (5) *saša to-kǎ-žǎ kü-m popaz-a /*
 Саша дом-ILL2-POSS.3SG кто-ACC попадать-NPST.3SG
[?]*kü popaz-a-m kand-a*
 кто попадать-NPST.3SG-ACC приводить-NPST.3SG
 'Саша приводит домой кого попало.'

² Данная интерпретация мотивирована, по-видимому, тем, что глагол *šoaš* используется не только в составе неопределенных местоимений, но и в некоторых конструкциях с дезидеративной семантикой.

Датив относится к ингерентным падежам (Woolford 2006). В горномарийском языке он может проявлять свойства как прямых, так и локативных падежей (Плешак 2017). Показатели датива в части идиолектов допускают вариативность и для серии на *šon* (6), и для серии на *poraza* (7), однако более предпочтительные позиции падежного аффикса те же, что и в случае структурных падежей: за маркером неопределенности для местоимений на *šon* и за основой для местоимений на *poraza*.

- (6) *vas'a ma šo-n-lan / ʔma-lan šo-n*
 Вася что достигать-CVB/PRET-DAT что-DAT достигать-CVB/PRET
änän-ä
 верить-NPST.3SG
 'Вася верит чему попало.'

- (7) *vas'a ma-lan poraz-a / ʔma poraz-a-lan*
 Вася что-DAT попадать-NPST.3SG что попадать-NPST.3SG-DAT
änän-ä
 верить-NPST.3SG
 'Вася верит чему попало.'

Локативные падежи приписываются лексической вершиной и не являются обязательными (Woolford 2006). Для местоимений на *šon* и *poraza* их показатели не допускают вариативности в позициях аффиксов. При местоимениях на *šon* они следуют за маркером неопределенности (8), а при местоимениях на *poraza* — за основой (9).

- (8) *griša rogatka gäc ma šo-n-äškâ /*
 Гриша рогатка EL что достигать-CVB/PRET-ILL
 **ma-škâ šo-n lü-ä*
 что-ILL достигать-CVB/PRET стрелять-NPST.3SG
 'Гриша стреляет из рогатки по чему попало.'

- (9) *griša rogatka gäc ma-škâ poraz-a /*
 Гриша рогатка EL что-ILL попадать-NPST.3SG
 **ma poraz-a-škâ lü-ä*
 что попадать-NPST.3SG-ILL стрелять-NPST.3SG
 'Гриша стреляет из рогатки по чему попало.'

Рассматриваемые местоимения имеют формы симилятива, но не имеют форм комитатива и каритива. В случае местоимений на *šon* показатель симилятива следует за маркером неопределенности (10), тогда как местоимения на *poraza* допускают вариативность у части носителей (11).

- (10) *vas'a v'elos'ip'ed-žž-m ma šo-n-la /*
 Вася велосипед-POSS.3SG-ACC что достигать-CVB/PRET-SIM
**ma-la šo-n vaštalt-en kerd-eš*
 что-SIM достигать-CVB/PRET менять-CVB мочь-NPST.3SG
 'Вася может обменять велосипед на что попало.'

- (11) *vas'a v'elos'ip'ed-žž-m ma-la poraz-a /*
 Вася велосипед-POSS.3SG-ACC что-SIM попадать-NPST.3SG
?ma poraz-a-la vaštalt-en kerd-eš
 что попадать-NPST.3SG-SIM менять-CVB мочь-NPST.3SG
 'Вася может обменять велосипед на что попало.'

Показатель множественного числа следует за маркером неопределенности при местоимениях на *šon* (12) и за основой при местоимениях на *poraza* (13). При этом невозможно наличие показателей числа на основе, а падежных — на маркере и наоборот.

- (12) *vas'a ma šo-n-vlä-m / *ma-vlä-m*
 Вася что достигать-CVB/PRET-PL-ACC что-PL-ACC
šo-n näl-eš
 достигать-CVB/PRET брать-NPST.3SG
 'Вася покупает что попало.'

- (13) *vas'a ma-vlä-m poraz-a / *ma*
 Вася что-PL-ACC попадать-NPST.3SG что
poraz-a-vlä-m näl-eš
 попадать-NPST.3SG-PL-ACC брать-NPST.3SG
 'Вася покупает что попало.'

Помимо категорий падежа и числа, в горномарийском языке есть именная категория посессивности. Т. к. местоимения на *šon*, в отличие от местоимений на *poraza*, могут употребляться в ре-

ферентных контекстах (Kalanova 2019), то возможно присоединение к ним посессивных показателей: они всегда следуют за маркером неопределенности (14). Местоимения на *poraza* не присоединяют посессивный маркер по семантическим причинам.

- (14) *mən'-ən ma šo-n-em / *ma-em*
 я-GEN что достигать-CVB/PRET-POSS.1SG что-POSS.1SG
- šo-n ulā*
 достигать-CVB/PRET есть
 'У меня кое-что есть.'

Приведенные данные можно обобщить в Таблице 2.

Таблица 2.

Падежно-числовое маркирование местоимений с показателями *šop* и *poraza*

	<i>šop</i>		<i>poraza</i>	
	позиция за основой	позиция за маркером	позиция за основой	позиция за маркером
Структурные падежи	*	ОК	ОК	?
Датив	?	ОК	ОК	?
Локативные падежи	*	ОК	ОК	*
Симилиатив	*	ОК	ОК	?
Множественное число	*	ОК	ОК	*
Посессивность	*	ОК	*	*

4. Дистрибуция послелогов

В ряде работ горномарийские формы локативных падежей получают теоретический анализ, схожий с анализом послеложных групп (Плешак 2017, Плешак & Давидюк 2018, см. также Симоненко & Леонтьев 2012). В нашем случае послелогов обнаруживаются высокую степень вариативности в случае серии на *poraza*, при этом позиция после маркера неопределенности часто более предпочтительна, чем позиция за основой. Этим они отличаются от форм локативных падежей, которые, как правило, не допускают вариативности (см. Таблицу 2).

Мы рассмотрели две серии пространственных послелогов: *väl-nä* (верх-IN2) 'на / по поверхности чего-то', *väl-es* (верх-EL) 'с поверхности чего-то', *vä-kä* (верх-ILL2) 'на поверхность чего-то' и *lävä-l-nä* (низ-IN2) 'под чем-то', *lävä-c-än* (низ-EL-FULL) 'из-под чего-то', *lävä-kä*

(низ-III2) ‘подо что-то’, а также два несерийных послелога: *pašte*k ‘после (следом)’ и *dono* ‘с’. Все они продемонстрировали значительную вариативность в сочетании с местоимениями на *poraza*, тогда как позиция послелога при местоимениях на *šon* не меняется: он всегда следует за маркером неопределенности. Явных различий в свойствах серийных (15–16) и несерийных (17–18) послелогов выявлено не было.

- (15) *tarakan-vlä ma šo-n vāl-ec / *ma vāl-ec*
 таракан-PL что достигать-CVB/PRET верх-EL что верх-EL
- šo-n / ma poraz-a vāl-ec /*
 достигать-CVB/PRET что попадать-NPST.3SG верх-EL
- ?*ma vāl-ec poraz-a val-at*
 что верх-EL попадать-NPST.3SG спускаться-NPST.3PL
 ‘Тараканы с чего попало сползают.’

- (16) *tarakan-vlä ma šo-n lävä-c-än /*
 таракан-PL что достигать-CVB/PRET низ-EL-FULL
- **ma lävä-c-än šo-n /*
 что низ-EL-FULL достигать-CVB/PRET
- ma poraz-a lävä-c-än /*
 что попадать-NPST.3SG низ-EL-FULL
- **ma lävä-c-än poraz-a läkt-ät*
 что низ-EL-FULL попадать-NPST.3SG выходить-NPST.3PL
 ‘Тараканы из-под чего попало выползают.’

- (17) *tädä kü šo-n pašte*k /
 он кто достигать-CVB/PRET после
- **kü pašte*k šo-n /
 кто после достигать-CVB/PRET
- ?*kü poraz-a pašte*k /
 кто попадать-NPST.3SG после
- ??*kü pašte*k poraz-a kašt-eš
 кто после попадать-NPST.3SG ходить-NPST.3SG
 ‘Он ходит за кем попало (следом).’

- (18) *tädä kü šo-n dono /*
 он кто достигать-CVB/PRET с
- **kü dono šo-n /*
 кто с достигать-CVB/PRET
- ?*kü poraz-a dono /*
 кто попадать-NPST.3SG с
- kü dono poraz-a kašt-eš*
 кто с попадать-NPST.3SG ходить-NPST.3SG
 'Он ходит с кем попало.'

Данные о позиции послелогов (в том числе и по примерам, не вошедшим в статью по соображениям объема) суммированы в Таблице 3.

Таблица 3.

Позиция послелога относительно основы и маркера неопределенности

	<i>šon</i>		<i>poraza</i>	
	позиция за основой	позиция за маркером	позиция за основой	позиция за маркером
<i>välnä</i> (верх-IN2)	*	ОК	?	?
<i>välec</i> (верх-EL)	*	ОК	?	ОК
<i>väkä</i> (верх-ILL2)	*	ОК	?	ОК
<i>lävälnä</i> (низ-IN2)	*	ОК	??	?
<i>läväcän</i> (низ-EL-FULL)	*	ОК	*	ОК
<i>läväkä</i> (низ-ILL2)	*	ОК	?	?
<i>pašte</i> 'после (следом)'	*	ОК	??	?
<i>dono</i> 'с'	*	ОК	ОК	?

5. Заключение

Маркеры неопределенности *šon* и *poraza* находятся на разных стадиях грамматикализации. Это подтверждает практически полное отсутствие вариативности в позиции падежно-числовых аффиксов и послелогов для местоимений с показателем *šon* (они всегда следуют за маркером неопределенности) и напротив, существование подобной вариативности в случае местоимений на *poraza*. В отличие от структурных падежей, датива и симилиатива, локативные падежи допускают только позицию падежного пока-

зателя после основы. В остальных падежах позиция за основой предпочтительна, однако в части идиолектов приемлема и позиция за маркером неопределенности. Числовой аффикс тоже всегда следует за основой. Послелого в сочетании с местоимениями на *pora*, демонстрируют свойства, отличные от свойств локативных падежей: их позиция может различаться по идиолектам. Кроме того, положение послелога за маркером неопределенности часто более приемлемо, чем за основой.

Приведенные данные подтверждают существующие представления о различиях свойств структурных и локативных падежей и показывают, что послелого и формы локативных падежей проявляют разные свойства в сочетании с элементами, для которых процесс грамматикализации еще не завершился.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; EL — элатив; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL — иллатив; ILL2 — иллатив (для послелогов); IN — инессив; IN2 — инессив (для послелогов); NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; SG — единственное число, SIM — симилатив.

Литература

- Бикина 2018 — Бикина Д. А. (2018). Двойное маркирование неопределенности в горномарийском языке. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН*, 14(2), 37–60.
- Падучева 2015 — Падучева Е.В. (2015). Местоимения свободного выбора. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Плешак 2017 — Плешак П. С. (2017). Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. *Дипломная работа*. МГУ, М.
- Плешак, Давидюк 2018 — Плешак П. С., Давидюк, Т. И. (2018). Структура именной и послеложной групп в горномарийском языке. // *Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017*. Ред. Кс. П. Семёнова. М.: «Буки Веди», 174–180.
- Симоненко, Леонтьев 2012 — Симоненко А. П., Леонтьев, А. П. (2012). Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма. А.И. Кузнецова (отв. ред.). *Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: *Рукописные памятники Древней Руси*, 262–340.
- Саваткова 2002 — Саваткова А. А. (2002). Горное наречие марийского языка. *Bibliotheca Ceremissica*, 5. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola.

- Alhoniemi 1993 — Alhoniemi A. (1993). *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar*. Hamburg: Buske Verlag.
- Chomsky 1981 — Chomsky N. (1981). *Lectures on Government and Binding: The Pisa Lectures*. Dordrecht: Foris.
- Giannakidou 2001 — Giannakidou A. (2001). The meaning of free choice. *Linguistics and philosophy*, 24(6), 659–735.
- Haspelmath 1997 — Haspelmath M. (1997). *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press.
- Kalanova 2019 — Kalanova N. (2019). *Semantic Properties of Indefinites in Hill Mari*. Talk at the IFUSCO XXXV, Wien Universität, Österreich.
- Luutonen 1997 — Luutonen J. (1997). The variation of morpheme order in Mari declension. Helsinki: *Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia*.
- Vendler 1967 — Vendler Z. (1967). Each and Any, Every and All. *Linguistics and Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 70–96.
- Woolford 2006 — Woolford E. (2006). Lexical case, inherent case, and argument structure. *Linguistic inquiry*, 37(1), 111–130.

Грамматикализация глагола *anžāš* ‘смотреть’ в горномарийском языке*

Егор Владимирович Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН /
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова
egorka1988@gmail.com

1. Введение

В работе рассматривается происходящая в сложных глагольных комплексах грамматикализация горномарийского глагола *anžāš* ‘смотреть’ (когнат в луговом марийском языке — *ончаш*). Данные собраны в 2018–2019 гг. в ходе полевой работы в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и нескольких окрестных деревнях¹. Использовался преимущественно метод анкетирования носителей. Учтены также данные экспедиционного корпуса текстов объемом 63522 словоупотребления.

Под сложными глагольными комплексами понимаются сочетания деепричастия лексического глагола и грамматикализованного легкого глагола, характеризующиеся высокой степенью морфосинтаксической слитности (см. (Bradley 2016) и приводимые там ссылки). Употребление в таких конструкциях рассматриваемого глагола в марийских языках обсуждалось, в частности, в (Пенгитов и др. (ред.) 1961: 214–215; Bradley 2016: 196–198). Ему приписывалось значение попытки совершить действие, отмечалась также семантика моментальности.

2. Контексты попытки

По нашим данным, подтверждающим анализ предшественников, сложные глагольные комплексы с предикатом *anžāš* описывают пунктивные ситуации, см. их несочетаемость с обстоятельствами длительности в (1)–(2) и недопустимость актуально-длительной интерпретации в части идиолектов в (3).

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627.

¹ Подробнее о проекте см. <http://hillmari-exp.tilda.ws/>.

- (1) *vas'a amasa-m vəc m'ĩnut-əštə pač-əp anž-en.*
 Вася дверь-ACC пять минута-IN открывать-CVB смотреть-PRET
 'Вася попробовал открыть дверь через 5 минут (после другого события).'
 *'Вася попробовал открыть дверь за 5 минут.'
- (2) **vas'a amasa-m vəc m'ĩnut pač-əp anž-en.*
 Вася дверь-ACC пять минута открывать-CVB смотреть-PRET
 Ожид. зн.: 'Вася пробовал открыть дверь 5 минут.'
- (3) *vas'a amasa-m pač-əp anž-a.*
 Вася дверь-ACC открывать-CVB мотреть-NPST.3SG
 'Вася попробует открыть дверь.'
 ?'Вася пробует открыть дверь.'

В исследуемых говорах глагол *anž-aš* развивает семантику попытки, на что указывали и наши предшественники. Вместе с тем семантическая зона попытки устроена сложно (ср., например, (Divjak, Gries 2006)), поэтому возникает вопрос о том, какие в точности типы ситуаций описывает при сдвиге в эту зону глагол *anž-aš*.

Конструкция с *anž-aš*, как правило, предполагает осуществление действия, обозначаемого лексическим глаголом (4). В части идиолектов это представляет собой импликацию, отменяемую контекстом; в некоторых идиолектах отмена контекстом невозможна (5). Интересно, что в (Плунгян 2001: 68–69) глаголы со значениями 'видеть' и 'смотреть' обсуждаются, напротив, как распространенный типологически источник конативных маркеров, т. е. описывающих неудачную попытку.

- (4) *mən' amasa-m pač-əp anž-š-əm.*
 я дверь-ACC открывать-CVB смотреть-AOR-1SG
 'Я попробовал открыть дверь (и у меня получилось).'
- (5) ?*mən' amasa-m pač-əp anž-š-əm,*
 я дверь-ACC открывать-CVB смотреть-AOR-1SG
no pač-əp šə-m kert.
 но открывать-CVB NEG.AOR-1SG мочь
 'Я попробовал открыть дверь, но не смог.'

Конструкция с *anž-aš* описывает попытку как эксперимент (6). В ситуации попытки с приложением усилий используется конст-

рукция с глаголом *sasaš* ‘стараться’, который управляет инфинитивом лексического глагола, но не конструкция с *anžaš* (7).

- (6) *ädär-em žurnal-äštâ plat'â-m už-âp*
 девушка-POSS.1SG журнал-IN платье-ACC видеть-PRET
dä texen'-ä-m ârg-en anž-en.
 и такой-FULL-ACC шить-CVB смотреть-PRET
 ‘Моя дочь увидела в журнале платье и попробовала сшить такое.’

- (7) *ädär-em plat'â-m piš=ok ârg-aš sac-en/*
 девушка-POSS.1SG платье-ACC очень = EMPH шить-INF стараться-PRET
 **ârg-en anž-en.*
 шить-CVB смотреть-PRET
 ‘Моя дочь очень старалась сшить платье.’

Предикат *anžaš* в контексте попытки не сочетается с неконтролируемыми предикатами, как в (8)–(9); ср. также (10), где он возможен в сочетании с предикатом *anžaš* ‘смотреть’ в функции лексического глагола, предполагающим, в отличие от глагола *užaš* ‘видеть’, контроль в ситуации зрительного восприятия. Это сочетаемостное ограничение можно объяснить тем, что ситуация попытки как эксперимента предполагает контроль со стороны субъекта.

- (8) **vas'a ângâl-en anž-en ma-m tädä-län äštä-mälä.*
 Вася понимать-CVB смотреть-PRET что-ACC он-DAT делать-DEB
 Ожид. зн.: ‘Вася пытался понять, что ему делать.’
- (9) **tä-štä sirä-mä-m män' už-âp anžâ-š-âp.*
 тот-IN писать-PTCP.PASS-ACC я видеть-CVB смотреть-AOR-1SG
 Ожид. зн.: ‘Я пытался увидеть, что там написано.’
- (10) *män' santa-barbarâ-m anž-en anžâ-š-âp,*
 я Санта-Барбара-ACC смотреть-CVB смотреть-AOR-1SG
po mä-läm äš kelšä.
 но я-DAT.POSS.1SG NEG.AOR нравиться
 ‘Я пробовал смотреть «Санта-Барбару», но мне не понравилось.’

3. Общефактические контексты

Помимо значения попытки, конструкция с *anž-aš* может выражать общефактическое экспериенциальное значение ('ситуация имела место хотя бы однажды в определенный период до определенного момента'; см., например, (Dahl 1985: 139–144; Шатуновский 2004)), как в (11). В предыдущих описаниях марийских языков такое развитие этой конструкции не упоминалось.

- (11) *ivan = at jâl-en anž-en.*
 Иван = ADD гореть-CVB смотреть-PRET
 {Мне рассказывают про пожар у Васи. Я отвечаю: } 'И дом Ивана горел когда-то.'

Использоваться в перфектных контекстах, предполагающих непосредственную релевантность ситуации для настоящего момента, такая конструкция не может, ср.:

- (12) *vas'a leväš vâl-ec*
 Вася крыша верх-EL
ke-n vac-∅ anž-en = ät
 идти-CVB лечиться-CVB смотреть-PRET = ADD
škäm-žä-m kăzät pereg-ä.
 REFL-POSS.3SG-ACC сейчас беречь-NPST.3SG
 'Вася падал с крыши и сейчас бережет себя.'

- (13) *vas'a leväš gäc-än ke-n vaz-än /*
 Вася крыша EL-FULL идти-CVB лечиться-PRET
 **ke-n vac-∅ anž-en. skoräj-äm šüdä-∅.*
 идти-CVB лечиться-CVB смотреть-PRET скорый-ACC звать-IMP
 'Вася упал с крыши. Вызови скорую.'

В конструкции с *anž-aš* в общефактических контекстах возможны как контролируемые, так и неконтролируемые предикаты (в т. ч. предикаты с неодушевленным субъектом):

- (14) *ti vrač tä-län-dä palš-a. molnam tädä*
 этот врач вы-DAT-POSS.2SG помогать-NPST.3SG раньше он
täxen' jasê-vlä-m tör-l-en anž-en.
 такой большой-PL-ACC прямой-DENOM-CVB смотреть-PRET
 'Этот врач вам поможет. Он раньше лечил таких больных.'

- (15) *mən' ikänäk šarovoj moln'ijä-m*
я однажды шаровой молния-ACC

už-ən anž-en-äm.

видеть-CVB смотреть-PRET-1SG

'Я один раз видел шаровую молнию.'

- (16) *ti cäš uže pädârg-en anž-en,*
этот час уже ломаться-CVB смотреть-PRET

no tidä-m tör-l-en-ät.

но этот-ACC прямой-DENOM-PRET-3PL

'Эти часы уже ломались, но их починили.'

В некоторых примерах с контролируруемыми предикатами общезначимое значение трудно отличить от значения попытки, см. взятый из текста пример (17), где можно усмотреть и описание попыток ездить в Москву и в Мордовию для поиска лучшего места работы, и утверждение о том, что такие поездки имели место.

- (17) *kok-šâ erg-em tol'a, anatoľ'ij služ-en arm'i-štä,*
два-ORD сын-POSS.1SG Толя Анатолий служить-PRET армия-IN

kolxoz-âšt = at rovojaj-en. <... >

колхоз-IN = ADD работать-PRET

moskva-šk = at kašt-ən anž-en. <... >

Москва-ILL = ADD ходить-CVB смотреть-PRET

mordovi-šk = ät kašt-ən anž-en.

Мордовия-ILL = ADD ходить-CVB смотреть-PRET

nu rovojaj-aš, tožâ rabočij edem âl-eš.

ну работать-INF тоже рабочий человек быть-NPST.3SG

'Второй сын Толя, Анатолий, служил в армии и в колхозе работал. <... > И в Москву ездил <... > И в Мордовию ездил. Ну, работать, тоже рабочий человек.'

В общезначимом значении конструкция с *anž-aš* свободно используется в контекстах прекращенного прошлого (18), тогда как в контекстах, когда ситуация продолжает осуществляться, она возможна не во всех идиолектах (19).

- (18) *mä baklažan-âm pervi šänd-en anž-en-nä,*
 мы баклажан-ACC раньше сажать-CVB смотреть-PRET-1PL
a kəzət a-na šändä.
 а сейчас NEG.NPST-1PL сажать
 ‘Мы раньше сажали баклажаны, а сейчас не сажаем.’

- (19) *ʔmä baklažan-âm pervi šänd-en anž-en-nä*
 мы баклажан-ACC раньше сажать-CVB смотреть-PRET-1PL
dä kəzət = ät šänd-enä.
 и сейчас = ADD сажать-NPST.1PL
 ‘Мы раньше сажали баклажаны и сейчас тоже сажаем.’

Многие носители языка указывают, что рассматриваемая конструкция с *anžaš* особенно употребительна при указании на отправную точку для последующих событий (т. е., при ее употреблении ожидается продолжение вида ‘и затем произошло P’), см. контексты (20)–(21), достраиваемые информантами при предъявлении простых клауз с *anžaš*, с которых начинаются эти примеры. Проверить это наблюдение с помощью экспедиционного корпуса, однако, невозможно в силу отсутствия достаточного объема данных.

- (20) *vas'a täžem tängä-m mo-n anž-en,*
 Вася тысяча рубль-ACC находить-CVB смотреть-PRET
tä täžem tängä-eš-əž = ät
 тот тысяча рубль-LAT-POSS.3SG = ADD
ta-ma-m vele näl-än.
 INDEF-что-ACC только брать-PRET
 ‘Вася (однажды) нашел тысячу рублей и купил на эту тысячу рублей какую-то ерунду.’

- (21) *män'-äm izi-em god-âm*
 я-ACC маленький-POSS.1SG время-ACC
pi pâr-ät-∅ anž-en,
 собака кусать-SEM-CVB смотреть-PRET
mä-läm nällä ukol-âm äšt-en-ät.
 я-DAT.POSS.1SG сорок укол-ACC делать-PRET-3PL
 ‘Меня в детстве кусала собака, мне делали 40 укулов.’

4. Обсуждение

Горномарийский глагол *apžaš*, имеющий исходное значение ‘смотреть’, используется в контекстах попытки — эксперимента, как правило указывая на успешное осуществление действия. В этих контекстах он сочетается с контролируруемыми предикатами.

Еще одно значение, развиваемое конструкцией с глаголом *apžaš*, — общефактическое экспериенциальное. Оно возможно в сочетании как с контролируруемыми, так и с неконтролируемыми предикатами.

О механизме развития общефактического значения у конструкций с *apžaš* у нас нет надежных диахронических данных, поэтому возможно только строить гипотезы, опирающиеся на соображения синхронного семантического анализа и на некоторые ареально-типологические параллели. Вероятно развитие общефактического значения на основе значения попытки (а не на основе исходного значения ‘смотреть’). Косвенно вторичный характер общефактических контекстов подтверждается тем, что для близких конструкций в различных алтайских языках зафиксировано развитие глагола со значением ‘смотреть’ и/или ‘видеть’ в средство обозначения попытки, но не зафиксировано его развитие в маркер общефактического значения, см., например, (Баранова 2009: 301–302; Шлуинский 2009: 27–31; Гращенков 2015: 88–89; Лебедев 2016: 104).

Семантику конструкций с *apžaš*, описывающих удачную попытку, можно сформулировать как ‘X предпринимает попытку осуществить действие P, и верно, что в результате действие P осуществляется’. Семантика общефактических контекстов включает, в свою очередь, только компонент ‘действие P осуществляется’, тогда как компонент попытки в ходе семантической деривации утрачивается. Это соответствует известной модели переноса обозначения действия (в данном случае попытки осуществить P) на его результат (в данном случае осуществление P), см. об этой модели, например, (Brugman, Lakoff 1988; Кустова 1998; Рахилина и др. 2010: 408–410).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEB — дебитив; DENOM — показатель отыменной деривации; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; FULL — полная форма; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив;

INDEF — показатель неопределенного местоимения; INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; ORD — показатель порядкового числительного; PL — множественное число; POSS — посевивность; PRET — претерит; PTCP.PASS — пассивное причастие; REFL — рефлексив; SEM — семейфактив; SG — единственное число.

Литература

- Баранова 2009 — Баранова В. В. (2009) Сложные глаголы в калмыцком языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. V, ч. 2. С. 255–309.
- Гращенков 2015 — Гращенков П. В. (2015) Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: ЯСК.
- Кустова 1998 — Кустова Г. И. (1998) Производные значения с экспериенциальной составляющей // *Семиотика и информатика*. Вып. 36. М.: Языки русской культуры. С. 19–40.
- Лебедев 2016 — Лебедев Э. Е. (2016). Акционсартовое значение сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: ЧГИГН.
- Пенгитов и др. 1961 — Пенгитов Н. Т., Галкин И. С., Исанбаев Н. И. (ред.). (1961) Современный марийский язык: морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. (2001) Антирезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1. Глагольные категории / ред. В. А. Плунгян. М.: Русские словари. С. 50–88.
- Рахилина и др. 2010 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С. (2010) Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // *Лингвистика конструкций* / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник. С. 398–455.
- Шатуновский 2004 — Шатуновский И. Б. (2004) Общефактический НСВ: коммуникативные функции и референция // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК. С. 368–377.
- Шлуинский 2009 — Шлуинский А. Б. (2009) Бивербальные конструкции и их лексические ограничения // *Тубаларские этюды*, ред. С. Г. Татевосов. М.: ИМЛИ РАН. С. 6–53.
- Bradley 2016 — Bradley J. (2016) Mari converb constructions: productivity and regional variance. PhD thesis. Vienna: University of Vienna.
- Brugman, Lakoff 1988 — Brugman C., Lakoff G. (1988) Cognitive typology and lexical networks // G. W. Cottrel, S. Small, M. K. Tannenhouse (eds.) *Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence*. San Mateo (CA): M. Kaufman. P. 477–508.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. (1985) *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell.
- Divjak, Gries 2006 — Divjak D., Gries S. (2006) Ways of trying in Russian: clustering behavioral properties // *Corpus linguistics and linguistic theory*, 2–1. P. 23–60.

Большая лингвистика в малом языке: локальная структура верхнекускоквимского дискурса*

Андрей Александрович Кибрик

Институт языкознания РАН / МГУ имени М. В. Ломоносова

aakibrik@gmail.com

Доклад основывается на подходе к изучению устного русского дискурса, отраженном в таких работах, как (Кибрик и Подлеская ред. 2009; Kibrik et al. 2020). Этот подход во многом опирался на работы У. Чейфа и его коллег из университета Санта-Барбары по устному английскому дискурсу (Chafe 1994, 2018; Du Bois et al. 1992), а также на работы С. В. Кодзасова (2009) по русской просодии. На основе подхода, выработанного нашей группой применительно к русскому языку, был проведен анализ ряда других языков, включая японский, армянский (см. spokencorpora.ru) и пулар-фульфульде (Коваль и Кибрик 2008). С начала 2000-х гг. этот же подход я применяю к верхнекускоквимскому языку (Upper Kuskokwim, атабаскская семья, центральная Аляска). По этой теме была написана дипломная работа (Маркус 2009), некоторые результаты которой используются в данном докладе, посвященном верхнекускоквимскому языку. Более подробное изложение идей данного доклада см. в статье (Kibrik 2019 in press).

Локальная структура дискурса — одно из центральных явлений, рассматриваемых общей теорией дискурса. Локальная структура — это нижний ярус иерархической дискурсивной структуры, состоящий из элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ). ЭДЕ — это кванты, минимальные шаги устного речепорождения, посредством которых говорящий продвигает свой дискурс вперед. В настоящее время известно довольно много о типах ЭДЕ, об их внутренней организации, о критериях их выделения и о когнитивных явлениях, лежащих в основе квантованной локальной структуры дискурса.

* Исследование проведено в рамках проекта Российского научного фонда №17-18-01649.

Классический стандарт, используемый при полевом описании малых языков, включает, наряду со словарем и грамматикой, также коллекцию текстов. Тексты составляют и основу более позднего документационного подхода к изучению малых языков. При этом лингвисты, создающие коллекции или корпуса текстов, часто недостаточно рефлексируют вопрос о том, что из себя представляет этот объект — текст. Надо отметить, что существуют специальные работы по транскрибированию дискурса, нацеленные на полевых лингвистов, например (Jung and Himmelmann 2011). Тем не менее, фактически на текст, как он выглядит в полевых и документационных исследованиях, часто переносятся наивные, донаучные представления, не учитывающие современную теорию дискурса. Некоторые из таких наивных представлений можно, лишь слегка их пародируя, представить так:

- говорящие люди непосредственно создают тексты, которые лингвисты лишь фиксируют;
- устный и письменный дискурс (текст) различаются несущественно;
- выделение предложений в устной речи самоочевидно;
- паузацию, просодию и речевые сбои можно игнорировать или же фиксировать их случайным образом.

В результате публикуемые тексты часто предстают в виде слабо организованного потока слов и выражений, в котором многое из исходного сигнала потеряно и, наоборот, принесены различные артефакты. Представления теории дискурса можно применить к документационной или описательной работе по малому, исчезающему языку, причем даже использование самых базовых представлений кардинально повышает качество фиксируемого материала. В этом случае дискурс предстает в виде последовательности ЭДЕ, выделяемых на системных основаниях — на базе комплекса просодических критериев. Основные просодические паттерны могут быть транскрибированы при помощи транскрипционных конвенций. В примере (1) (как и другие примеры, этот пример взят из рассказа Бобби Исае «Икона», запись 1997 года) содержится три ЭДЕ. Каждой из них предшествует пограничная пауза, внутренних пауз нет. Каждая ЭДЕ характеризуется интегральным интонационным контуром и содержит главный речитический акцент. Характер тонального движения в акценте (подъем) указывает на нефинальную фазу (Кодзасов 2009), что отражается при помощи пунктуационного знака запятой в конце.

(1)

38.0	10	••(0.8)	tinh ice	k'its' on.top	/ ^ʔ oh <u>ighet</u> 'a they.stayed	ts'e ^ʔ , Conn	<i>they stayed on top of the ice,</i>
40.7	11	•••(2.1)	hwɬɪ sled	tʰoy rear	/nidiszanh I.am.standing	ts'e ^ʔ , Conn	<i>me standing at the back of the sled,</i>
45.0	12	•••(4.2)	hwɬɪ sled	si ^ʔ iɬ with.me	^ <u>taneghiɬ</u> it.is.sinking	noygi, down	<i>the sled was sinking down together with me,</i>

Далее, в локальной структуре устного дискурса можно выделить и единицы второго уровня — предложения. В примере (2) первая ЭДЕ просодически огласована как нефинальная (подъем), а вторая как финальная (падение), то есть завершающая устное предложение. Это наиболее канонический случай огласовки фазовой дискурсивной семантики.

(2)

8.2	3	•••(1.0)	totis portage	ɬeka dogs	^ ^ʔ isd <u>lal</u> I.did.not.take	ts'e ^ʔ , Conn	<i>and I did not take the dogs to the portage,</i>	запятая: подъем
11.2	4		ch'itsan' grass	^ <u>ch'itiy</u> too.much	\ <u>nichoh</u> it.is.big	ts'e ^ʔ . Conn	<i>the grass being too tall.</i>	точка: падение

Однако, как и в других языках, в верхнекусоквимском языке есть случаи нефинального падения, системно отличающегося от финального. Два случая нефинального падения (целевой уровень 110 Гц и более) и завершающее финальное падение (менее 100 Гц) отмечены в примере (3). Учет довольно многочисленных случаев нефинального падения позволять «ухватить» устный аналог предложения как цепочки ЭДЕ, образующих просодический комплекс. При транскрибировании устного дискурса на малоизученных языках важно регистрировать предложения в соответствии с просодической реальностью, а не хаотическим образом.

(3)

										запятая: нефинальное падение
77.3	19(3.4)	k'inodle icon	chu'da Ptcl	boze God	chu' but	sichot' my.bosom	\zil <u>tone</u> ,	the.one.I.have	
			<i>But the icon that I had in my bosom,</i>							
84.5	20(2.9)	sichot'	\ts'anist <u>onh</u>	ts'e' ² ,					запятая: нефинальное падение
			my.bosom	I.took.it.out	Conn					
			<i>I took it out from my bosom,</i>							
										точка: финальное падение
89.4	21(1.5)	/yats'in(1.3)	sigona' ²	tinh k'its'	\doz <u>tonh</u>	ts'e' ² .		
			other.side	my.arm	ice	on.top	it.is.up	Conn		
			<i>my other arm being on top of the ice.</i>							

Таким образом, можно заключить, что ЭДЕ как универсальные кванты устной речи оказываются вполне отождествимы при работе с исчезающим и к тому же полисинтетическим языком. Просодия самых разных языков в принципе сопоставима и может быть системно отражена при помощи прозрачных транскрипционных конвенций. В устной речи отождествимы не только ЭДЕ, но и более объемные образования — устные аналоги предложений.

В целом лингвистическая теория дискурса представляет собой весьма практичное подспорье для лингвистов, занимающихся описанием и документацией малых языков. Подход, основанный на знаниях из области теории дискурса, позволяет создавать эмпирически и экологически валидные данные. Одновременно такая работа ведет к созданию типологии дискурсивных структур, то есть обогащает лингвистическую теорию.

Литература

- Кибрик, Подлесская 2009 — Кибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.) 2009. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур.
- Коваль, Кибрик 2008 — Коваль А.И., Кибрик А.А. 2008. Система дискурсивной транскрипции для фольклорного дискурса на языке пулар. В сб.: А.В. Архипов и др. ред. Малые языки и традиции: существование на грани. Выпуск 2. М.: Языки славянских культур, 260–303.
- Кодзасов 2009 — Кодзасов С.В. 2009. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур.

- Маркус 2009 — Маркус О.Б. 2009. Локальная структура дискурса в верхне-кускоквимском атабаском языке. Дипломная работа. ОТиПЛ МГУ.
- Chafe 1994 — Chafe W. 1994. *Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing.* Chicago: University of Chicago Press.
- Chafe 2018 — Chafe W. 2018. *Thought-based linguistics: How languages turn thoughts into sounds.* Cambridge: CUP.
- Du Bois et al. 1992 — Du Bois J.W., Schuetze-Coburn S., Cumming S., Paolino D. 1992. *Discourse transcription.* Santa Barbara Papers in Linguistics, 4. Santa Barbara: UCSB.
- Jung, Himmelmann 2011 — Jung D., Himmelmann N.P. 2011. *Retelling data: Working on transcription.* In: Geoffrey L.J. Haig, Nicole Nau, Stefan Schnell, and Claudia Wegener eds. *Documenting endangered languages: Achievements and perspectives.* Berlin: de Gruyter Mouton, 201–222.
- Kibrik 2019 in press — Kibrik A.A. 2019 (in press). *Upper Kuskokwim (Athabascan, Alaska): Elementary discourse units and other aspects of local discourse structure.* *Anthropological Linguistics* 61. 2.
- Kibrik et al. 2020 — Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. 2020. *Russian spoken discourse: Local structure and prosody.* In: Shlomo Izre'el, Heliana Mello, Alessandro Panunzi, and Tommaso Raso (eds.), *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Driven Approach.* Amsterdam: John Benjamins, 35–76.

Об опыте социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона

Марина Васильевна Куцаева

Институт языкознания РАН

marina.kutsaeva@iling-ran.ru

В рамках проведения второй конференции «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, 17–18 апреля 2020 г.) автором статьи был представлен доклад с некоторыми предварительными результатами полевой работы, которая в настоящее время проводится в марийской диаспоре московского региона.

В Российской Федерации насчитывается 547605 марийцев, из них 290863 проживают в Республике Марий Эл и составляют 41,8% от населения республики. Остальные марийцы (46,9% от всего марийского населения РФ) проживают как компактно (в Республиках Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, Пермском крае), так и дисперсно во многих регионах страны, в том числе и в московском (4655 человек) (ВПН 2010).

Целью настоящей работы является выявление и описание функционирования марийского языка в условиях диаспоры. Под диаспорой мы подразумеваем совокупность лиц определенной этнической принадлежности, проживающую за пределами основного традиционного места расселения этого народа (в том числе в рамках многонационального государства, образуя на ее территории так называемую внутреннюю диаспору), объединенную общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющую свой этнический язык в качестве одного из средств общения (ССТ 2006: 57). В результате обследования предполагается установить сферы использования марийского языка и распределение его функций в диаспоре московского региона по возрастным когортам и, возможно, по поколениям; а также определить перспективы сохранения этнического языка в рамках интеграционных процессов в поликультурном пространстве московского региона.

Материалом исследования служат анкетные данные, полученные в результате опроса (на данный момент) 100 представителей

марийской диаспоры, уроженцев Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийского этноса (Республика Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская обл.), в настоящее время проживающих на территории Москвы и Московской области (см. таблицу 1).

Таблица 1. Место рождения респондентов в выборке

место рождения респондента в выборке	% респондентов в выборке
РМЭ, один из районов распространения лугового марийского	58
РМЭ, Горномарийский район, район распространения горномарийского	13
Республика Башкортостан	18
Республика Татарстан	3
Кировская область	5
Свердловская область	2
Районы дисперсного расселения марийцев	1

В ходе обследования использовался комплекс следующих методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных (Беликов, Крысин 2016: 201–246). Опрос проводился в марийской диаспоре в декабре 2019 г. — мае 2020 г. Следует также отметить, что ввиду резкого повсеместного ухудшения эпидемиологической ситуации в связи с распространением COVID-19, в конце марта 2020 года возникла необходимость заменить форму непосредственного общения с респондентом на дистанционную по телефону, что, впрочем, никак не отразилось на качестве интервью.

Методология исследования функционирования языка внутренней диаспоры впервые была задана и апробирована автором статьи в ходе написания и защиты кандидатской диссертации (Куцаева 2018). В общих чертах вопросы анкеты могут быть разделены на следующие крупные блоки.

1. Паспортный блок, имеющий целью выявить социальные характеристики респондента: пол, возраст, место рождения, уровень образования.

Таблица 2. Число респондентов в выборке по когортам

возрастная когорта	22–30		31–40		41–50		51–60		61–70	
число респондентов в когорте (муж. / жен.)	12	19	12	14	8	6	6	14	4	5

В таблице 2 показано соотношение мужчин и женщин в выборке в каждой возрастной когорте на данном этапе исследования. Преобладание более молодых респондентов в выборке, возможно, объясняется, с одной стороны, их мобильностью в миграционном плане, а также активной жизненной позицией в отношении желания принять участие в социолингвистическом обследовании (в том числе и в новом формате — дистанционно, по телефону). Более пожилые респонденты, со многими из которых мы познакомились в ходе проведения марийских культурных мероприятий в Москве, особенно в самой старшей когорте, считали более важным личный контакт, что — по указанным выше причинам — некоторое время не представлялось возможным.

В любом случае, важно отметить, что всякий раз новый контакт был получен через какого-то общего знакомого, уже принявшего участие в обследовании и рекомендовавшего в свою очередь будущего респондента (с согласия последнего). «Марийцы в целом очень закрытые. Когда я приехала, я была очень закрытая. Но потом, когда все-таки понимаешь, что ты один в большом городе и надо как-то коммуницировать... Мне кажется, что те люди, которые в Москве живут, они достаточно открытые. Мне кажется, им захочется поговорить о марийском языке в русской среде», — заметил один из респондентов, когда мы были еще только в самом начале обследования. Марийцы, лишь недавно приехавшие в московский регион, так или иначе пытаются наладить контакты с земляками: через социальные сети — такие, как «Московские марийцы» или «Марийцы поймут», недавно созданное сообщество «Марисем Москва»; путем непосредственного участия в культурных этнических мероприятиях, которые проводятся как московским землячеством, так и по личной инициативе молодых представителей марийской диаспоры Москвы. Таким образом, автор исходил из предпосылки, что в Москве нет одинокого марийца, и всякий московский мари знает хотя бы одного земляка в столице, и, вероятно, стремится присоединиться к диаспоре.

Таблица 3. Место рождения и проживания респондента на малой родине

возрастная когорта	марийская деревня	ПГТ	город
22–30	24	4	3
31–40	21	2	3
41–50	11	1	2
51–60	19	—	1
61–70	8	1	—

В таблице 3 приводится соотношение респондентов в выборке по когортам — выходцев из сельской и городской среды (включая поселки городского типа): 83% — сельское население, 17% — городское (сюда же относим и поселки городского типа, поскольку, по свидетельству респондентов, в поселках, так же как и городах в качестве основного языка общения выступал русский язык, в отличие от деревни, где все еще заметно преобладание этнического языка). По переписи 2010 года в самой Республике Марий Эл зафиксировано следующее соотношение: 63,1% — городское население, 36,9% — сельское); на первый взгляд это несколько противоречит нашим исходным данным в выборке, однако следует отметить, что в РМЭ большинство живущих в сельской местности составляют именно марийцы, при этом с 2002 года количество сельских жителей в целом снижается из-за постоянно идущего оттока в города (Кондрашкина 2016: 746). И, как показали результаты опроса, в том числе и в Москву.

Один из вопросов анкеты касался длительности пребывания респондентов в московском регионе и причины их переезда с малой родины. Ниже приводится сводная таблица 4, представлены данные в каждой возрастной когорте.

Таблица 4. Длительность пребывания респондентов в московском регионе, в графах приводится число респондентов в когорте

когорта	1–3	3–5	6–10	11–20	21–30	31–40	> 40
22–30	6	8	14	3			
31–40		3	8	15			
41–50		1	2	9	2		
51–60	1	3	3	5		7	1
61–70				4		1	4

В целом, длительность пребывания респондентов в московском регионе зависит от возрастной когорты: очевидно, что представители более старших возрастных когорт переселились значительно раньше, чем респонденты более младших возрастных когорт.

Цели, которыми руководствовались респонденты в выборке, принимая решение о миграции в московский регион, как правило, коррелируют с общими историческими причинами внутренних миграций, которые имели место в стране в советский и постсоветский период (см. таблица 5)

Таблица 5. Цели миграции респондентов в московский регион, в графах приводится число респондентов в когорте

когорта	учеба	улучшение финансо- вого поло- жения	карьерный рост	семейные обстоя- тельства	самореа- лизация
22–30	9	6	3	7	6
31–40	2	11	1	6	6
41–50	2	6		5	1
51–60	4	5	1	6	5
61–70	1	4	1	1	3

В самой младшей когорте основными причинами переезда являются учеба (ВУЗ, аспирантура) а также семейные обстоятельства (исключительно женщины, которые, выйдя замуж, уехали вслед за супругом). В когорте 31–40 значительно число респондентов, которые «приехали за длинным рублем», «за золотым тельцом» (в их формулировке) в связи с непростой экономической ситуацией на малой родине. В более старших когортах наряду со стремлением улучшить свое финансовое положение лидируют также «семейные обстоятельства» (у женщин в выборке), однако, в отличие от младшей когорты, в основном это переезд, тесно связанный с экономическими причинами: изменения или неурядицы в личной жизни, например, развод, и соответственно необходимость полагаться только на себя; необходимость финансово поддержать детей, которые поступили в московские вузы или же — в случае пожилых респондентов — «помогать детям нянчиться с внуками».

Особо отметим то обстоятельство, что стремление к самореализации характерно для более молодых представителей в выборке. Однако если нынешняя молодежь в выборке едет «покорять Москву», «попробовать себя в чем-то новом», достигнув «потолка возможностей» на малой родине, то респонденты в старших когортах в схожих обстоятельствах в молодости скорее приезжали «строить Москву» (но, в отличие от сегодняшней трудовой миграции, обусловленной отсутствием достойной заработной платы или рабочих мест на малой родине, — по словам одного респондента, «тогда времена другие были, там о деньгах думать не приходилось» (Ю.М., 60)).

2. Первый лингвистический блок вопросов, задачей которого является составление языковой биографии респондента (какие языки использовались респондентами в разговоре с родителями, старшими родственниками, сверстниками до школы, при поступлении в школу; на каком языке велось обучение в начальной школе, в средней школе, в техникуме или вузе; языки общения с соседями на малой родине). Необходимость выделения периодов и наиболее общих черт языковой биографии респондентов обусловлена тем, что актуальное использование марийского языка в условиях диаспорного проживания определяется в том числе и предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине. К примеру, степень владения этническим языком у кировских мари, выходцев из сельской среды, по нашим предварительным наблюдениям, в выборке ниже, чем у республиканских мари, также уроженцев сельской местности. Это объясняется в том числе и отсутствием у первых школьного обучения марийскому языку и на марийском языке. «Потому что в школе с первого класса русский, в детском саду был русский, а в быту дома родители толком марийскому не научили» (И.С., 31). Соответственно, говорить о широкой сфере использования этнического языка такими респондентами в московском регионе вряд ли приходится.

3. Второй лингвистический блок вопросов, позволяющий получить информацию относительно актуального использования языков в жизни респондента, например: какими языками владеет респондент, на каком языке/каких языках он разговаривает дома и на работе; на каком языке/языках слушает радио, читает газеты, смотрит телевизор, пользуется социальными сетями или интернетом.

Разумеется, доминирующим языком общения в Москве выступает для опрошенных русский язык. Тем не менее, марийский язык занимает определенную нишу в коммуникационном пространстве в семейно-бытовой сфере (поскольку, как мы сказали выше, нередки случаи, когда марийцы мигрируют семьями или же переезжают к родственникам или друзьям, обустроившимся в регионе ранее), в сфере дружеского общения и даже в профессиональной (к примеру, в строительстве, когда в строительной бригаде могут состоять несколько земляков). Чрезвычайно разнообразными представляются и функции, которые выполняет этнический язык в диаспоре. Ранее нами были установлен широкий набор функций этнического языка в чувашской диаспоре московского региона (Куцаева 2017); предварительные результаты текущего обследования позволяют заключить, что, с одной стороны, существует схожий набор функций этнического языка и в марийской диаспоре московского региона, с другой стороны, стало очевидно, что в отличие от чувашей, православных по вероисповеданию (Фомин 2016: 565), часть марийцев в выборке, являясь приверженцами традиционной марийской веры, достаточно активно используют этнический язык для отправления религиозного культа даже в московском регионе (подробнее о верованиях мари см. (Попов 2013).

4. Блок вопросов культурного и духовного характера, тем не менее проливающий свет на языковую жизнь респондентов и касающийся таких аспектов, как соблюдение традиционных этнических праздников, передача знаний о родной культуре, принадлежность респондента этнической культуре.

Вполне естественно, что в этнически смешанных браках сохранность этнической культуры значительно ниже, чем в этнически однородных, тем более в условиях проживания вдали от малой родины; однако в Москве в настоящее время проводятся различные марийские мероприятия, такие как традиционный «Пеледыш пайрем» («Праздник цветов»), встречи с представителями творческой интеллигенции, марийские дискотеки; благодаря использованию современных технологий и средств телекоммуникации, представители диаспоры имеют возможность не только поддерживать связь с этнической культурой, но и активно участвовать в ее развитии.

В заключение отметим, что в данной статье намечены лишь самые общие места, которые еще ждут более детальной разработки, и, несомненно, в свое время получают должное освещение в соответствующих научных статьях по каждому специальному блоку вопросов.

Литература

- Беликов, Крысин 2016 — Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2016.
- Всероссийская перепись населения 2010 года. Электронный ресурс: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom9.htm
- Кондрашкина 2016 — Кондрашкина Е.А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество: энцикл. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 746–752.
- Куцаева 2017 — Куцаева М.В. Функции чувашского языка в диаспоре московского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2017. № 4. С. 1131–1145.
- Куцаева 2018 — Куцаева М.В. Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.02, 10.02.19 / Куцаева Марина Васильевна; [Место защиты: Ин-т языкознания РАН]. Москва, 2018.
- Попов 2013 — Попов Н.С. Религиозные верования // Марийцы: ист.-этногр. очерки. 2-е изд, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. С. 287–301.
- ССТ 2006 — Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.
- Фомин 2016 — Фомин Э.В. Чувашский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 556–565.

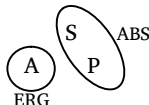
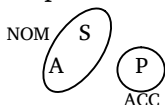
Еще раз о падежной морфологии дагестанских языков: свидетельства хваршинского атрибутива*

Екатерина Анатольевна Лютикова
МГУ имени М. В. Ломоносова / ГосИРЯ им. А. С. Пушкина
lyutikova2008@gmail.com

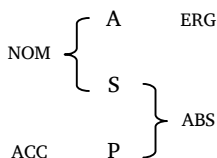
1. Эргативная модель падежного маркирования

Спецификой эргативной модели падежного маркирования является зеркальное, по сравнению с аккумулятивной моделью, объединение базовых аргументов в классы маркирования. S-аргумент объединяется не с A, а с P-аргументом и получает абсолютное кодирование; A-аргумент получает эргативное кодирование (схемы (1)–(2)).

(1) Кибрик 1992

(2) Dixon 1979

Естественный вопрос, возникающий при изучении эргативной модели маркирования, состоит в том, отражает ли эргативная падежная морфология зеркальную организацию структуры клаузы эргативных языков. Многочисленные и целенаправленные исследования синтаксиса эргативных языков, предпринятые в последней четверти 20-го века, показали, что синтаксис морфологически эргативных языков не так сильно отличается от синтаксиса аккумулятивных языков. Многие синтаксические феномены устроены в соответствии с аккумулятивной или нейтральной моделью; за исключением A'-феноменов, никакие другие признаки синтаксиче-

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика» в ГосИРЯ им. А.С. Пушкина.

ского приоритета не выделяют абсолютивную именную группу в качестве пивота. Таким образом, морфологически эргативные языки, по-видимому, реализуют те же структурные асимметрии в клаузе, что и аккаузативные языки.

В работах многих исследователей эргативных языков отмечается регулярное несовпадение между падежным маркированием и грамматическими отношениями в морфологически эргативных языках (Кибрик 1992, 2003; Kibrik 1997; Dixon 1979, 1994; Bittner, Hale 1996; Manning 1996; Legate 2002, 2008; Aldridge 2004, 2008; Butt 2006; Polinsky, Preminger 2014; Тестелец 2016; Forker 2019). Если падежная морфология эргативных языков не выражает синтаксических ролей и не связана с приобретением аргументом определенной структурной позиции в функциональной структуре клаузы, возникает вопрос, как она деривируется. На этот вопрос предлагалось много ответов; возможно, эти ответы не исключают друг друга, поскольку класс морфологически эргативных языков неоднороден. В частности, высказывались предположения о деривации эргатива в рамках репрезентации ролевых характеристик агентива (Кибрик 1992, 2003; Кибрик (ред.) 1999, 2001; Kibrik 1997), как структурного падежа функциональной вершины (Polinsky 2015, 2016a; DP-ergatives в Polinsky 2016b), как верхнего зависимого падежа клаузы (Baker 2015; Baker, Bobaljik 2019), как дефектного послелого или падежа, приписываемого нулевым послелогом (Markman, Grashchenkov 2012; PP-ergatives в Polinsky 2016b; Тестелец 2016).

В этой статье мы обратимся к падежной морфологии дагестанских языков. Мы рассмотрим свойства падежных словоформ и сопоставим им различные структурные репрезентации. Далее, мы покажем, что для многофункциональных падежных форм характерна структурная омонимия и предложим выявляющую её диагностику, основанную на категориальных ограничениях атрибутивной морфемы.

2. Специфика организации дагестанских падежных систем

Падежные системы в дагестанских языках строятся на базе двух важнейших противопоставлений, которые в совокупности создают трехчленную оппозицию. Первая дихотомия — это противопоставление прямого падежа (номинатива) и косвенных падежей. Вторая дихотомия противопоставляет грамматические падежи, использующиеся для кодирования ядерных аргументов

клаузы (эргатив, аффектив, датив, некоторые другие) и семантические падежи, предназначенные для выражения периферийных и обстоятельственных ролей (пространственные падежи, комитатив и т.п.).

Указанные оппозиции имеют многочисленные морфологические и синтаксические корреляты (Таблица 1; подробнее см. Лютикова 2017). Противопоставление по категории косвенности мы наблюдаем в устройстве словоизменительной парадигмы, в согласовании по данной категории приименных зависимых, в степени доступности признаков именной группы и ее компонентов для внешних синтаксических зондов. Противопоставление грамматических падежей семантическим проявляется в дистрибуции падежных форм, в возможности их субстантивации, а также в доступности «перекодирования» именной группы в контекстах модифицированного управления — при номинализации, каузативизации, в биабсолютивной конструкции.

Таблица 1. Морфологические и синтаксические свойства падежных форм

	абсолютив	грамматические падежи	семантические падежи
падежная морфология	прямая основа	падежный показатель прибавляется к косвенной основе	
согласование приименных модификаторов	прямая форма	косвенная форма	
контроль предикативного согласования	да	нет	
доступность материала именной группы для внешних зондов	да	нет	
приименное употребление	нет		да
возможность субстантивации	нет		да
перекодирование при модифицированном управлении	да		нет

Наблюдаемые свойства падежных словоформ могут получить объяснение, если предположить, что падежные оппозиции имеют структурную репрезентацию: абсолютиву соответствует беспадежная именная группа, лицензируемая предикатом; грамматические падежи — это именные группы, управляемые и лицензируемые функциональной вершиной; и, наконец, семантические падежи — это послеложные группы, управляемые нулевым (или фонологически выраженным) послелогом. Если эта гипотеза верна, то получают естественное объяснение специфика абсолютного согласования и дистрибуция падежных форм в именных и глагольных составляющих. Можно считать, что предикативное согласование всегда происходит с беспадежной именной группой — аргументом глагола. При этом ее лицензорами могут выступать только предикаты — глаголы и прилагательные. Грамматические падежи лицензируются функциональными вершинами — легким глаголом (агенс) или аппликативной вершиной (экспериенциер, предикативный посессор, ненамеренный агенс). Именно эти вершины отвечают за появление соответствующей падежной морфологии на именных группах. Семантические падежи, будучи РР, не нуждаются в лицензоре и свободно адьюнгируются как к глагольным, так и к именным составляющим.

Обнаруживается, однако, два класса проблемных случаев. Во-первых, это квазиграмматические употребления семантических падежей при непереходных глаголах (напр., цах. *ilakās* ‘смотреть’ <кто: ABS; на кого: ALL>, багв. *heri* ‘бояться’ <кто: ABS; кого: CONT>). По-видимому, именная группа в одном из локативных падежей заполняет семантическую валентность предиката и является его аргументом, а не адьюнктом. Соответственно, возникает вопрос, не являются ли такие употребления падежей грамматическими. Во-вторых, непонятен статус семантических употреблений грамматических падежей (бенефактивный датив, временной и причинный эргатив и т.п.). Такие падежные формы являются неаргументными и допустимы не только в приглагольном, но и в приименном употреблении.

Я предлагаю следующее решение: считать, что падежные формы ряда грамматических падежей обладают структурной омонимией между управляемой именной группой и РР. Так, например, эргатив в грамматических употреблениях является DP, а в семантических употреблениях (временной, причинный, инструменталь-

ный) — PP. Аналогичным образом экспериенциальный датив имеет статус DP, однако бенефактивный, целевой, инструментальный — PP.

Второй аргумент непереходных основ не является их именным актантом, а присоединяется как PP. Соответственно, если он оформляется падежом, имеющим грамматические употребления, то данный падеж также омонимичен. Например, хваршинский посессив может оформлять локативный аргумент глаголов изменения положения, стимул глагола =*и*λ'- 'бояться' и адресат при глаголах речи. В этих случаях мы имеем дело с его реализацией как PP. Напротив, в грамматических употреблениях (ненамеренный агенс, каузируемый, посессор в предикативной посессивной конструкции) посессиву может соответствовать DP.

Это решение позволяет сохранить соответствие между дистрибуцией и свойствами различных падежных форм, с одной стороны, и их структурной репрезентацией, с другой стороны. В следующем разделе я представлю аргументы в пользу данного решения, опирающиеся на свойства хваршинского атрибутива.

3. Свидетельства хваршинского атрибутива

Важная характеристика хваршинского языка, позволяющая построить аргументацию, состоит в том, что он располагает одновременно генитивом и атрибутивом, и эти способы оформления приименных зависимых дополнительно распределены в отношении их возможных комплементов. Таблица 2 демонстрирует их селективные ограничения: морфема генитива присоединяется только к именной косвенной основе, в то время как морфема атрибутива — к неименным основам (прилагательное, наречие, послелог); примеры показаны в (3).

Таблица 2. Селективные ограничения генитива и атрибутива

	DP (косв. основа)	AdjP	AdvP	PP
атрибутив	—	+	+	+
генитив	+	—	—	—

- (3) а. *iša-t'e-s* / **iša-t'e-sa* / **iša-sa* *kavat*
 мать-O-GEN / мать-O-A / мать-A письмо
 'письмо мамы'

- b. [_{ADVP} *hũtχo*]-sa / * [_{ADVP} *hũtχo*]-s χik'o-ba
 вчера-A / вчера-GEN хинкал-PL
 'вчерашние хинкалы'
- c. [_{PP} *di-λ'o advol*]-sa / * [_{PP} *di-λ'o advol*]-es uža
 я.О-SUP перед-A / я.О-SUP перед-GEN мальчик
 'мальчик передо мной'
- d. [_{PP} *b-oλa-λ'o*]-sa / * [_{PP} *b-oλa-λ'o*]-s muk'o
 III-середина.О-SUP-A / III-середина.О-SUP-GEN место
 'место посередине'

Важное обобщение состоит в том, что падежные формы семантических падежей, такие как в (3d), попадают в один дистрибутивный класс с послеложными группами (3c) и наречиями (3b). Напротив, к именной основе, прямой или косвенной, атрибутив не присоединяется. Следовательно, доступность для атрибутивизации может быть использована в качестве диагностики PP-статуса падежной словоформы.

Примеры (4)–(5) показывают, что в приименном употреблении мы обнаруживаем только падежные формы, имеющие статус PP. Это следует из их способности присоединять атрибутив. Напротив, интерпретации, возникающие при грамматическом употреблении тех же падежей, в именном контексте недоступны, ни с атрибутивом, ни без него.

- (4) a. бенефактивный (семантический) датив, PP
baχaraj-i-l(sa) kunta
 невеста-О-DAT-A платье
 'платье для невесты'
- b. экспериенциальный (грамматический) датив, DP
 **iša-t'e-l(sa) pikru*
 мать-О-DAT-A мысль
 Ожид. зн.: 'мысль матери'
- (5) a. адресатный (семантический) посессив, PP
iša-t'-qo(sa) χabar
 мать-О-POSS-A речь
 'слова, (обращенные) к матери'

- b. ненамеренный агентс/каузи, грамматический посессив, DP
**iša-t'-qo-(sa) Halt'i*
 мать-O-POSS-A работа
 Ожид. зн.: 'работа, которую мать заставили сделать'

Контекст, позволяющий разграничить грамматические и семантические падежи в приглагольном употреблении, создается номинализацией. Во всех дагестанских языках представлены номинализации (называемые обычно масдарами), при которых некоторые зависимые глагольной основы, в том числе и аргументы, могут получать приименное оформление. Параметры варьирования включают допустимое число замен на приименное оформление и наличие ограничений на выбор аргумента, получающего приименное оформление.

В хваршинском языке приименное оформление может получать произвольное число аргументов, а ограничения на выбор таких аргументов отсутствуют. Разные типы зависимых глагола перекодируются по-разному (Таблица 3). Наречия атрибутивизируются или заменяются на однокоренное прилагательное, абсолютив и DP-аргументы получают генитивное оформление, при этом генитив вытесняет маркированные грамматические падежи, послеложные группы атрибутивизируются.

Таблица 3. Приименное кодирование при масдаре в хваршинском языке

исходное оформление	Adv	ABS	DP- аргументы	PP
приименное оформление	Adj / A	GEN / *A	GEN / *A	*GEN / A

Рассмотрим теперь поведение различных падежных форм в контексте масдара в хваршинском языке. Примеры (6) и (7) показывают, что падежные формы, имеющие только грамматические употребления — абсолютив и эргатив, — не присоединяют атрибутив и не вытесняются им, а заменяются на генитив.

(6) *di-l goqqa*

я.O-DAT нравиться.AOR

*obu / obu-t'e-s / *obu-sa / *obu-t'e-sa* *ħes-nu.*

отец.ABS / отец-O-GEN / отец-A / отец-O-A засыпать-MSD

'Мне понравилось, что отец заснул.'

(7) *di-l* *goqqa*

я.О-DAT нравиться.AOR

obu-t'i / *obu-t'e-s* / **obu-t'i-sa* / **obu-(t'e)-sa*
отец-О.ERG / отец-О-GEN / отец-О.ERG-A / отец-(О)-А*kaĵ* *b-u-nu.*

дом.ABS III-делать-MSD

‘Мне понравилось строительство дома отцом.’

Контраст грамматического и семантического употребления одного падежа мы наблюдаем в примерах (8)–(9). В (8) экспериментальный грамматический датив вытесняется генитивом и не присоединяет атрибутив. Напротив, в (9) семантический датив не вытесняется генитивом, но присоединяет атрибутив. Аналогичный контраст возникает при грамматическом и семантическом употреблении посессива: посессив ненамеренного агенса проявляет свойства управляемой DP и заменяется на генитив, в то время как посессив адресата ведет себя как PP, присоединяя атрибутив.

(8) *di-l* *goqqa*

я.О-DAT нравиться.AOR

pat'imat-e-l / *pat'imat-e-s* / **pat'imat-e-l-sa* / **pat'imat-(e)-sa*
Патимат-О-DAT / Патимат-О-GEN / Патимат-О-DAT-A / Патимат-(О)-А*iša* *j-ak^wa-nu.*

мать II-видеть-MSD

‘Мне понравилось, что Патимат увидела мать.’

(9) *di-l* *goqqa* *iša-t'i*

я.О-DAT нравиться.AOR мать-О.ERG

pat'imat-e-l / **pat'imat-e-s* / *pat'imat-e-l-sa* *tīl-nu* *kunta.*
Патимат-О-DAT / Патимат-О-GEN / Патимат-О-DAT-A давать-MSD платье
‘Мне понравилось, что мать дала Патимат платье.’

Наконец, применение рассматриваемой диагностики к квазиаргументным именовым группам в семантических падежах дает однозначные результаты: они представляют собой PP, поскольку не вытесняются генитивом, а присоединяют атрибутив, ср. (10)–(11).

- (10) *di-l* *goqa-j* *rasul*
 я.О-DAT нравиться-AOR.NEG Расул

patimat-qo-l / **patimat-e-s* / *patimat-qo-l-sa* *gic'a-nu*.
 Патимат-POSS-DIR / Патимат-O-GEN / Патимат-POSS-DIR-A смотреть-MSD
 'Мне не понравилось, что Расул посмотрел на Патимат.'

- (11) *di-l* *goqqa* *rasul*
 я.О-DAT нравиться.AOR Расул

patimat-ʁ'o / **patimat-e-s* / *patimat-ʁ'o-sa* *urʁida-nu*.
 Патимат-SUP / Патимат-O-GEN / Патимат-SUP-A думать-MSD
 'Мне понравилось, что Расул думает о Патимат.'

Таким образом, на материале хваршинского языка гипотеза о различном категориальном статусе падежных форм грамматических и семантических падежей получает подтверждение. Обнаруживается структурная омонимия ряда падежных форм между грамматическими (DP) и семантическими (PP) употреблениями. Структурная репрезентация падежных противопоставлений позволяет объяснить различные свойства именных аргументов глаголов, а также контраст имени и глагола в лицензировании DP-аргументов. Благодаря этому открывается возможность единообразного анализа падежной морфологии дагестанских языков как результата копирования признака лицензирующей функциональной вершины на именную группу.

Список условных обозначений

i-vi — именной класс; A — атрибутив; ABS — абсолютив; ADJ — прилагательное; ADV — наречие; AOR — аорист; DAT — датив; DIR — директив; ERG — эргатив; GEN — генитив; MSD — масдар; NEG — отрицание; O — косвенная основа; PL — множественное число; POSS — посессив; SUP — локализация 'супер'.

Литература

- Кибрик 1992 — Кибрик А.Е. (1992). Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд. МГУ, 1992.
 Кибрик 2003 — Кибрик А.Е. (2003). Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб, Алетейя.
 Лютикова 2017 — Лютикова Е.А. (2017). Падежная морфология, синтаксические категории и проблема классификации падежей. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. том 13, с. 652–679.

- Тестелец 2016 — Тестелец Я.Г. (2016). Падеж и структура предложения в аварском языке. Доклад на открытом заседании Отдела кавказских языков Института языкознания РАН. Москва, 19.05.2016.
- Aldridge 2004 — Aldridge, E. (2004). Ergativity and word order in Austronesian languages. Ph. D. Dissertation. Cornell University, 2004.
- Aldridge 2008 — Aldridge, E. (2008). Generative approaches to ergativity. *Language and Linguistics Compass* 5: 966–995.
- Baker 2015 — Baker, M. (2015). Case. Its principles and its parameters. Cambridge: CUP.
- Baker, Bobaljik 2019 — Baker, M., and J. Bobaljik (2019) On inherent and dependent theories of ergative case // J. Coon, D. Massam, and L. Travis (eds.) *The Oxford handbook of ergativity*. Oxford: OUP.
- Bittner, Hale 1996 — Bittner, M. and K. Hale (1996). The structural determination of case and agreement. *Linguistic Inquiry* 27:1–68.
- Butt 2006 — Butt, M. (2006). Theories of case. (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: CUP, 2006.
- Dixon 1979 — Dixon, R.M.W. (1979). Ergativity. *Language* 55:59–138.
- Dixon 1994 — Dixon, R.M.W. (1994). Ergativity. Cambridge: CUP.
- Forker 2019 — Forker, D. (2019). Ergativity in Nakh-Daghestanian languages. J. Coon, D. Massam, and L. Travis (eds.) *The Oxford handbook of ergativity*. Oxford: OUP.
- Kibrik 1997 — Kibrik, A. (1997). Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. *Linguistic typology* 1(3):1–68.
- Legate 2002 — Legate, J. (2002). Warlpiri: Theoretical implications. MIT Doctoral Dissertation.
- Legate 2008 — Legate, J. (2008). Morphological and abstract case. *Linguistic Inquiry* 39(1):55–101.
- Manning 1996 — Manning, Ch. (1996). Ergativity: argument structure and grammatical relations. Stanford, CA: CSLI Publications.
- Markman, Grashchenkov 2012 — Markman, V., and P. Grashchenkov (2012). On the adpositional nature of ergative subjects. *Lingua* 122(3):257–266.
- Polinsky 2015 — Polinsky, M. (2015). Tsez syntax: A description. Ms.
- Polinsky 2016a — Polinsky, M. (2016) Agreement in Archi from a minimalist perspective // Archi: complexities of agreement in cross-theoretical perspective / ed. by O. Bond, G. Corbett, M. Chumakina, and D. Brown. Oxford: OUP
- Polinsky 2016b — Polinsky, M. (2016). Deconstructing ergativity: Two types of ergative languages and their features. Oxford, OUP.

О возникновении локативного падежа без локативной семантики: «экватив» в андийском языке*

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН /

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

timur.maisak@gmail.com

1. Введение: падежные формы на *-qa* и *-qa-ku*

Несколько лет назад в ходе полевой работы по изучению андийского языка (аваро-андийская группа нахско-дагестанской семьи) в говоре с. Риквани была обнаружена форма имени на *-qa*, имеющая сравнительное значение ‘так, как X’, ср. (1). Эта форма встречается и в рикванинских текстах, записанных в середине 2010-х гг., ср. (2) и (3). В примерах ниже обсуждаемая форма в строке глоссирования пока обозначается просто как QA.

(1) *di-qa žj-o!*

я-QA делать-IMP

‘Делай так, как я!’ (P.; элицитация)

(2) *iŋi-qa w-aŋ'-dja haq'u rovidu hege-r izbačitalni.*

мы.INCL-QA М-звать-IPFV.PTCP дом PTCL DEM-V изба.читальня

‘По-нашему эта изба-читальня — «дом, в который зовут».’

(P.; тексты)

(3) *w-ogo-d-il išil hege-w kurčililŋu*

М-PL.приходить-PRF-PL мы.EXCL DEM-M в.Курчалой

b-oso-n-o-qa, buturulu-r hon-L.

IV-рассказывать-MSD-OBL-QA чеченский-V село-INTER

{Когда началась война,} ‘мы, как рассказывали, переехали в Курчалой, в чеченское село.’ (P.; тексты)

* Работа проводилась в рамках проекта РФФИ №18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии». Автор благодарен за обсуждение слушателям доклада на конференции МЯБЛ 2020-го года, а также участникам Андийского семинара.

При помощи суффикса *-кли*, который в андийском языке является регулярным показателем элатива, от формы на *-qa* образуется форма на *-qa-кли*, которая зафиксирована в контексте указания на родство — ‘со стороны X-а’, ср. (4).

(4) *he-w* *di-w* *wac:ʔal* *imu-qa-кли*
 DEM-M я-M(GEN) кузен отец-QA-ELAT
 ‘Он мой кузен со стороны отца.’ (P.; элицитация)

Формы на *-qa* и *-qa-кли* являются именно падежными формами, поскольку образуются они от косвенной основы существительного (4), местоимения (1, 2) или отглагольного имени, или «масдара» (3), ср. прямую основу местоимения ‘я’ *den*, местоимения ‘мы.INCL’ *iʔib*, существительного ‘отец’ *ima* и т.п. Структурно эти формы входят в систему локативных падежей, образуя особую «серию», включающую немаркированную эссивно-лативную форму (*-qa*) и маркированную элативную форму (*-qa-кли*). При этом в существующих описаниях рикванинского говора [Сулейманов 1957], равно как и других говоров андийского языка [Дирр 1906, Церцвадзе 1965, Салимов 2010], подобная форма в числе падежных не отмечается.

Целью настоящей статьи является, таким образом: во-первых, определить место новооткрытой «локативной серии на *-qa*» в падежной системе андийского языка, а во-вторых, предложить гипотезу о наиболее вероятном пути грамматикализации этой серии.

2. Формы на *-qa* / *-qa-кли* в системе андийских падежей

Напомним основные принципы устройства падежных систем нахско-дагестанских языков (см. также [Кибрик 2003: гл. 12; Daniel & Ganenkov 2008]). Абсолютив, также называемый номинативом, представляет собой немаркированную «прямую» основу имени, тогда как прочие падежи образуются суффиксально от косвенной основы. Среди падежей традиционно выделяют две группы — это «грамматические» падежи (к ним относят собственно абсолютив, а также эргатив, датив, генитив, иногда аффектив, комитатив и др.) и локативные падежи, выражающие пространственные значения. При этом локативные падежи выражают две категории (и обычно состоят из двух морфем) — локализацию и направление, которые комбинируются между собой; так, инэссив выражает местонахождение внутри, суперлатив — движение навстречу и т.п.

В андийском языке грамматические падежи — это абсолютив, эргатив, датив, аффектив (падеж экспериенцера) и генитив. Локативные же падежи различают до семи локализаций, в том числе IN ‘внутри контейнера’, INTER ‘внутри массы’, SUPER ‘над, сверху’, SUB ‘под’, CONT ‘в контакте’, AD и APUD ‘рядом, возле’. У части локализаций противопоставлены эссивная и лативная формы, ср. в рикванинском говоре *-l'a* ‘SUPER.ESS’ и *-l'o* ‘SUPER.LAT’, *-χa* ‘AD.ESS’ и *-χo* ‘AD.LAT’, у части же локализаций имеется единая эссивно-лативная форма, ср. *-l* ‘SUB’ или *-č'u* ‘CONT’. Элативные формы на *-klu* есть у всех локализаций, ср. *-l'a-klu* ‘SUPER-ELAT’, *-χa-klu* ‘AD-ELAT’, *-č'u-klu* ‘CONT-ELAT’ и т.п.

Интересующие нас формы на *-qa* и *-qa-klu* структурно входят в систему локативных падежей. При этом «локализация на *-qa*» не выглядит праандийским рефлексом — падежи, реконструируемые для праандийского состояния, и так имеют отражения в современном андийском языке (ср. обсуждение в [Алексеев 1988: 78–92]). Наиболее вероятно, что появление «локализации на *-qa*» является относительно поздним развитием. И здесь нельзя не обратить внимание на то, что форму, сходную с интересующей нас морфемой *-qa*, в андийском языке имеет локализация на *-qī* (*-q* в рикванинском говоре). Формы эсвива и латива она не различает, однако имеет регулярный элатив.

С точки зрения семантики данная локализация является едва ли не наиболее проблематичной в андийском языке, поскольку не имеет ярко выраженного «ядерного» локативного значения. Так, Сулейманов [1957: 256–267] описывает форму на *-q* вне системы локализаций как «орудийный (творительный)» падеж, ср. (5). По данным Чечуро (2016: 309), в зиловском говоре форма на *-qī* преимущественно используется с пролативным значением типа ‘вдоль, по’. Мы в строке глоссирования условно используем для обозначения данной локализации ярлык «APUD», учитывая ее семантическую близость, а иногда и контаминацию с локализацией **-χa* ‘AD’ в языках андийской группы (см. подробнее [Алексеев 1988: 84–86]).

- (5) *ʔišu-d* *χur* *taraxtir-u-q* *b-el'i*
 мы.EXCL-ERG поле трактор-OBL-APUD IV-пахать.AOR
 ‘Мы вспахали поле трактором.’ (P.; Сулейманов 1957: 240)

Рассмотрим гипотезу о том, что «локализация на *-qa*» является недавним образованием в рикванинском говоре и по происхождению связана непосредственно с локализацией APUD.

3. Возможный источник *-qa*: апудэссив + директив

Поскольку в существующих грамматических описаниях интересующий нас показатель не упоминается, обратимся к доступным текстовым данным. Их не так много: прежде всего это перевод Евангелия от Луки и сборник сказок народов мира на собственно андийском говоре (говоре с. Анди), а также тексты из приложений к грамматикам [Дирр 1906, Сулейманов 1957, Церцвадзе 1965, Салимов 2010] на нескольких различных говорах.

В текстах на собственно андийском говоре встречается особая именная форма на *-qi<CL>a*, употребления которой также связаны со сравнением или соответствием: '(такой,) как X', 'в соответствии с тем, как'. В примере (6) ниже иллюстрируется эта форма от вопросительного местоимения, в (7) — от существительного, а в примерах (8)–(10) в форме на *-qi<CL>a* выступает отглагольное имя. Образуется эта форма от косвенной основы.

- (6) *ʔe-qi-^wa = vi* *higi-w-ul* *aʔʔin-ol?*
кто-APUD-⟨M⟩DIR = WH DEM-M-PL похожий-PL
{С кем сравнить Мне людей нашего времени?} 'На кого они похожи?' (А.; Лк. 7:31)
- (7) *hege-b* *aʔʔin* *i* *gorčica-l-Li* *mič'i*
DEM-IV похожий COP горчица-OBL-GEN маленький
gaga-llo-qi-⟨b>a.
зернышко-OBL-APUD-⟨IV⟩DIR
'Оно подобно маленькому горчичному зернышку.'
(А.; Лк. 13:19)
- (8) *hege-š-di* *hit'o-n-o-qi-⟨b>a* *b-ʔi-du = lo*
DEM-OBL(M)-ERG говорить-MSD-OBL-APUD-⟨IV⟩DIR IV-случаться-PRF = ADD
'Как он сказал, так и случилось.' (А.; Сказки)
- (9) *b-ik'^wo-r-o-qi-⟨b>a* *ihi-du*
IV-быть-MSD-OBL-APUD-⟨IV⟩DIR делать-PRF
{Машину отремонтировали,} 'сделали так, как было.'
(А.; Церцвадзе 1965)
- (10) *herbihi* *boc'u-di (...)* *pudi-du* *bildi-r-o-qi-⟨b>a*.
DEM-V + TEMP волк-ERG дуть-PRF мочь-MSD-OBL-APUD-⟨IV⟩DIR
'Тогда волк {втянул в себя побольше воздуха и} дунул, как только мог!' (А.; Сказки)

Структура «эквативной» формы на *-qi·CL>a* достаточно необычна. В этой форме за показателем локализации APUD *-qi* следует морфема *-CL>a*, включающая слот классно-числового согласования *<CL>*. Таким образом, указанная форма может иметь вид *-qiba*, *-qiwa*, *-qira* и пр. в зависимости от контролера согласования¹. При этом сам по себе показатель *-CL>a* не относится к падежным суффиксам имени, а встречается только у некоторых локативных наречий в функции директива (т.е. направления движения к точке отсчета). К таким наречиям относятся, например, *iš-w>a* [дома-⟨M⟩DIR] / *iš-b>a* [дома-⟨III⟩DIR] ‘домой’, *w-oχud-w>a* [м-сзади-⟨M⟩DIR] / *b-eχud-b>a* [IV-сзади-⟨IV⟩DIR] ‘назад’, *ho-w>a* [DEM-⟨M⟩DIR] / *ho-b>a* [DEM-⟨IV⟩DIR] ‘сюда’. Напомним, что у локализации APUD отсутствует отдельная форма апудлатива — как и у ряда других локализаций, апудэссив и апудлатив выражаются одной синкретичной формой на *-qi*. Можно сказать, что при помощи адвербиальной морфемы образуется нерегулярная внепадежная форма «апуд-директива» — своего рода формальный аналог апудлатива, обладающий, однако, не локативным, а эквативным значением. С другими локализациями имени, насколько нам известно, показатель директива не сочетается.

Вернемся к рикванинскому говору. В этом говоре, как уже упоминалось выше, морфема локализации APUD редуцирована и имеет вид *-q*. Более того, морфема директива *-CL>a* в рикванинском также выглядит иначе: она утратила согласовательный слот и фактически стянулась до *-a*, ср. *iš-a* ‘домой’ (независимо от класса) или *w-oχud-a* / *b-eχud-a* / *r-eχud-a* ‘назад’ (по классу изменяется только префикс). Можно предположить, следовательно, что источником рикванинской «локализации на *-qa*» послужил именно апуд-директив, ср. (11). Точнее, собственно форма на *-qa* в рикванинском может являться как результатом редукции (и фузии) более полной формы апуд-директива, так и представлять собой апуд-директив и на синхронном уровне. Окончательно разрешить этот вопрос может лишь установление относительной

¹ В большинстве говоров андийского языка выделяется пять именных классов (родов), в рикванинском — шесть; согласование по классу на уровне клаузы контролируется абсолютивной именной группой. Показатели классов — морфемы *w-*, *j-*, *b-* и *r-*, однако большее число классов получается за счет разного соотношения показателей в единственном и во множественном числе (*w/w*, *j/j*, *b/j*, *b/b* и др.).

хронологии возникновения апуд-директива, с одной стороны, и изменения рикванинских морфем по сравнению с их исходным видом, сохранившемся в других говорах (а именно, $-qi > -q$ и $\langle CL \rangle a > -a$), с другой.

$$(11) \quad \begin{array}{ccc} -qi\langle CL \rangle a & > & -q-a & > & -qa \\ \text{-APUD}\langle CL \rangle\text{DIR} & & \text{-APUD-DIR} & & \text{-QA} \end{array}$$

В следующем разделе мы рассмотрим вопрос о том, является ли развитие из апуд-директива в показатель эквативного сравнения / соответствия правдоподобным на аваро-андийском «внутригенетическом» фоне.

4. Внутригенетические параллели

Начнем с того, что в аваро-андийских, да и в нахско-дагестанских языках в целом, эквативное (симилятивное) сравнение чаще всего выражается не при помощи падежных форм, а при помощи служебных слов (энклитик). Опорными словами для таких показателей служат, как правило, именные группы, наречия, иногда также глагольные формы. Так, в андийском языке основной способ выражения эквативного сравнения — использование клитики = *ga* ‘как, словно’, ср. *qacavi = ga* [разбойник = SIMIL] ‘как разбойник’, *hinže = ga* [сейчас = SIMIL] ‘как сейчас’ и т.п.² Ср. также багвалинские эквативные показатели *tuχā*, $-(j)ob$, $-(i/u)virub$ [Кибрик и др. 2001: 416–424], годоберинские $-cimi$, $-cima$ [Kibrik 1996: 170–174], ботлихское $-club$ [Саидова, Абусов 2012: 391] и др.

Тем не менее, в ряде случаев эквативные употребления обнаруживаются у локативных падежных форм, в том числе форм локализации AD / APUD. Например, в ботлихском языке, одном из ближайших родственников андийского (и наиболее близком к нему ареально), у апудэссива на $-χi$ отмечается значение, близкое к значению андийской формы на $-qi\langle CL \rangle a$, см. (12)–(13).

$$(12) \quad \begin{array}{ccc} inču-χi & & b-aχina \\ \text{яблоко-APUD.ESS} & \text{N-похожий} & \\ \text{‘похожее на яблоко’} & & \text{[Саидова, Абусов 2012: 208]} \end{array}$$

² Подобные эквативные выражения в зависимости от синтаксической функции сопровождаются атрибутивным или абвербиальным показателями.

- (13) *du-j = da q^ware-r-χi ih-a*
 ты-DAT = INT хотеть-MSD-APUD.ESS делать-IMP
 ‘делай, как тебе угодно’ [Саидова, Абусов 2012: 239]

Чуть более далекая параллель имеется в багвалинском языке андийской группы: она касается не апудэссива, а адэлатива на *-χ-is*: (нетрудно видеть, что багвалинский показатель локализации родствен ботлихскому *-χi*). У этого падежа отмечается единственное непространственное значение, иллюстрируемое примером (14).

- (14) *ʕumar-i-w waʕa ihu-w hek^wa-ʕu-χ-is: ek^wa.*
 Омар-OBL-GEN(M) сын тот-М мужчина-OBL.M-AD-ELAT COP
 ‘Сын Омара (похож) на того мужчину.’
 [Кибрик и др. 2001: 224]

Строго говоря, ботлихский и багвалинский суффиксы *-χi* и *-χ* когнатны андийской локализации *-χa* ‘AD’, а не *-qi/-q* ‘APUD’. Как, однако, уже упоминалось выше, две эти локализации в андийских языках имеют пересекающуюся дистрибуцию, а в багвалинском даже «сливаются» в одну (а именно, *-χ* при отсутствии отдельной серии на *-qi/-q*).

Более близкая параллель андийскому апуд-директиву — причем как функциональная, так и материальная, — имеется в аварском. Один из аварских локативных падежей — апудлатив на *-qe*, причем показатель локализации APUD *-q* на этот раз когнатен непосредственно андийскому *-qi/-q* [Алексеев 1988: 126]. Этот падеж выражает собственно локативное значение направления движения к объекту [Алексеев и др. 2012: 164], ср. *niʕe-qe* ‘к вам’, *taʕaru-qe* ‘в горы’ [Алексеев и др. 2012: 202, 213]. Кроме того, в сочетании с адвербиализатором *-go* форма на *-qe* регулярно используется в сравнительном значении, ср. *ħami-qe-go* ‘по-ослиному’ (< *ħama* ‘осел’), *ʕurusazu-qe-go* ‘по-русски’ (< *ʕurusal* ‘русские’), *di-qe-go* ‘как я, подражая мне’ (< *dun* ‘я’), *pat’imat-i-qe-go* ‘по-патиматовски, подражая Патимат’ (< *pat’imat* ‘Патимат’) и т.п., см. [Алексеев и др. 2012: 132–133]. Наконец, от основы прошедшего времени глагола образуется деепричастие на *-qe*, которое в числе прочих выражает значение ‘в соответствии с тем, как’, ср. (15).

- (15) *di-c:a abu-qe ha·b>-e he-b halt'i*
 я-ERG говорить-ACCORD делать<N>-IMP DEM-N работа
 'Как я сказал, сделай эту работу.' [Алексеев и др. 2012: 229]

Наконец, еще один из известных нам на сегодня «падежных» эквативов зафиксирована в арчинском — языке лезгинской группы, в ареальном и социолингвистическом отношении входящем в зону доминирования аварского языка. В арчинском имеется отдельный «грамматический» падеж на $-q^{\text{f}}di$, который характеризуется именно как «экватив» [Кибрик 1977: 59, 157] или «симилатив» [Чумакина и др. 2007: 7], ср. *zimizli-q^{\text{f}}di* 'по-муравьиному (идет)' [Кибрик 1977: 157] или *ža-q^{\text{f}}di* 'по-ихнему (говорит)' [Чумакина и др. 2007: 154]. По происхождению этот падеж явно связан с локализацией INTER ('среди, в массе') на $-q^{\text{f}}$, не когнатной упоминавшимся в этом разделе аваро-андийским локативным морфемам. По мнению Алексеева [1985: 47–48], исторически $-q^{\text{f}}di$ представляет собой сочетание локативного падежа с рефлексом пралезгинского латива на $*tV$ (ср. идентичные рефлексы $-di$ в восточнолезгинских языках). Синхронно показателями латива и аллатива в арчинском являются при этом другие морфемы ($-k$ и $-ši$).

5. Заключение

Итак, в андийском языке из сочетания локативного падежа локализации APUD и наречного директива возникла особая форма на $-qi<CL>a$ (с классно-числовым слотом), имеющая значение 'так, как', 'в соответствии с тем, как'. В риквинском говоре эта форма имеет вид $-qa$ и может считаться новой локативной серией («локализация на $-qa$ »), — впрочем, относясь структурно к группе локативных падежей, эта локализация не обладает (и, возможно, никогда не обладала) собственно пространственным значением.

В некоторых родственных аваро-андийских языках эквативное сравнение также отмечается среди употреблений когнатных и/или выражающих локализацию AD / APUD локативных падежей (эссивных, лативных или элативных). В отличие от андийского, в этих случаях речь идет лишь об одном из употреблений соответствующих падежных форм, а не об особых падежных или «квазипадежных» формах. Тем не менее, в одном, причем не близкородственном, языке (арчинском) экватив/симилатив как специализированный падеж развился именно на основе локативного падежа,

хотя и другой локализации. Это говорит о том, что с функционально-семантической точки зрения развитие подобного типа не является уникальным, хотя наблюдаемое в андийском сочетании локативной серии с наречным суффиксом директива и выглядит — по крайней мере, на синхронном уровне, — неожиданным с парадигматической точки зрения.

Список условных сокращений

III, IV, V — 3-й, 4-й, 5-й класс (род); ACCORD — конверб ‘в соответствии с’; AD — локализация «ад» (‘возле’); ADD — аддитив; AOR — аорист; APUD — локализация «апуд» (‘возле’); CL — показатель класса (рода); COP — связка; DAT — датив; DEM — демонстратив; DIR — директив; ELAT — элатив; ERG — эргатив; ESS — эссив; EXCL — эксклюзивность; GEN — генитив; IMP — императив; INCL — инклюзивность; INT — интенсификатор; INTER — локализация «интер» (‘в массе’); IPFV — имперфектив; LAT — латив; M — 1-й (мужской) род; MSD — масдар; N — средний род; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; PRF — перфект; PTCL — частица; PTCP — причастие; QA — показатель *-qa*; TEMP — временной показатель (‘когда’); WH — частновопросительная клитика.

Говоры: А. — собственно андийский; З. — зиловский; Р. — рикванинский.

Литература

- Алексеев 1985 — Алексеев М. Е. (1985) Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука.
- Алексеев 1988 — Алексеев М. Е. (1988) Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука.
- Алексеев и др. 2012 — Алексеев М. Е., Атаев Б. М., Магомедов М. А., Магомедов М. И., Мадиева Г. И., Саидова П. А., Самедов Дж. С. (2012) Современный аварский язык. Махачкала: АЛЕФ.
- Дирр 1906 — Дирр А. М. (1906) Краткий грамматический очерк андийского языка // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 36. Отд. 4. С. 1—200.
- Кибрик 1977 — Кибрик А. Е. (1977) Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. М.: МГУ.
- Кибрик 2003 — Кибрик А. Е. (2003) Константы и переменные языка. М.: Алетейя.
- Кибрик и др. 2001 — Кибрик А. Е., Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (ред.). (2001) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: ИМЛИ РАН.
- Саидова, Абусов 2012 — Саидова П. А., Абусов М. Г. (2012) Ботлихско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Салимов 2010 — Салимов Х. С. (2010) Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.

- Сулейманов 1957 — Сулейманов Я. Г. (1957) Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР.
- Церцвадзе 1965 — Церцвадзе И. И. (1965) Андийский язык (Andiuri ena). Тбилиси: Наука.
- Чечуро 2016 — Чечуро И. Ю. (2016) Семантика локализации -q- в андийских языках // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвёртой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, Канцлер. С. 297—311.
- Чумакина и др. 2007 — Чумакина М. Э., Браун Д., Квиллиам Х., Корбетт Г. Г. (2007) Словарь арчинского языка (арчинско-русско-английский). Махачкала: Деловой мир.
- Daniel, Ganenkov 2008 — Daniel M., Ganenkov D. (2008) Case marking in Dagestani: Limits of elaboration // The Handbook of Case / Ed. by A. Malchukov and A. Spencer. Oxford University Press. Pp. 668—685.
- Kibrik 1996 — Kibrik A. E. (ed.) (1996) Godoberi. Munich: Lincom.

Источники

- Дуниялла бахуннисси халгъгиллѳол гъгъванаб мицѳиллассол мухал (Сказки народов мира на андийском языке) / Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010.
- Лукашди босам рергъанольгѳи хабар (Евангелие от Луки). Москва: Институт перевода Библии, 2015.

Акустические корреляты признака продвинутости/отодвинутости корня языка гласных языка акебу (ква)*

Надежда Владимировна Макеева

Институт языкознания РАН

umuta11@yandex.ru

1. Введение

Язык акебу относится к группе кебу-анимере семьи ква. Он распространен в префектуре Акебу республики Того (Западная Африка) и имеет около 70000 носителей. Исследование основано на материалах, собранных в ходе полевой работы в деревне Джон в январе-феврале 2019 года.

Данная работа посвящена исследованию акустических коррелятов признака продвинутости/отодвинутости корня языка гласных (далее \pm ATR (advanced/retracted tongue root)). Несмотря на широкую распространенность данного фонологического признака, его акустические корреляты остаются изученными недостаточно. В литературе отмечаются три параметра, позволяющих различать гласные, противопоставленные по признаку \pm ATR: величина первой форманты (F_1); разница амплитуд первых двух формант (A_1-A_2); ширина полосы первой форманты (B_1) (Hess 1992; Fulop et al. 1998; Guion et al. 2004; Starwalt 2008). По сравнению с гласными +ATR гласные -ATR имеют более высокие значения частоты и ширины полосы первой форманты и более низкое значение разности амплитуд первых двух формант, иными словами:

- $F_1(+ATR) < F_1(-ATR)$;
- $A_1-A_2(+ATR) > A_1-A_2(-ATR)$;
- $B_1(+ATR) < B_1(-ATR)$.

* Я благодарю Н.В. Кузнецову, чьи советы, замечания и обсуждение проблематики данной статьи помогли мне лучше понять суть проблемы и представить языковой материал.

2. Система гласных акебу

Система гласных языка акебу включает одиннадцать гласных, противопоставленных по признакам ряда, подъема и \pm ATR (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Вокалическая система

		передние нелабиали- зованные	центральные нелабиали- зованные	задние лабиали- зованные
верхние	+ATR	i	i	u
	-ATR	ɪ		ʊ
средние	+ATR	e	ə	o
	-ATR	ɛ		ɔ
нижние			a	

Для языковой семьи ква система гласных акебу довольно необычна. Первой особенностью является наличие двух центральных гласных ненижнего подъема. Вторая особенность — сложная система гармонии гласных, включающая в себя две сингармонические подсистемы, обе из которых базируются на двух признаках — \pm ATR и ряд (коррелирующий с огубленностью).

Внутри корня могут сосуществовать гласные только одного из трех наборов: +ATR /i, u, e, o/, -ATR /ɪ, ʊ, ɛ, ɔ/ и центрального /i, ə/. Гласный /a/ нейтрален по отношению к гармонии: *kēēṭi-wā* ‘еда’, *gòlū-tā* ‘верёвка’, *cīnēṭi-wā* ‘нога’, *à-tòkpòṭṭi-wā* ‘зола’, *ṭṭiṭṭà-wā* ‘деревня’, *púétáá-yá* ‘друг’, *cútmá-wá* ‘работа’, *wàṭṭ-wā* ‘браслет’.

Большинство аффиксов и клитик имеют несколько вариантов, которые реализуются в зависимости от первого (или единственного) гласного корня, уподобляясь ему по одному из следующих правил.

(1) Гармония первого типа
(действует только
регрессивно)

v → e / _e, i
o / _o, u
ə / _ə, i
a / _a, ɛ, ɔ, ɪ, ʊ

(2) Гармония второго типа
(действует как регрессивно,
так и прогрессивно)

v → i / e, i
u / o, u
i / a, ə, i
ʊ ~ i / ɔ, ʊ
ɪ ~ i / ɛ, ɪ

Приведем в качестве примера существительные именных классов РЭ, УЭ и КЭ¹, префиксальный показатель которых имеет вид неспецифицированного гласного V-, подвергающегося гармонии первого типа: *è-ŋì-pā* ‘люди’, *è-kéé-yá* ‘совы’, *ò-ŋū-yā* ‘камни’, *ò-sō-yā* ‘сказки’, *à-tá-pá* ‘отцы’, *à-ŋī-kā* ‘природа’, *à-tàà-kā* ‘спина’, *à-kèé-pá* ‘звери’, *à-pōŋ-pā* ‘масло’, *à-sīkà-pá* ‘деньги’, *à-kúkú-pá* ‘куры’.

3. Данные и методология исследования

3.1. Данные

Данные для исследования были собраны от пяти информантов мужского пола: Achille Djenou (AD, 22 года), Yao Lolonyo Akossu (AK, 51 год), Koffi German Boukate (BOUK, 60 лет), Kokouvi Kpoliatowou (Martin) Kodjovi (MA, 32 года), Yaovi Modeste Tchitche (YT, 27 лет). Информантам предлагалось произнести слова из списка, включавшего 10 слов с каждым из 11 гласных языка акебу. Каждым из информантов было записано по 30 произнесений каждого из 11 гласных, что дало с учетом отбраковки 1 процента произнесений 1634 произнесения: 10 слов*3 повторения*11 гласных*5 информантов — 16.

Запись производилась при помощи профессионального цифрового аудиорегистратора Marantz PMD-660 и внешнего микрофона AKG 1000 в формате .wav при частоте дискретизации 48кГц и разрядности квантования 16 бит.

3.2. Акустический анализ

Измерения акустических параметров осуществлялись при помощи компьютерной программы анализа речи Praat (Boersma and Weenink 2017). Измерение частоты первой форманты осуществлялось на центральном отрезке гласного, составляющем 40% от его общей длительности. Амплитуда первых двух формант и ширина полосы первой форманты измерялись на центральном отрезке гласного долготой в 0,03 сек.

3.3. Нормализация данных и статистический анализ

Статистический анализ производился над нормализованными данными. Значения первой форманты (F_1) были нормализованы по методу Т. Нири (Nearey 1978: 138) с использованием формулы CLIN 2 (constant log interval hypothesis); значения разницы ампли-

¹ Названия именным классам даны по форме объектного местоимения.

туд первых двух формант (A_1 – A_2) были нормализованы в соответствии с алгоритмом, предложенным в (Fulop et al. 1998: 88–91), значения ширины полосы первой форманты (B_1) — при помощи метода, описанного в (Starwalt 2008: 85–90). Расчеты производились при помощи статистического пакета SPSS Statistics. Статистический анализ значений первой форманты включал дисперсионный анализ и дополнительный тест Шеффе на однородность между выборками, для анализа значений разности амплитуд первых двух формант и ширины полосы первой форманты использовался тест на неоднородность Колмогорова-Смирнова для двух независимых выборок.

4. Результаты

4.1. Величина первой форманты (F_1)

Дисперсионный анализ показал значимое разбиение на группы для признака F_1 для каждого из информантов. Дополнительный тест Шеффе показал неоднородность между выборками значений F_1 гласных, противопоставленных по признаку \pm ATR, для всех информантов, кроме МА, при этом более высокое среднее значение F_1 характерно для гласных –ATR. У информанта МА выборки значений F_1 для гласных среднего подъема, противопоставленных по признаку \pm ATR, (/e/ vs. /ε/, /o/ vs. /ɔ/) не продемонстрировали значимой неоднородности (см. рис. 4). У информантов АК, АД и МА выборки значений F_1 для передних и/или задних верхних гласных –ATR и средних гласных +ATR (/i/ vs. /e/, /u/ vs. /o/) составили однородные группы.

4.2. Разница амплитуд первых двух формант (A_1 – A_2)

Тест на неоднородность Колмогорова-Смирнова показал значимую неоднородность между выборками значений A_1 – A_2 для некоторых гласных некоторых информантов (см. Таблицу 2).

В соответствии с нашими ожиданиями, во всех случаях, кроме одного, при значимой неоднородности между выборками среднее значение A_1 – A_2 для гласного –ATR оказалось ниже, чем для гласного +ATR. Акустический параметр относительной интенсивности первых двух формант оказался более значимым для лабиализованных гласных, чем для нелабиализованных. Параметр оказался значимым для трех из четырех пар гласных у информантов МА и УТ и, наоборот, у информанта ВOUК он не является значимым ни для одной пары гласных.

Таблица 2. Результаты теста на неоднородность Колмогорова-Смирнова
выборок значений $A_1-A_2^2$

	/i/ vs. /ɪ/	/e/ vs. /ɛ/	/u/ vs. /ʊ/	/o/ vs. /ɔ/
AD	(***)			**
AK			***	**
BOUK				
MA	**	***		***
YT		***	***	**

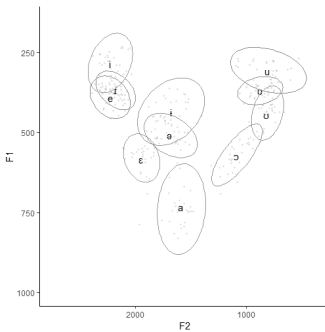

Рис. 1. F_1 & F_2 : AD

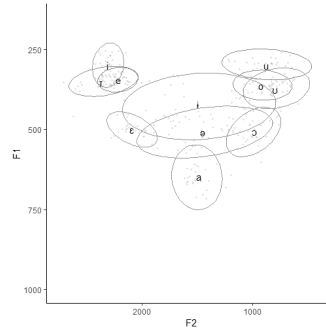

Рис. 2. F_1 & F_2 : AK

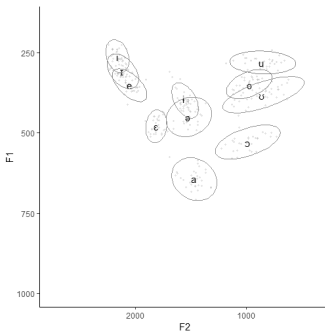

Рис. 3. F_1 & F_2 : BOUK

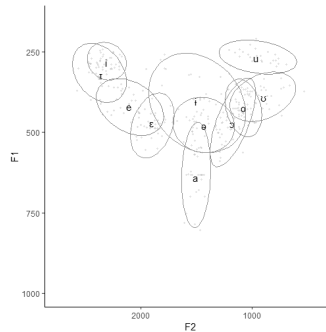

Рис. 4. F_1 & F_2 : MA

² Уровень значимости полученного значения критерия Колмогорова-Смирнова: $p < 0.001^{***}$, $p < 0.01^{**}$, $p < 0.05^*$, $p > 0.05$ — пустая ячейка. В скобки помещены случаи неоднородности между выборками, в которых соотношение между средними по выборкам противоположно ожиданиям, указанным в разделе 1.

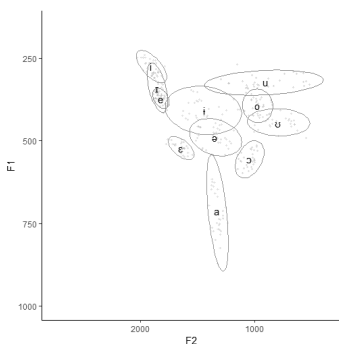

Рис. 5. F₁ & F₂: YU

4.3. Ширина полосы первой форманты (B₁)

Тест на неоднородность Колмогорова-Смирнова показал значимую неоднородность между выборками значений B₁ для некоторых гласных некоторых информантов (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Результаты теста на неоднородность Колмогорова-Смирнова выборок значений B₁

	/i/ vs. /ɨ/	/e/ vs. /ɛ/	/u/ vs. /ʊ/	/o/ vs. /ɔ/
AD			(**)	***
AK		***	***	**
BOUK	**	(**)	**	***
MA	***	***	**	***
YU				***

В большинстве случаев значимой неоднородности между выборками, в соответствии с нашими ожиданиями, среднее значение B₁ для гласного –ATR оказалось выше, чем для гласного +ATR. Акустический параметр относительной ширины полосы первой форманты оказался более значимым для лабиализованных гласных, чем для нелабиализованных. Наиболее последовательно этот параметр работает у информанта MA.

5. Анализ и выводы

Для всех информантов, кроме MA, выборки значений F₁ для гласных, противопоставленных по признаку ±ATR, оказались

неоднородными при более высоком среднем значении F_1 для гласных –ATR. У информанта МА выборки средних гласных переднего и заднего ряда, противопоставленных по признаку \pm ATR, оказались однородными: такая размытая формантная картина очевидно связана с высокой частотой основного тона информанта (137-316 Гц). Обнаруженная у трех носителей акебу однородность между выборками значений F_1 для верхних гласных –ATR и средних гласных +ATR в целом характерна для вокалических систем с противопоставлением по признаку \pm ATR для верхнего и среднего подъема (cross-height vowel harmony (Starwalt 2008: 9)) (см. (Hess 1992; Guion et al. 2004: 529-531; Starwalt 2008: vi)).

Акустические параметры A_1 – A_2 и V_1 оказались значимы по крайней мере для некоторых гласных некоторых информантов, аналогичная ситуация отмечается и для других языков (Fulop et al. 1998: 91; Guion et al. 2004: 533–534). В акебу эти параметры оказались существенно более значимыми для задних лабиализованных гласных, нежели для передних нелабиализованных, что может быть связано с использованием различных артикуляторных механизмов, локализующихся в гортани и глотке, при произнесении различных гласных серии –ATR (Edmondson & Esling 2006). Наибольшая значимость параметров A_1 – A_2 и V_1 у информанта МА также кажется неслучайной: скорее всего, в данном случае можно говорить об их компенсаторной функции при различении гласных разных наборов на фоне неясной формантной картины.

Литература

- Boersma, Weenink 2017 — Boersma, P., Weenink, D. (2017). Praat: Doing phonetics by computer (Version 6.0.33) [Computer program]. Retrieved February 2, 2018, from <http://www.praat.org/>.
- Edmondson, Esling 2006 — Edmondson, J. A. & Esling, J. H. (2006). The valves of the throat and their functioning in tone, vocal register and stress: laryngoscopic case studies. *Phonology* 23, 157–191.
- Fulop et al. 1998 — Fulop, S.A., Kari E. & Ladefoged, P. (1998). An acoustic study of the tongue root contrasts in Degema vowels. *Phonetica*, 55, 80–98.
- Guion et al. 2004 — Guion, S.G., Post, M.W., Payne, D.L. (2004). Phonetic correlates of tongue root vowel contrasts in Maa. *Journal of Phonetics*, 32, 517–542.
- Hess 1992 — Hess, S. (1992). Assimilatory effects in a vowel harmony system: An acoustic analysis of advanced tongue root in Akan. *Journal of Phonetics*, 20, 475–492.

Nearey 1978 — Nearey, T. (1978). Phonetic Feature Systems for Vowels. Indiana University Linguistics Club, Bloomington.

Starwalt 2008 — Starwalt, C.G.A. (2008). The acoustic correlates of ATR harmony in seven- and nine- vowel african languages: a phonetic inquiry into phonological structure. Ph.D. diss. The University of Texas at Arlington.

Конструкции со значением необходимости в малокарачкинском говоре чувашского языка*

Анастасия Ильинична Матюшева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург
asyamatus@yandex.ru

1. Введение

Настоящая работа посвящена обсуждению падежного маркирования А- и S-участника в конструкциях со значением модальной зоны необходимости в малокарачкинском говоре чувашского языка. Есть две таких конструкции: с глагольной формой на *-ma-la* (INF-ATTR) или со словом *kerlĕ* 'нужный'. В литературном чувашском первой форме соответствует причастие на *-малла*, выражающее «долженствование или необходимость совершения действия» [Федотов 1963: 94]; вторая форма выглядит как *кирлĕ* и имеет значение «необходимости, долженствования, а также вероятности» [Федотов 1963: 103]. По общему фонотактическому правилу и в литературном, и в малокарачкинском чувашском после гласных слово может также реализовываться как *gerlĕ*. Показатель *-ma-la* присоединяется к основе смыслового глагола (1a), а слово *kerlĕ* добавляется к инфинитивной форме (1b). При этом падеж, которым маркируется А- и S-участник в обеих конструкциях, зависит от зоны модальности, в которой употреблена конструкция.

- (1) a. *ser-ĕn / ser otma çol-ba kaj-ma-la,*
вы-GEN вы тропинка дорога-INS идти-INF-ATTR
a to çĕt-se kaj-at-ər
а то теряться-CV_SIM идти-NPST-2PL
'Вы должны идти по тропинке, иначе заблудитесь.'

* Автор выражает глубокую благодарность Марии Александровне Холодиловой за помощь со сбором материала, рекомендации по научной литературе, ценные комментарии и готовность обсуждать промежуточные результаты работы.

- b. *ser* / **ser-ën* *otma* *çol-ba* *kaj-ma* *gerlə*
 вы вы-GEN тропинка дорога-INS идти-INF нужный
 ‘Вы должны идти по тропинке {иначе заблудитесь}.’

2. Возможные варианты падежного маркирования

В зависимости от показателя модальности и семантической зоны, в которой он употребляется, выбирается либо генитивное, либо номинативное маркирование. В конструкциях со значением **внутренней необходимости** с показателем *-ma-la* используется генитивное маркирование. Слово *kerlə* в этой зоне модальности менее грамматически приемлемо, но, если допускается, А- и S-участник при нём также маркируются генитивом (2b).

- (2) a. *petʼə-n* / **petʼə* *çur-za* *təran-ma-la*
 Петя-GEN Петя спать-CV_SIM насыщаться-INF-ATTR
 ‘Пете надо выспаться.’ {a = b}

- b. ??*petʼə-n* / **petʼə* *çur-za* *tran-ma* *gerlə*
 Петя-GEN Петя спать-CV_SIM насыщаться-INF нужный

Внешняя недеонтическая необходимость при обоих показателях маркируется генитивом (1a–b). Во **внешней деонтической необходимости** в конструкциях с *-ma-la* также используется генитив (3a). Для *kerlə* здесь допускаются оба падежа: и номинатив, и генитив; семантика при этом не меняется (3b).

- (3) a. *petʼə-n* / **petʼə* *kuxnʼə-ra* *bol-ma-la*
 Петя-GEN Петя кухня-LOC быть-INF-ATTR
 ‘Петя должен быть на кухне {он дежурит}.’ {a = b}

- b. *petʼə* / *petʼə-n* *kuxnʼə-ra* *bol-ma* *gerlə*
 Петя Петя-GEN кухня-LOC быть-INF нужный

В зоне **эпистемической необходимости** оба показателя требуют А- и S-участника в номинативе (4a–b). Эпистемическая интерпретация с генитивом невозможна: смена падежа приводит к семантике деонтической необходимости (ср. примеры (3 a–b)).

- (4) a. *vasʼə* / **vasʼə-n* *kuxnʼə-ra* *bol-ma* *gerlə*
 Вася Вася-GEN кухня-LOC быть-INF нужный
 ‘Вася должен быть на кухне {я так думаю}.’ {a = b}

b. *vasʲə* / **vasʲə-n* *kuxnʲə-ra* *bol-ma-la*
 Вася Вася-GEN кухня-LOC быть-INF-ATTR

Таким образом, получается следующее распределение падежей в зависимости от показателя и зоны модальности:

Таблица 1. Распределение падежного маркирования при показателях необходимости *-ma-la* и *kerlə* в зависимости от модальной зоны

Зона модальности	<i>-ma-la</i> (INF-ATTR)	<i>kerlə</i> 'нужный'
внутренняя	GEN	?? GEN
внешняя	GEN	GEN
внешняя деонтическая	GEN	NOM/GEN
эпистемическая	NOM	NOM

3. Анализ

Объяснить такое распределение падежей можно двумя способами: с точки зрения синтаксического подъёма или грамматикализации модальных показателей. С одной стороны, сохранение при модальном показателе падежного маркирования, приписываемого смысловым глаголом, может быть обусловлено подъёмом аргумента в синтаксической структуре. Ср. также обсуждение проблемы подъёма при модальных глаголах в [Wurmbbrand 1999], где схожее явление, когда при модальном глаголе на субъекте сохраняются падежное маркирование смыслового глагола, объясняется подъёмом аргумента в синтаксической структуре. Разница в падежном маркировании в зависимости от зоны модальности объясняется тем, что подъём происходит только у несубъектно-ориентированных (*non-subject-oriented*, [Thráinsson 2019]) показателей (то есть таких, которые не подразумевают, что субъект обязан (*obliged*) что-то делать; в данном это показатели эпистемической необходимости). Таким образом, в зонах внутренней и внешней модальности проявляется генитивное маркирование, соответствующее управлению модального показателя; в эпистемической же зоне А- и S-участник присоединяется сначала к глаголу и от него получает маркирование номинативом, а эпистемический показатель добавляется уже на более высоком уровне синтаксической структуры.

С другой стороны, наблюдаемое различие между зонами модальности в падежном маркировании может быть связано с тем, что при приближении к эпистемическим значениям сфера действия показателя расширяется, и изначальная валентность на подлежащее заменяется валентностью на сентенциальный актант. Таким образом, подлежащее управляется со смысловым глаголом и маркируется номинативом, а модальный показатель присоединяется уже ко всей конструкции. Согласно [Heine 1993: 106], вспомогательные глаголы на ранних стадиях грамматикализации проявляют свойства самостоятельного глагола, а на более поздних приобретают свойства «семантического модификатора» смыслового глагола, что соответствует нашим наблюдениям. Кроме того, такая градация соответствует шкале грамматикализации, предложенной в [van der Auwera, Plungian 1998: 115] и отражающей тенденцию показателей в зоне внутренней модальности быть менее грамматикализированными, чем в эпистемической зоне; внешняя модальность находится между ними по свойствам.

participant-internal \leq participant-external \leq epistemic

Эту тенденцию особенно хорошо видно на слове *kerlə*: по видимому, как показатель деонтической необходимости *kerlə* находится сейчас на переходной стадии грамматикализации, и потому носители допускают оба варианта падежного маркирования А- и S-участника.

4. Другие употребления показателей

Обратимся к другим употреблениям показателей. Аффикс *-ma-la* может использоваться атрибутивно (пример (5)). Как и в ранее рассматриваемых конструкциях, долженствующий участник стоит в генитиве и номинативом маркироваться не может. Основное значение атрибутивной конструкции с *-ma-la* формируется в зонах внутренней и внешней необходимости; эпистемические употребления информанты признают практически неприемлемыми.

- (5) *laza-zan* / **laza-zam* *gaj-ma-la* ζ ol
 лошадь-PL[GEN] лошадь-PL идти-INF-ATTR дорога
 ‘дорога, по которой должны ходить лошади; дорога, предусмотренная для лошадей’

Используя подход, предложенный в [Thráinsson 2019], можно заключить, что в атрибутивных употреблениях, а также во всех значениях необходимости, кроме эпистемической, показатель имеет субъектно-ориентированное значение (*subject-oriented*), то есть приписывает субъекту некоторые обязательства. Однако в эпистемической зоне субъект сам по себе ни к чему не обязан: речь идёт скорее о том, что должна случиться ситуация, в которой субъект участвует. Вследствие этого происходит синтаксический подъём показателя, и он перестаёт управлять падежом А-/S-участника.

При слове *kerlë* в атрибутивной позиции то, что требуется, стоит в номинативе (6). Падежное маркирование для этого показателя распределяется так же, как у *-ma-la* и, предположительно, по тем же причинам.

(6) *sana pasport gerlë*

ты.ОВJ паспорт нужный

‘Тебе нужен паспорт {чтобы пройти в больницу}.’

Возможность выбора обеих падежей (без влияния на интерпретацию) в деонтической зоне можно объяснить, с одной стороны, возможностью трактовать деонтические предложения как ориентированные, так и не ориентированные на субъекта (то есть пример (3а) можно интерпретировать как *У Пети есть обязанность находиться на кухне* или *Должно быть так, чтобы Петя был на кухне*), либо, как говорилось раньше, обуславливается переходным с точки зрения грамматикализации статусом показателя.

5. Заключение

Итак, распределение падежного маркирования в конструкциях со значением необходимости в малокарачкнском говоре чувашского языка обуславливается, с одной стороны, синтаксическим подъёмом аргумента смыслового глагола, когла конструкции употребляются в зоне внутренней / внешней необходимости, с другой — разными уровнями грамматикализации. Таким образом, в менее грамматикализованных внутренней и внешней модальных зонах преобладает генитив, и он же указывает на синтаксическую зависимость А- и S-участника от модального показателя; в эпистемической зоне используется номинативное маркирование, соответствующее управлению смыслового глагола.

Список условных сокращений

2PL — второе лицо множественное число; ATTR — атрибутивизатор; CV_SIM — деепричастие одновременности; GEN — генитив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж.

Литература

- Федотов 1963 — Федотов, М. Р. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1963.
- Heine 1993 — Heine, B. Auxiliaries: Cognitive Forces and Grammaticalization. Oxford University Press, 1993.
- van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera, J., Plungian, V. Modality's Semantic Map // Linguistic Typology, 1998, 79–124.
- Thráinsson 2019 — Thráinsson, H. Icelandic modal verbs revisited // The Sign of the V, 2019, 619–642.
- Wurmbbrand 1999 — Wurmbbrand, S. Modal Verbs Must Be Rising Verbs // Proceedings of the 18th West Coast Conference on Formal Linguistics, 1999, 599–612.

Средства выражения дистрибутивности в казымском диалекте хантыйского языка*

Ирина Максимовна Молданова

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
uil.gera@yandex.ru

1. Введение

Хантыйский язык — один из автохтонных языков Сибири, находящихся под угрозой исчезновения. По Всероссийской переписи населения 2010 года ханты насчитывается 30943 человека, из них родным языком владеют 9584 человека.

Цель данного исследования заключается в описании средств выражения дистрибутивности в казымском диалекте хантыйского языка. Материалом для анализа послужили примеры из русско-хантыйского тематического словаря [Кононова 2002], хантыйско-русских словарей [Соловар 2006; 2014], фольклорных сборников [Соловар 1996; Успенская 2002; Каксина 2018], а также собранный материал уточнялся у информантов, владеющих казымским диалектом хантыйского языка. Ранее в описаниях казымского диалекта семантическая область дистрибутивности анализу не подвергалась.

Средства, выражающие дистрибутивный тип множества ситуаций, на материале хантыйского языка были рассмотрены на материале вах-васюганского [Шаламова 2001] и шурышкарского [Вальгамова 2003] диалектов. Н.Н. Шаламова на материале вах-васюганского диалекта выявила два значения, диверсатив и циклокатив, которые выражаются с помощью превербов *äreŷ* и *ñul(a)*, соответственно. В шурышкарском диалекте были зафиксированы три разновидности дистрибутивного значения: субъектный, объектный дистрибутив и квазидистрибутив, которые образуются по модели $tv = lij = / = ilij =$, $tv = ij = / = j =$. В казымском диалекте представлен сходный суффикс *-ijł* (*-ła*) [Каксин 2007: 47],

* Автор благодарит Е.В. Кашкина и анонимного рецензента за ценные комментарии и замечания, а также выражает отдельную благодарность информантам.

= *ийә* / = *ийәл* [Соловар и др. 2016: 118] со значением непереходности / переходности, многократности, многоактности действия; многократного действия, происходящего периодически. Преверб *ара* со значением рассредоточенности действия, направленности его в разные стороны отмечен в грамматике [Каксин 2007: 55]. В статье [Соловар 2018: 470-478] рассматриваются особенности семантики хантыйских глаголов с превербом *ара*.

2. Материалы и методы

Категория «глагольной множественности» обсуждается в теоретических работах [Дресслер 1976; Храковский 1989; Долинина 1996; Шлуинский 2005; Татевосов 2016] и др. Согласно [Плунгян 2003: 295], дистрибутивы обозначают такой тип (неполного) повторения ситуации, при котором происходит последовательный «перебор» единичных представителей определенного актанта: ср. контексты типа *Все поразъехались кто куда; листья пооборвало ветром; он перепробовал все кушанья* и т.д. Мы пользуемся терминологией и классификацией значений дистрибутивной множественности по [Храковский 1989]. В нашей картотеке представлено 19 глаголов с наречием *wot'sa* 'вместе', 30 глаголов с превербом *ара* 'в разные стороны', 39 глаголов с наречием *jäxa* 'вместе, совместно'.

3. Дистрибутив

3.1. Лексические дистрибутивы

В казымском диалекте хантыйского языка выявлено небольшое количество глаголов с дистрибутивным значением: *эрттi* 'делить, поделить, наделить'¹ (1), *äkamtï* 'собраться в одном месте; собираться'² (2), *jəxəttï* 'разбирать' (3), *soxəttï* 'выщипать, ощипывать, дергать, рвать, отрывая часть от целого (перья, пух, траву)' (4), а также *ewəttï* 'резать, разрезать', *sewərtï* 'рубить', *äkättï* 'сбирать'.

(1) <i>Jəx-λ-αλ</i>	<i>χйλ-əп</i>	<i>эрт-s-əле</i>
люди-PL-POSS.3SG	рыба-LOC	делить-PST-3SG-SO
'Людям раздал рыбу (букв.: наделил рыбой).'		

¹ Глагол *эрттi* также сочетается с превербом *ара* 'раз', ср. *Weləm χйλλαλ ара эртсəле* 'Добытую рыбу раздал'.

² Собирается (собраться), прибывать в одно место, достигать чего-л., перемещаясь с разных сторон пешком, или на каких-л. транспортных средствах.

- (2) *Mir-ew* *aləŋ wĩš ewəlt klüp-ən*
 народ-POSS.1PL утро с от клуб-LOC
ăkəm-tĩ *pit-s-ət*
 собраться-IPFV.PTCP/INF статья-PST-3PL
 ‘Народ с утра стал в клубе собираться.’

- (3) *Liw xət jəxət-λ-ət*
 они дом разбирать-NPST-3PL
 ‘Они дом разбирают.’

- (4) *Ma was-əm sqxət-λ-əm*
 я утка-POSS.3SG оципать-NPST-1SG.OBJ
 ‘Я утку оципываю от перьев.’

Среди лексических дистрибутивов представлен глагол с амбулативным значением *kerətti* ‘объехать, обойти’ (5).

- (5) *Wənt-əŋ pələk, jɪŋk-əŋ pələk kerət-λ-ət*
 лес-ATTR сторона вода-ATTR сторона объехать-NPST-3PL
 ‘Лесную сторону, водную сторону объезжают.’

С данным значением мы имеем дело в том случае, когда движение субъекта осуществляется последовательно через ряд единичных пунктов пространства, которые в сумме составляют некоторый совокупный локативный актант [Храковский 1989: 40].

3.2. *Обстоятельства как показатели дистрибутивного значения*

3.2.1. Субъектный дистрибутив

Синтаксическими показателями дистрибутивности являются обстоятельства со значением очередности: послелог с числительным *i jürjəŋ* ‘друг за другом’ (6), наречное числительное *itn-itn* ‘по одному’ в местно-творительном падеже (7). Они образуют субъектный дистрибутив.

- (6) *Liw wĩli-λ-al i jürjəŋ wənt-a mən-s-ət*
 они олень-PL-3PL один после-LOC лес-DAT идти-PST-3PL
 ‘Их олени друг за другом в лес ушли.’

- (7) *In jəx-λ-am it-n-it-n kim et-s-ət*
 это люди-PL-POSS.1SG один-LOC-один-LOC наружу выйти-PST-3PL
 ‘Эти люди по одному на улицу вышли.’

Со значением совместности, одновременности используется числительное с наречием *i jāχa* ‘вместе, одновременно’ (8), числительное с наречием *i wɔntla* ‘за один раз, одновременно’ (9).

- (8) *līw χɔp-λ-αλ* *i jāχa mān-s-ət*
они лодка-PL-POSS.3PL один вместе идти-PST-3PL
‘Их лодки уплыли одновременно.’

- (9) *lant χir-tī* *λλλ’λ-ət — i wɔntla,*
ягель откапывать-IPFV.PTCP/INF встать-NPST-3PL один одновременно
šɔšəm-λ-ət — i wɔntla
шагать-NPST-3PL один одновременно
‘Ягель откапывать встают — одновременно, зашагают — одновременно.’

3.2.2. Объектный дистрибутив

Объектный дистрибутив передается с помощью наречного числительного *itn-itn* ‘по одному’ (10), (11).

- (10) *Aś-əm* *šiskūrek wɔj-λ-αλ*
отец-POSS.1SG петух птица-PL-POSS.3SG/3PL

it-n-it-n *katəλ-s-əle*
один-LOC-один-LOC поймать-PST-3SG.OBJ
‘Отец петухов по одному поймал.’

- (11) *Wīlī* *lawəλ-tī* *jɔχ-λ-an* *taś*
олень охранять-IPFV.PTCP/INF люди-PL-POSS.2SG стадо

lījət-tīj-ən *sɔχəλ ewəλt* *sɛŋk-əm* *aɟ*
считать-IPFV.PTCP-LOC доска из бить-PFV.PTCP маленький

pɔśas *ewəλt* *wīl-ət* *pūn* *pɔs-ən*
ограда из олень-PL шерсть знак-LOC

ewət-tī *jūrij-ən* *it-n-it-n* *kim*
резать-IPFV.PTCP/INF после-LOC один-LOC-один-LOC наружу

esəλ-λ-əλ-αλ
отпускать-NPST-DU/PL-3PL.OBJ

‘При подсчете оленей, отрезают кусочек шерсти, затем их по одному выпускают из сарая.’

3.2.3. Цислокатив

Значение цислокатива передается наречиями *jǎχa* ‘вместе, совместно’, *wɔt’sa* ‘вместе; друг на друга’. Цислокатив передает значение, когда «единичные представители совокупного актанта-субъекта движутся из разных пунктов к некоторой центральной точке» [Храковский 1989: 39]. Наречие *jǎχa*, *wɔt’sa* присоединяются к переходным и непереходным глаголам со значением физического воздействия (12), перемещения в пространстве (13), (14).

- (12) *Kāt jɪŋk, kāt mīw ewəlt jǔχt-əm ət-ət, —*
 два вода, два земля из прийти-PFV.PTCP предмет-PL

lǔp-əl, — tām wɔt’sa pit-λ-əw ki
 говорить-NPST это вместе статья-NPST-1PL если

wɔʂ-ew ewi, pǔχ pɔlt
 город-POSS.1PL девочка мальчик стружка гнилого дерева

tɛm-λ-ew

лить-NPST-1PL.OBJ

‘С разных земель пришедшие люди, — говорит, — если будем друг с другом драться, наш город с девочками и мальчиками разуршим.’

- (13) *Mūŋ wɔ-tī χɔj-ew, Kūśmaj-ew*
 мы знать-IPFV.PTCP/INF мужчина-POSS.1PL Кузьма-POSS.1PL

lǔp-əl, mǎtī, tāta ar wɔŋ λɔr jǎχa
 говорить-NPST оказывается здесь много большой озеро вместе

pit-λ-ət

падать-NPST-3PL

‘Наш знакомый, Кузьма, говорит, оказывается, здесь множество больших озер стекается (букв.: вместе впадает).’

- (14) *Alpa, isi aŋk-ɛm-ən part-əm pǔtər*
 наверное тоже мать-POSS.1SG-LOC велеть-PFV.PTCP рассказ

pǎta śi wɔt’sa ɛt-s-əmən
 для это вместе появиться-PST-2DU

‘Наверное, благодаря посланному рассказу матери, мы встретились.’

3.3. Грамматические дистрибутивы

3.3.1. Диверсатив

При диверсативе «единичные представители совокупного актанта-субъекта движутся в разные пункты из некоторой центральной точки» [Храковский 1989: 38].

Значение диверсатива выражается в казымском диалекте с помощью преверба *ara* ‘в разные стороны’, который передает значение ‘рассредоточенности действия, направленность его в разные стороны; разделение на части; в разных местах’ (15).

- (15) *Mir isa ara mǎn-tǐ jǔpǐj-ǎn,*
 народ совсем в разные стороны идти-IPFV.PTCP.INF после-LOC
pa tǔwǐ slǎŋ-a śi kǔrt-en-a pa ateλt
 и весна начало-DAT это деревня-POSS.2SG-DAT и одинокий
χǔǰat χǔλtǐ śiw ǎn rǎχ-ǎλ
 человек ночевать туда не можно-NPST
 ‘После того как народ разойдется, к весне, в этой деревне, одинокому человеку, ночевать нельзя.’

Глагольный преверб — это словообразовательный элемент наречного происхождения, который модифицирует значение глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости [Соловар 2009: 14]. Как отмечает В. Н. Соловар, преверб *ara* в казымском диалекте присоединяется к глаголам разных ЛСГ (см. [Соловар 2018: 470–478]). При этом у некоторых глаголов происходит изменение числа валентностей, в частности, глаголы движения, перемещения теряют локативную валентность.

3.3.2. Адресатный дистрибутив

Адресатный дистрибутив (совокупным является актант-адресат, обычно это бывает при наличии совокупного актанта-объекта) выражается с помощью преверба *ara* ‘в разные стороны’ (16).

- (16) *Pet’aj-en χǔλ-λ-aλ χǔt pǔŋǎλ*
 Петя-POSS.2SG рыба-PL-3SG/3PL дом около
jǔχ-λ-aλ-a ara mǎ-s-λe
 люди-PL-3SG/3PL-DAT в разные стороны дать-PST-3SG.OBJ
 ‘Петя раздал рыбу соседям (многим).’³

³ Если мы уберем в предложении преверб *ara*, фраза будет звучать несколько по-иному, ср. *Pet’ajen χǔλλaλ χǔt pǔŋǎλ jǔχλaλa mǎsλe* ‘Петя отдал рыбу соседям’.

3.3.3. Субъектный дисперсив

Значение субъектного дисперсива обозначает «множество действий, обозначаемых дистрибутивным глаголом, в данном случае одновременно или последовательно осуществляется в разных частях / в разных местах пространственно протяженных предметов или веществ» [Храковский 1989: 38]. Данное значение в казымском диалекте также передается с помощью проверба *ara* 'в разные стороны'. У маркера *ara* появляется значение «в разных местах» (17).

- (17) *Kawrəm lǎŋ-ən lōw-əŋ χqr*
 жаркий лето-LOC топкий-ATTR болотистое место
- χǎŋ-ən tūw-ən isa ara*
 открытое место-LOC земля-POSS.2SG совсем в разные стороны
- lŋχij-əl*
 расколоться-NPST
 'Жарким летом, в топких болотистых местах, земля трескается (в разных местах).'

3.3.4. Квазидистрибутивное значение

Показателем квазидистрибутива является проверб *ara* 'в разные стороны'. Данное значение выражает целостный актант (субъект или объект), состоящий из квазиотдельных частей, при этом каждое из повторяющихся действий затрагивает какую-либо одну квазиотдельную часть актанта, а все множество повторяющихся действий в принципе затрагивает все квазиотдельные части этого актанта [Храковский 1989: 40]. Глагольный проверб присоединяется к глаголам деструкции и вносит значение «разделение на части» (18).

- (18) *Śi jǔrij-ən nǎŋ-əl jɔχ-λ-αλ-α*
 это после-LOC хлеб-POSS.3SG люди-PL-POSS.3SG/3PL
- ara mɔrit-s-əle*
 на части ломать-PST-3SG.OBJ
 'После этого (он) хлеб разломил (на многие части) людям.'

4. Заключение

Анализируемый материал позволяет сделать следующие обобщения. Семантическая зона дистрибутивности в казымском диалекте хантыйского языка представлена лексическими дистрибу-

тивами (выявлено 8 глаголов, один из них передает амбулативное значение); значения субъектного и объектного дистрибутива, цислокатива выражаются с помощью наречий и наречных слов; формальное выражение получают диверсатив, адресатный дистрибутив, субъектный дисперсив и квазидистрибутив, которые образуются с помощью преверба *aga* 'в разные стороны'. Показатель *aga* передает значения «в разные стороны / в разных местах / на части» (см. таблицу 1, стр. 155; в строке 1 классы названы в соответствии с работой [Храковский 1989], строка 2 содержит данные вах-васюганского диалекта из [Шаламова 2001], строка 3 — данные шурьшкарского диалекта из [Вальгамова 2003], строка 4 — данные казымского диалекта, собранные автором в 2020).

Список условных сокращений

ATTR — атрибутивизатор; DAT — датив; DU — двойственное число; IPFV.PTCP/INF — имперфективное причастие / инфинитив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектное спряжение; PFV.PTCP — перфективное причастие; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число; TV — глагольная основа.

Литература

- Вальгамова 2003 — Вальгамова С.И. Глагольное словообразование в хантыйском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2003.
- Долинина 1996 — Долинина И.Б. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // Теория функциональной грамматики. Качественность, количественность. Санкт-Петербург, «Наука». 1996. С. 219-258.
- Каксин 2007 — Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.
- Касум мув моньчат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской / С.С. Успенская (ред.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.
- Кононова 2002 — Кононова С.П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект): Пособие для учащихся старших классов и колледжей. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2002.
- Невероятные истории из жизни казымских ханты / Сост. Е.Д. Каксина. Выпуск 1. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийска», 2018.
- Плунгян 2003 — Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Соловар 1996 — Соловар В.Н. Моньчат па путрат. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1996.

- Соловар 2006 — Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь. СПб.: ООО «Миралл», 2006.
- Соловар 2009 — Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск, 2009.
- Соловар 2014 — Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014.
- Соловар 2018 — Соловар В.Н. Особенности семантики хантыйских глаголов с превербом *ара* // Вестник угроведения. 2018. Т.8. № 3. С. 470–478.
- Соловар и др. 2016 — Соловар В.Н., Нахрачева Г.Л., Шиянова А.А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Ижевск: ООО «Принт-2», 2016.
- Татевосов 2016 — Татевосов С.Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016.
- Храковский 1989 — Типология итеративных конструкций / под ред. В. С. Храковского. Л.: Наука, 1989.
- Шаламова 2001 — Шаламова Н.Н. Выражение способов действия в вах-васюганском диалекте хантыйского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.
- Шлуинский 2005 — Шлуинский А.Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.
- Dressler 1968 — Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1968.

Таблица 1. Средства выражения дистрибутивности в хантыйском языке

1	субъектный/ объектный дистрибутив	адресатный дистрибутив	субъектный дисперсив	лексический дистрибутив	диверсатив	дислокатив	амбулатив	квази дистрибутив
2	—	—	—	—	преверб <i>ärey</i>	преверб <i>ñil(a)</i>	—	—
3	$Tv = lij = /$ $= ilij =,$ $Tv = ij = / = j =$	—	—	—	—	—	—	$Tv = lij = /$ $= ilij =,$ $Tv = ij = / = j =$
4	<i>i jürjöl</i> 'друг за другом'; <i>itl-itl</i> 'по од- ному'; <i>i jäxa</i> 'вместе, одновре- менно'; <i>i wolä</i> 'за один раз, одновре- менно'	преверб <i>aga</i> 'в разные стороны'	преверб <i>aga</i> 'в разных местах'	<i>älti</i> 'делить, поделить'; <i>nađelti</i> ; <i>äktiti</i> 'собраться'; <i>jürjälti</i> 'разби- рать'; <i>soxälti</i> 'щи- пать, выщи- пать'; <i>ewälti</i> 'резать, разрезать'; <i>sewälti</i> 'рубить'; <i>äktiti</i> 'собирать'	преверб <i>aga</i> 'в разные стороны'	наречие <i>jäxa</i> 'вместе, со- вместно'; <i>wot'ä</i> 'вместе'	<i>kerälti</i> 'обхо- дить, обез- жать'	преверб <i>aga</i> 'на части'

Такие похожие и такие разные: коррелятивы и неопределенные местоимения в балкарском языке

Екатерина Витальевна Моргунова

МГУ имени М. В. Ломоносова

morgunova.kate@gmail.com

Илья Витальевич Наумов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

bnlv@mail.ru

1. Введение

В настоящей работе рассматриваются коррелятивные конструкции (далее просто коррелятивы) и неопределенные местоимения в балкарском языке (тюркские). Пример первой можно увидеть в (1a); пример второй — в (1b).

(1)а. Коррелятивная конструкция

kim e-se da ol kel-di.

кто быть-COND даже тот приходить- PST

Букв.: 'Кто бы это ни был, тот пришел.'

б. Неопределенное местоимение

kim e-se da kel-di.

кто быть-COND даже приходить- PST

'Кто-то пришел.'

Как можно заметить, рассматриваемые нами конструкции имеют схожее морфосинтаксическое оформление. Обе состоят из (i) вопросительного слова; (ii) глагола, маркированного показателем Кондиционала *-sa*; (iii) частицы *da* 'даже'. Единственное видимое различие состоит в том, что коррелятив в (1a) включает указательное местоимение *ol* 'тот', называемое коррелятом, а неопределенное местоимение в (1b) не имеет этого элемента.

Помимо наличия или отсутствия коррелята, рассматриваемые нами конструкции также различаются семантически. В частности, коррелятивы ведут себя как определенные именные группы и реферируют к максимальному индивиду в заданном множестве, (2).

(2) *kim e-se da ol kel-di*
кто быть-COND даже тот приходит-*PST*

#kim e-se da ol kel-me-di.
кто быть-COND даже тот приходит-*NEG-PST*

Букв.: 'Кто бы это ни был, тот пришел. Кто бы это ни был, тот не пришел.'

Неопределенные местоимения, напротив, свободны от этого ограничения и используются для введения новых референтов в дискурс, (3).

(3) *kim e-se da kel-di*
кто быть-COND даже приходит-*PST*

^{OK}*kim e-se da kel-me-di.*
кто быть-COND даже приходит-*NEG-PST*

'Кто-то пришел, кто-то не пришел.'

Главный вопрос, на который стремится ответить настоящее исследование, можно сформулировать следующим образом. Почему две поверхностно схожие конструкции имеют разную семантику? Мы утверждаем, что это происходит из-за различий в морфосинтаксических свойствах двух конструкций. Коррелятивы имеют клаузальную структуру и являются адъюнктами, а семантика определенности привносится коррелятом, занимающим аргументную позицию. Неопределенные местоимения не имеют клаузальную структуру и сами занимают аргументную позицию. Элемент, маркированный показателем Кондиционала *-sa* в неопределенных местоимениях является не настоящим глагольным предикатом, а представляет собой грамматикализованный показатель функции выбора. Оставшаяся часть работы имеет следующую структуру. В разделе 2 сравниваются основные характеристики коррелятивов и неопределенных местоимений. В разделе 3 предлагается формальный анализ рассматриваемых конструкций. Раздел 4 подводит итоги исследования.

2. Коррелятивы и неопределенные местоимения: базовые сведения

2.1. Коррелятивы

Коррелятивизация это одна из стратегий релятивизации, при которой относительная клауза линейно расположена слева от матричной и связана с именным коррелятом в главной клаузе. Рассмотрим канонический пример из хинди.

(4) хинди

[*jo laRkii khaRii hai*] *vo lambii hai*.

REL девочка стоять есть что высокая есть

‘Девочка, которая стоит, высокая.’ [= Которая девочка стоит, та высокая] (Srivastav 1991: 642)

Коррелятивы также встречаются в некоторых тюркских, к примеру, в турецком (см. Iatridou 2013; Demirok 2017).

(5) [*John ne pişir-se*] *Mary onu ye-r*.

Джон что готовить-SA Мэри DEM.ACC есть-AOR

‘Мэри ест всё, что готовит Джон.’ (Demirok 2017: 161)

В балкарском языке есть похожая конструкция, которую мы также будем считать коррелятивом. Коррелятивная клауза включает вопросительное местоимение и предикат, который маркирован показателем Кондиционала *-sa* и частицей *da*:

(6) *kim kel-se da bügün (ol) kitap kelti-riq-di*.

кто приходит-COND даже завтра тот книга приносить-FUT2-3SG

‘Кто бы завтра ни пришел, тот принесет книгу.’

Пример (6) демонстрирует, что коррелят в матричной клаузе может отсутствовать. Возникает вопрос, идентичны ли структуры коррелятивных конструкций с выраженным и невыраженным коррелятом. Опираясь на анализ синтаксиса коррелятивных конструкций в турецком в Iatridou (2013), мы предполагаем, что даже в том случае, когда в матричной клаузе не выражен коррелят, коррелятивная клауза представляет собой коррелятивный адъюнкт, а не аргумент глагола (как, к примеру, английские безвершинные относительные предложения типа *Whoever Mary invited to the party came*). В пользу этой гипотезы говорит отсутствие эф-

фектов совпадения по падежу (“case-matching effects”) в балкарских коррелятивах. В языках мира на безвершинные относительные предложения накладывается следующее ограничение: падеж вопросительного слова должен удовлетворять падежным требованиям как матричного, так и зависимого глагола. Это ограничение продемонстрировано в примере (7) из немецкого языка.

(7) немецкий

a. *Ich folge* [_{FR} *wem ich vertraue*]
я следовать→DAT кто.DAT я доверять→DAT
‘Я следую за тем, кому доверяю.’

b. **Ich folge* [_{FR} *wem || wen ich bewundere*]
я следовать→DAT кто.DAT кто.ACC я обожать→ACC
‘Я следую за тем, кого обожаю.’ (Müller, Sternefeld 2013: 342)

В (8) глагол в коррелятивной клаузе приписывает вопросительному слову аккузатив, в то время как матричный глагол может приписать только номинатив.

(8) *fatima kim-ni süj-e e-se da*
Фатима кто-ACC любить-IPFV быть-COND даже

qonaq-va kel-liq-di.
гость-DAT приходить-FUT2-3SG
‘Кого бы Фатима не любила, тот придет в гости.’

Если бы коррелятивные конструкции без выраженного коррелята на самом деле были безвершинными относительными предложениями, мы бы ожидали, что (8) будет неграмматичным. Напротив, если предположить, что вопросительное слово удовлетворяет падежным требованиям только зависимого предиката, в то время как в матричный глагол приписывает номинатив фонологически невыраженному корреляту, приемлемость (8) ожидаема. Таким образом, мы считаем, что коррелятивные клаузы в балкарском языке всегда выступают в качестве адьюнктов.

2.2. Неопределенные местоимения

Как было сказано во Введении, неопределенные местоимения функционируют как неопределенные именные группы и используются для ввода новых референтов в дискурс. Важно, однако, отметить, что на этом их семантический вклад не ограничивается.

Высказывания, содержащие неопределенные местоимения, вызывают эффект эпистемической неосведомленности говорящего относительно идентичности референта, которого вводит неопределенное местоимение. Данный эффект является обязательным. Это можно увидеть из невозможности указания на обратное, (9).

- (9) *kim e-sa da kel-di*
кто быть-COND даже приходиться-PST
men bil-e-me alim bol-van-in.
я знать-IPFV-1SG Алим быть-PFCT-ACC.3SG
‘Кто-то пришел. Я знаю, что это Алим.’

А также невозможности задать вопрос об идентичности референта, (10).

- (10) A: *fatima kim-ge e-se da erge cik-di.*
Фатима кто-DAT быть-COND даже замуж давать-PST
‘Фатима вышла за кого-то замуж.’
B: #*kim-ge?*

Принимая это во внимание, мы заключаем, что балкарские неопределенные местоимения являются так называемыми “Epistemic Indefinites” — выражениями, конвенционально передающими информацию о том, что говорящий неосведомлен об идентичности референта, которого они обозначают (см. Haspelmath 1997; а.о.).

Важное отличие неопределенных местоимений от коррелятивов заключается в том, что вопросительное слово должно быть маркировано тем падежом, который приписывает матричный предикат:

- (11) *fatima kim-*(ge) e-se da erge cik-di.*
Фатима кто-DAT быть-COND даже замуж давать-PST
‘Фатима вышла за кого-то замуж.’

Напротив, в коррелятивах падежом может оформляться только указательное местоимение (коррелят):

- (12) *kim-(*ge) e-se da fatima an-*(ga) erge cik-di.*
кто-DAT быть-COND даже Фатима тот-DAT замуж давать-PST
‘Кто бы это ни был, Фатима за того замуж вышла.’

Представленные выше факты указывают на то, что неопределенные местоимения, в отличие от коррелятивных клауз, занимают аргументную позицию.

3. Анализ

3.1. Коррелятивы

Для анализа коррелятивов мы опираемся на работу Demirok (2017), в которой разрабатывается формально-семантический анализ коррелятивов в турецком языке. Предлагаемый О. Демироком анализ включает следующие важные компоненты. Во-первых, в отличие от Dayal (1995), вопросительные слова рассматриваются не как релятивизирующие операторы (в турецком отсутствует *wh*-релятивизация), а как выражения обозначающие множества индивидуальных альтернатив в духе Hamblin (1973). Во-вторых, опираясь на анализ универсальных уступительных условных предложений в работе Rawlins (2017), О. Демирок предлагает считать, что коррелятивные клаузы обозначают множества условных антецедентов, а вся коррелятивная конструкция целиком — конъюнкцию множества условных предложений. Значение предложения в (5) при таком подходе может быть представлено как (13).

- (13) Если Джон приготовит пиццу, Мэри это съест &
Если Джон приготовит греческий салат, Мэри это съест...

Семантика максимальнойности, которую имеют коррелятивы, кодируется не в самой коррелятивной клаузе, а привносится коррелятом благодаря тому, что он интерпретируется как “E-type” местоимение. Местоимения такого рода реферируют к максимальным индивидам в контексте (Heim 1990).

Мы заимствуем анализ Demirok (2017) для балкарских коррелятивов, поскольку балкарский язык близок турецкому в нескольких релевантных аспектах. В частности, вопросительные слова нечувствительны к островным ограничениям: вопросительное слово, вложенное в синтаксический остров, можно проинтерпре-

тировать в матричной клаузе, (14). Подход, при котором вопросительное слово обозначает множество индивидуальных альтернатив, позволяет нам учесть это наблюдение.

- (14) *asijat [kerim ne-ni boja-van-da] kitap oqu edi?*
 Асият Керим что-ACC красить-PFCT-LOC книга читать быть-PST
 ‘Асият читала книгу, когда Керим красил что?’

Более того, как и в турецком, коррелятивные клаузы всегда выступают адьюнктами. Единственное релевантное различие между турецкими и балкарскими коррелятивами состоит в том, что в балкарском, в отличие от турецкого, коррелятивы содержат частицу *da* ‘даже’. Мы обсудим ее семантический вклад позже в разделе 3.3.

3.2. Неопределенные местоимения

Так как неопределенные местоимения образуются из тех же элементов, что и коррелятивные клаузы, но занимают аргументную позицию, мы можем предположить, что они на самом деле представляют собой безвершинные относительные придаточные.

Такой анализ, однако, не учитывал бы одного важного факта: в качестве глагола в неопределенных местоимениях может выступать только элемент *e-se* ‘быть-COND’. Если бы неопределенные местоимения были безвершинными относительными, мы бы не ожидали от них ограничений на выбор предиката.

Мы предлагаем альтернативный анализ. Неопределенные местоимения в балкарском языке не имеют клаузальную структуру. Элемент *ese* не интерпретируется как глагольный предикат, а является грамматикализованный показателем функции выбора (“choice-function”) (см. схожий подход к русским неопределенным местоимениям в Yanovich 2005, а также к неопределенным местоимениям в языке тива в Dawson 2019).

Аргументом в пользу такого анализа является возможность неопределенных местоимений интерпретироваться вне семантических островов и получать максимально широкую сферу действия. В частности, предложение в (15) может иметь два прочтения в зависимости от того, имеет ли неопределенное местоимения в antecedенте условной конструкции или за его пределами.

- (15) *kim e-se da kel-se*
 кто быть-COND даже приходить-COND

alim quani-riq-di.

Алим радоваться-FUT2-3SG

1. 'Алим будет рад конкретному человеку.' $OK\exists > if$

2. 'Алим будет рад любому человеку.' $OK^i if > \exists$

Анализ в терминах функции выбора позволяет нам объяснить этот факт без внедрения дополнительного инструментария, так как функция выбора свободна от стандартных ограничений на сферу действия и может быть проинтерпретирована на самом высоком уровне предложения (см., например, Reinhart 1997).

3.3. Частица *da* 'даже'

При обсуждении коррелятивов и неопределенных местоимений выше, мы игнорировали один из составных элементов этих конструкций — частицу *da* 'даже'. Каков семантический вклад этой частицы? Можно ли предложить единый анализ значения этой частицы в обеих конструкциях? Мы считаем, что базовый вклад частицы остается неизменным и соответствует тому, что обычно предполагается для частиц типа английского *even*: частица привносит скалярную пресуппозицию о том, что ее аргумент является одной из наименее ожидаемых контекстно-релевантных альтернатив (см., например, Kay 1990; Francescotti 1995). Критическое различие состоит в том, что именно является аргументом частицы в каждой из конструкций.

В коррелятивных конструкциях ее аргументом является коррелятивная клауза, обозначающая множество условных antecedентов. Соответственно предложение в (1a) получает следующее представление:

- (16) Даже если это Алим, он пришел &
 Даже если это Керим, он пришел ...

Предложение в (1a) имеет следующую пресуппозицию: множество альтернатив, обозначаемых antecedентом, являются одними из наименее вероятных исходов. Именно эта пресуппозиция ответственна за эффект «универсальности» наблюдаемый у коррелятивов: если консеквент верен для менее вероятных альтернатив, следовательно он также верен и для более вероятных альтернатив, что в свою очередь значит, что консеквент верен при любом исходе (см. схожий анализ смежных конструкций в дравидийских языках в работе Balusu 2019).

В неопределенных местоимениях аргументом частицы является элемент *ese*, обозначающий функцию выбора. Неформально функция выбора — это набор способов выбрать индивида из множества. Если частица *da* привносит пресуппозицию о том, что ее аргумент является одной из наименее вероятных альтернатив, значит (1b) имеет пресуппозицию, что индивид, относительно которого верен предикат, выбран одним из наименее вероятных способов. Мы предполагаем наличие следующего соответствия: чем менее вероятен способ выбрать индивида из множества, тем меньше информации он предоставляет адресату для корректной идентификации индивида. Эффект эпистемической неопределенности возникает именно благодаря этой пресуппозиции посредством следующего прагматического рассуждения. Почему говорящий использует один из наименее информативных способов выбрать индивида, про которого делает утверждение? Потому что говорящий не в состоянии использовать более информативные способы. Это, в свою очередь, вероятно, происходит из-за того, что говорящий неосведомлен относительно идентичности референта.

4. Заключение

В настоящей работе мы предприняли попытку предложить семантический анализ коррелятивов и неопределенных местоимений в балкарском языке.

Согласно этому анализу, вопросительные слова и частица *da* в рассматриваемых конструкциях имеют одинаковое базовое значение. Различия между ними возникают из-за разной интерпретации элементов, маркированных показателем Кондиционала. В коррелятивных конструкциях элементы, маркированные показателем Кондиционала, являются обычными глагольными предикатами, в то время как в неопределенных местоимениях элемент *ese* представляет собой грамматикализованный показатель функции выбора.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; COND — кондиционал; DAT — датив; DEM — демонстратив; FUT2 — второй футурум; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NEG — отрицание; PFCT — перфект; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Balusu 2019 — Balusu, R. (2019). Unifying NPIs, FCIs, and Unconditionals in Dravidian. Poster presented at NELS50.
- Dawson 2019 — Dawson, V. (2019). Paths to exceptional wide scope: Choice functions in Tiwa. Ms., University of California, Berkeley.
- Demirok 2017 — Demirok, Ö. (2017). A Compositional Semantics for Turkish Correlatives. Proceedings of WCCFL 34.
- Demirok 2019 — Demirok, Ö. (2019). Does the cross-linguistic distribution of *wh*-free relatives justify a semantic typology? Boğaziçi University, Nov 11.
- Francescotti 1995 — Francescotti, R. (1995). Even: The conventional implicature approach reconsidered. *Linguistics and Philosophy*, 18, 153–173
- Hamblin 1973 — Hamblin, C.L. (1973). Questions in Montague grammar. *Foundations of language*, 10(1), 41–53.
- Haspelmath 1997 — Haspelmath, M. (1997). *Indefinite Pronouns*. Oxford: Oxford University Press.
- Iatridou 2013 — Iatridou, S. (2013). Looking for free relatives in Turkish. Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics.
- Kay 1990 — Kay, P. (1990). Even. *Linguistics and Philosophy*, 13, 59–111.
- Krifka 2011 — Krifka, M. (2011). Questions. In *Semantics: An international handbook of natural language meaning*, ed. K. von Stechow, C. Maienborn, and P. Portner. De Gruyter, 1742–1785.
- Müller, Sternefeld 2013 — Müller, G., Sternefeld, W. (Eds.). (2013). *Competition in syntax* (Vol. 49). Walter de Gruyter.
- Rawlins 2013 — Rawlins, K. (2013). (Un)conditionals. *Natural Language Semantics* 40:111–178.
- Reinhart 1997 — Reinhart, T. (1997). Quantifier scope: How labor is divided between QR and choice functions. *Linguistics and Philosophy* 20, 335–397.
- Rooth 1992 — Rooth, M. (1992). A Theory of Focus Interpretation. *Natural Language Semantics* 1, 75–116.
- Srivastav 1991 — Srivastav, V. (1991). The syntax and semantics of correlatives. *Natural Language and Linguistic Theory* 9, 637–686.
- Yanovich 2005 — Yanovich, I. (2005). Choice-functional series of indefinite pronouns and Hamblin semantics. *Semantics and Linguistic Theory* 15, 309–326.

О грамматикализации одной дезидеративной формы в горномарийском языке*

Дарья Дмитриевна Мордашова
МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН
mordashova.d@yandex.ru

1. Введение

Предмет исследования в настоящей статье — семантика горномарийской частицы *âlnežă*, которая по своей внутренней форме является дезидеративом 3sg глагола *âlaš* ‘быть’. Данные были собраны методом анкетирования носителей языка в ходе полевой работы в с. Кузнецово (Горномарийский р-н, респ. Марий Эл) и окрестных деревнях (Тюманово, Апшак-Пеляк, Яшпатрово, Кожланангер) летом 2018–2019 г.¹ Некоторым свойствам частицы были посвящены доклады [Mordashova 2018] и [Аристова, Козлов 2018] (в последнем рассматривается материал говора с. Микряково).

Грамматические описания содержат лишь краткие упоминания частицы в сочетании с формами императивно-оптативной зоны, а также дезидеративного наклонения (в (1)–(3) сохранена система записи источников):

(1) *siră-∅* *âl-ne-žă*.
писать-IMP.SG быть-DES-3SG
‘Пиши, пожалуйста.’ [Саваткова 2002: 192]

(2) *mâń* *i-ne-m* *âl-ne-žă*.
я плавать-DES-1SG быть-DES-3SG
‘Я бы хотел поплавать.’ [Alhoniemi 1993: 122]

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627.

¹ Подробнее о Горномарийской экспедиции МГУ имени М. В. Ломоносова см. по ссылке: <http://hillmari-exp.tilda.ws/>.

- (3) *хоть* *ик* *гйна* *чонгешт-ын* *анжы-шаш* **ЫЛ-НЕ-ЖЫ.**
 хоть один раз летать-CVB смотреть-OPT быть-DES-3SG
 ‘Хоть бы раз, полетав, посмотреть.’ (на самолете)² [Коведяева 1976: 71]

Согласно [Саваткова 2002: 192], данная частица используется «для смягчения приказа, просьбы, желания», а в [Коведяева 1976: 71] утверждается, что она «чаще всего употребляется с формами повелительного наклонения». Наш материал, однако, свидетельствует о том, что дистрибуция *älnežä* значительно шире заявленного в грамматиках круга контекстов. Описание сочетаемости дается в следующем разделе и сопровождается характеристикой семантического вклада частицы в каждом случае.

2. Контексты употребления частицы

Частица *älnežä* может быть употреблена в финитной клаузе. Ее введение в предложение формирует **уступительный** контекст, при котором необходимо продолжение, находящееся в противоречии с содержанием высказывания, в которое было введено *älnežä*, ср. (4)–(5).

- (4) *vas'a* *piš* *jükšä* **äl-ne-žä,** *rul'-äškä* *šäc-ne-žä.*
 Вася очень пьяный быть-DES-3SG руль-ILL садиться-DES-3SG
 ‘Хотя Вася очень пьян, а за руль хочет сесть.’

- (5) *män'ä* *tidä-m* *äšt-en* *a-m* *mäštä* **äl-ne-žä,**
 я этот-ACC делать-CVB NEG.NPST-1SG мочь быть-DES-3SG
no *ät'ä-m* *soitok* *zastav-a.*
 но отец-POSS.1SG всё.равно заставлять-NPST.3SG
 ‘Хоть я и не умею этого делать, отец всё равно заставляет.’

Сочетание частицы с дезидеративной клаузой также интерпретируется как уступительное (6). При этом введение частицы, как правило, несовместимо с некатегоричностью (7), что вступает в несоответствие с данными грамматик (ср. (2) выше).

² Интерпретация данного предложения носителями, которых мы опрашивали, несколько отличается: ‘Вот бы однажды попробовать полетать’. Это может объясняться полисемией глагола *anžäš* ‘смотреть’, способного сдвигаться в семантику попытки в сложных глагольных комплексах.

(6) *män' piš mârâ-ne-m âl-ne-žä, no a-m kerd.*
 я очень петъ-DES-1SG быть-DES-3SG но NEG.NPST-1SG мочь
 'Я и хотел бы петъ, но не могу.'

(7) *män' kino-š tagaçâ ke-ne-m âl'â/ ??âl-ne-žä,*
 я кино-ILL сегодня идти-DES-1SG RETR1 быть-DES-3SG
no ke-te = ät kerd-äm.
 но идти-NEG.CVB = ADD мочь-NPST.1SG
 'Я хотел бы пойти в кино сегодня, но могу и не ходить.'

Семантика *âlnežä* в описанных выше контекстах приближается к семантике русского союза *хотя* и может быть определена следующим образом: *P âlnežä, Q* ('хотя *P*, *Q*') 'имеет место *P*, имеет место *Q*'; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа *P*, то имеет место ситуация типа не-*Q*' (ср. толкование рус. *хотя* в [Апресян 2015: 31]).

Другим любопытным употреблением данной частицы является контекст **косвенного речевого акта**, обладающего директивной силой (8)–(9). Так, произнося (8), говорящий призывает адресата предпринять активные действия в связи с текущей ситуацией 'собака лает' (например, открыть дверь пришедшим гостям или прогнать кошку).

(8) *pi opt-a âl-ne-žä.*
 собака лаять-NPST.3SG быть-DES-3SG
 'Собака лает. {Открой дверь!}'

(9) *tän'ä kavšta-m nâl-ân-ät âl-ne-žä.*
 ты капуста братъ-PRET-2SG быть-DES-3SG
 'Ты же купил капусту. {Не одолжишь мне немного?}'

Можно было бы предположить, что частица *âlnežä* будет сходным образом функционировать в вопросах, косвенно преобразуя их в утвердительные высказывания. Однако введение этой частицы в вопросы неграмматично (10).

(10) *tän'-ân ti kn'igä ulâ (*âl-ne-žä)?*
 ты-GEN этот книга ех быть-DES-3SG
 Ожид. зн.: 'У тебя ведь есть эта книга, не так ли?'

В контекстах косвенного речевого акта также имеет место противопоставление двух ситуаций P и Q, однако в них оно подвергается оценке не только со стороны говорящего, но и со стороны адресата: P *âlnežž* (Q) ‘говорящий утверждает, что имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место P, то должно иметь место не-Q (прагматически связанное с P), и предполагает, что адресат считает так же’.

В отсутствие эксплицитно или прагматически заданной ситуации Q, противопоставленной ситуации P, частица *âlnežž* может быть проинтерпретирована как показатель **соответствия действительности**. Так, в (11)–(12) она указывает на уверенность говорящего в истинности сообщаемой информации. Говорящий может сделать вывод об истинности сообщаемого, исходя из данных своего визуального опыта или опираясь на собственные знания о мире. Показательно, что употребление частицы в репортативных контекстах затруднено (13), поскольку информация из третьих рук далеко не всегда может служить для говорящего надежным источником для вынесения суждений об истинности.

- (11) *sirä-mäš-äm* *žžä-m* *kolt-en*
 писать-NMLZ2-ACC старший.брат-POSS.1SG посылать-PRET

âl-ne-žžä.

быть-DES-3SG

‘Письмо прислал мой старший брат, я точно знаю.’

- (12) *män' ške už-ân-am* *kâce pet'a* *mägär-en*
 я REFL видеть-PRET-1SG как Петя плакать-PRET

âl-ne-žžä.

быть-DES-3SG

‘Я сам видел, что Петя действительно плакал.’

- (13) *vas'a am'er'ikâ-š kej-en*
 Вася Америка-ILL идти-PRET

(*vekät* / *??âl-ne-žžä*) *man-ât.*

наверное быть-DES-3SG говорить-NPST.3PL

‘Говорят, Вася уехал в Америку.’

Семантика *ǎlnežǎ* в таких контекстах близка к русскому *действительно* (ср. [Активный словарь 2017: 67]): ‘говорящий утверждает, что имеет место Р; кто-то считал или утверждал, что имеет место Р’. Это подтверждается и языковой интуицией носителей, которые подбирают именно это наречие в качестве русского переводного эквивалента.

Кроме того, у частицы *ǎlnežǎ* возможны употребления, приближающиеся к рус. *правда*, которое выражает возражение на слова собеседника:

- (14) *vazǎ-m kot'i pǎdǎrt-en ǎl-ne-žǎ.*
 ваза-ACC кошка разбивать-PRET быть-DES-3SG
 ‘Это же кошка разбила вазу {а не мы с братиком}.’

Семантику частицы в такого рода контекстах можно было бы сформулировать следующим образом: ‘говорящий утверждает, что имеет место Р; кто-то считал или утверждал, что не имеет место Р’ (ср. толкование одного из употреблений рус. *правда* в [Апресян 2015: 267]: *Его правда ранили*, обычно произносится с сильным фразовым ударением).

Помимо контекстов с глаголом в форме индикатива или дезидератива, частица в исследуемых говорах может быть употреблена при формах **императивно-оптативной** серии. Сочетание *ǎlnežǎ* с императивом расценивается носителями как настойчивая просьба, частица при этом не интерпретируется как показатель вежливости или аналог рус. *пожалуйста*, как это имеет место в говоре с. Микряково, согласно [Аристова, Козлов 2018], ср. (15)–(16).³

- (15) *sǎkǎr-ǎm pu-da=j (??ǎl-ne-žǎ).*
 хлеб-ACC давать-IMP.PL = POL1 быть-DES-3SG
 ‘{В магазине:} Дайте, пожалуйста, хлеб.’

- (16) *palš-emǎ-dǎ ǎl-ne-žǎ.*
 помогать-POL2-IMP.PL быть-DES-3SG
 ‘Помогли бы уже.’

³ Форма «чистого» императива в исследуемых говорах воспринимается как категоричная. В (15)–(16) к форме императива добавляются приимперативные маркеры (= *aj* и *-emǎ*), служащие для выражения менее категоричной просьбы.

Семантическое представление императивных контекстов с *âlnežă* можно было бы сформулировать так: ‘Говорящий ожидает от слушающего, что тот сделает Р. Имеет место не-Р. Говорящий побуждает слушающего сделать Р’.

Аналогичное представление предлагается и для оптативных контекстов с *âlnežă*, в которых носители усматривают нетерпеливое ожидание желаемой ситуации (17): ‘Говорящий ожидает, что желаемое Р осуществится. Имеет место не-Р. Говорящий выражает желание, чтобы Р’.

- (17) *jur* *tol-šaš* *âl-ne-žă*.
 дождь приходить-ОПТ быть-DES-3SG
 ‘Вот бы дождь пошел.’ Комментарий носителей: «нетерпеливо ждут дождя».

При этом использование *âlnežă* с формами императива и оптатива в контрфактических контекстах не допускается (в таких случаях употребляются клитики ретроспективного сдвига, подробнее см. [Мордашова 2017]):

- (18) **tengečă* *xala-š* *ke-šăš* *âl-ne-žă*.
 вчера город-ILL ийти-ОПТ быть-DES-3SG
 ‘Вчера съездить бы в город {а то сегодня уже не получится}.’

- (19) #*škol* *pašte**k* *tân'* *vrač-eš* *tâmen'-ăš*
 школа после ты врач-LAT учиться-INF

ke-∅ *âl-ne-žă*.
 ийти-IMP.SG быть-DES-3SG

1. ‘{Сожаление родителей:} Пошла бы ты после школы на врача учиться!’ — *ожидаемое значение*
2. ‘{Пожелание родителей:} Вот бы ты пошла после школы на врача учиться!’ — *фактическое значение*

3. Обобщение и возможные типологические параллели

Изложенные данные позволяют сделать вывод о том, что *âlnežă* употребима в двух крупных группах контекстов: индикативные и дезидеративные клаузы vs. формы императивно-оптативной серии. Семантический вклад частицы зависит от контекста ее употребления. В контекстах индикативных и дезидеративных клауз она

имплицирует установку знания: ‘говорящий знает, что имеет место Р; Р истинно’, в то время как в императивно-оптативных контекстах частица имплицирует установку оценочного мнения: ‘говорящий считает, что Р правильно / желательно’ (при этом Р не имеет места в действительности). Это позволяет объяснить запреты на употребление частицы в вопросах и контрфактических контекстах с формами императивно-оптативной серии. Верификативный вопрос о Р не предполагает наличия у говорящего сведений об истинности Р. Императивно-оптативные контексты соотносятся с событием, которое еще не имеет места. Контрфактический контекст, напротив, навязывает интерпретацию ‘не-Р’, следовательно, нельзя утверждать, что Р потенциально может произойти.

В качестве одной из возможных типологических параллелей *ālnežā* можно рассматривать русскую частицу *ведь*. Согласно [Бонно, Кодзасов 1998: 428–429], «*ведь* указывает на то, что вводимая информация, будучи адекватной, является одновременно релевантной для правильной интерпретации ситуации адресатом речи. Гарантом адекватности является действительность, гарантом же релевантности является говорящий». При этом возможно два вида интерпретации ситуации в случае *ведь*: чисто когнитивная (вводимая с помощью *ведь* информация позволяет построить правильное знание) и когнитивно-поведенческая (вводимая информация позволяет выбрать правильное поведение).

В [Кобозева, Орлова 2008] частица *ведь* рассматривается в сопоставлении с немецкой частицей *ja*. Различие между маркерами заключается в имплицируемых установках: если *ведь* имплицирует установку знания (‘говорящий знает, что Р имеет место’), то *ja* имплицирует установку оценочного мнения (‘говорящий считает Р правильным, вне зависимости от того, имеет ли Р место в действительности’). Это позволяет объяснить допустимость *ja* и неграмматичность *ведь* в канонических императивных высказываниях (о специальных условиях, при которых снимается запрет на употребление *ведь* с императивом, см. [Левонтина 2005]).

4. Заключение

Частица *ālnežā* позволяет выделить прагматически значимую информацию: указать на верную с точки зрения говорящего связь между событиями или на расхождение с ней (в случае уступки и косвенного речевого акта, в императивных и оптативных контек-

стах); указать на верную информацию (в контекстах соответствия действительности), относительно которой адресат сомневается или заблуждается. Данный маркер обладает интерсубъективной (в понимании [Traugott 2010]) природой, поскольку практически все контексты (кроме уступительного, где говорящий сам раскрывает суть противоречия) требуют вовлечения адресата. Информация, вводимая частицей, важна для правильной интерпретации ситуации собеседником. Это во многом объясняет низкую частотность частицы в корпусе, собранном коллективом экспедиций, поскольку его тексты в основном представляют собой монологический нарратив.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CVB — конверб; DES — дезидератив; EX — экзистенциальная связка; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NMLZ2 — 2-я номинализация; NPST — непрошедшее время; OPT — оптатив; PL — множественное число; POL1,2 — приимперативные маркеры; POSS — посессивный показатель; PRET — претерит; REFL — рефлексив; RETR1 — клитика ретроспективного сдвига; SG — единственное число.

Литература

- Активный словарь 2017 — Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. (2017). Активный словарь русского языка. Т. 3: Д-З. Отв. ред. В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин. М.-СПб.: «Нестор-История».
- Апресян 2015 — Апресян В. Ю. (2015). Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры.
- Аристова, Козлов 2018 — Аристова М. В., Козлов А. А. (2018). О слишком широком употреблении горномарийского «пожалуйста» // Доклад на Студенческой конференции ИЛ РГГУ, Москва.
- Бонно, Кодзасов 1998 — Бонно К., Кодзасов С. В. (1998). Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Киселева К., Пайар Д. (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст. С. 382–443.
- Кобозева, Орлова 2008 — Кобозева И. М., Орлова С. В. (2008). Одноклеточные организмы общения под микроскопом: немецкая частица *ja* в сопоставлении с ее переводными эквивалентами *ведь* и *же* // Компьютерная

- лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М.: РГГУ. С. 199–205.
- Коведяева 1976 — Коведяева Е. И. (1976). Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / Лыткин В. И., Майтинская К. Е. и др. (ред.). М.: Наука. С. 3–96.
- Левонтина 2005 — Левонтина И. Б. Об одной загадке частицы ВЕДЬ // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2005». М.: Наука, 2005.
- Мордашова 2017 — Мордашова Д. Д. (2017). Аналитические конструкции с формами глагола ‘быть’ в горномарийском языке // Урало-алтайские исследования. №4. С. 59–77.
- Саваткова 2002 — Саваткова А. А. (2002). Горное наречие марийского языка. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola.
- Alhoniemi 1993 — Alhoniemi A. (1993). Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske.
- Mordashova 2018 — Mordashova D. (2018). Epistemic modality and its pragmatic effects: the case of a Hill Mari epistemic marker // International Conference on Evidentiality and Modality (talk). Madrid, Spain.
- Traugott 2010 — Traugott E. C. (2010). (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment // Davidse K., L. Vandelanotte, & H. Cuyckens (Eds.), Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalization. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. P. 29–71.

Эволюция отрицательного глагола в идиоме сибирских сето*

Владислав Андреевич Орлов

Московский государственный лингвистический университет
vladakanoi@mail.ru

1. Введение

В статье обсуждаются способы выражения отрицания (в первую очередь, стандартного отрицания в терминологии (Miestamo 2000)) в идиоме сибирских сето (прибалтийско-финская группа). Показывается, что отрицательный глагол, являющийся основным маркером отрицания в большинстве уральских языков, в данном идиоме утратил большую часть глагольных показателей и скорее является энклитикой.

Сето — один из малых прибалтийско-финских этносов, исконно населяющий территории юго-восточной Эстонии и запада Псковской области России. В силу экстралингвистических факторов сето в течение долгого времени существовали обособленно как от эстонцев (поскольку ещё в XV в. приняли православие), так и от русскоязычного населения.

В конце XIX – начале XXв. большая группа сето переселилась в ходе проходившей тогда аграрной реформы в Сибирь, где их потомки живут и сегодня. По-видимому, последними местами компактного проживания сибирских сето, где ещё сохраняется идиом, являются д. Новая Печера Рыбинского р-на Красноярского края и д. Хайдак в Партизанском р-не. Материал для настоящего исследования был собран в ходе летней экспедиции в д. Хайдак в 2019 г. Основным методом сбора информации был анкетный опрос.

2. Стандартное отрицание в прибалтийско-финских языках

Стандартное отрицание в прибалтийско-финских языках выражается с помощью спрягаемого отрицательного глагола, при котором смысловой глагол стоит в особой форме (коннегатив),

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-012-00802: «Комплексное социолингвистическое и грамматическое исследование идиома российских сето».

обычно совпадающей с глагольной основой (Агранат 2016: 101). Грамматические значения распределяются между отрицательным и смысловым глаголом. Количество категорий, выражаемых в отрицательном глаголе, варьируется. Максимальное количество показателей в словоформе отрицательного глагола — 3 (время, лицо, число), как например, в отдельных диалектах эстонского. Минимальное — 0 (эстонский литературный язык).

(1)а. эстонский диал.

e-si-n *anna*

NEG-IPF-1SG давать.CON

‘Я не дал.’ (Агранат 2016: 101)

b. эстонский литературный

[*sa*] *ei* *lähe*

2SG NEG идти.CON

‘Ты не идёшь.’ (Тамм 2015: 401)

3. Стандартное отрицание в идиоме

В идиоме сибирских сето отрицательный глагол утратил показатели лица и числа, но сохранил показатель претерита. Таким образом, возможные словоформы *ei* — для настояще-будущего времени (2а), *es* — претерит (2с). К особенностям идиома следует отнести чередование позиции маркера отрицания относительно лексического глагола.

(2)а. *Ma* *ei* *tiä*²

1SG NEG знать.INF

‘Я не знаю.’

b. *timä* *tiä-i* (<*tiä*² *ei*) *midä-gi*

3SG знать-NEG что.PART-FOC

‘Он(а) ничего не знает.’

c. *mi* *maka-s* (*maka*² < *es*) *kõik* *üü*

1PL спать-NEG.PRET весь ночь

‘Мы не спали всю ночь.’

В постпозиции отрицательный глагол безударен. Примеры (2b–с) также показывают, что маркер отрицания часто присоединяется к предшествующему лексическому глаголу с выпадением

начальной гласной маркера. Всё это позволяет охарактеризовать маркер отрицания в идиоме как энклитику. В то же время в препозиции отрицательный глагол находится под ударением, и фюзии не происходит, что видно на примере (3).

- (3) *timä ela es taha maka*
 3SG вчера NEG.PRET хотеть.CON спать.INF
 ‘Вчера он не хотел спать.’

4. Факторы, влияющие на позицию маркера отрицания

Сам факт возможной постпозиции показателя отрицания в прибалтийско-финских языках не нов и обсуждался, например, в (Honti 1997). В (Viitso 2003: 225) говорится, что маркер отрицания у эстонских сето употребляется после лексического глагола, но ничего не говорится о возможной препозиции. В идиоме сибирских сето, судя по нашим данным, постпозиция более частотна среди носителей, свободно владеющих языком.

В Евангелии, переведенном на сето в 1920-х годах, постпозиция отрицания используется в подавляющем большинстве случаев. Предварительный анализ показывает, что среди примерно трёхсот случаев употребления стандартного отрицания препозиция встретилась лишь в 8. Примеры показывают, что в большинстве этих случаев имеется эмфаза отрицания предиката.

- (4) a. *ja viina ja vägijuuki ei juu' tä*
 и вино и сикера NEG пить.NEG он
 ‘Не будет пить вина и сикера...’ (Лк. 1:15)

- b. *kas sa ei hooli' et mi hukka' läämi*
 Q 2SG NEG нуждаться.CON COMP 1PL потеря идти.1PL
 ‘Неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?’ (Мк. 4:38)

Нужно отметить, что в тексте (Лк. 10:40) встречается также постпозиция отрицания в контексте, аналогичном (4b).

Наши информанты также говорят, что они употребляют препозицию, когда хотят выделить отрицательный элемент и таким образом подчеркнуть отрицание предиката, то есть положение маркера отрицания определяется коммуникативным членением фразы. Если это верно, то в идиоме наблюдается ситуация зеркальная ситуации в вепском, описанной в (Honti 1997: 168), где для помещения фокуса на маркер отрицания используется постпозиция.

Среди других факторов, влияющих на позицию маркера отрицания относительно лексического глагола, следует также отметить следующее:

- 1) Уровень владения языком. Информанты, забывшие либо не пользующиеся языком уже долгое время, намного чаще употребляют препозицию маркера отрицания;
- 2) Интенсивный контакт с русским языком в последние сто лет;
- 3) Влияние языка-посредника (русского) при элицитации.

5. Конструкция с двойным отрицанием в идиоме

Слабая выраженность отрицания в постпозиции может объяснить наличие в идиоме конструкции с двойным отрицанием в претерите типа *ei tahass* — он не хотел, которые обсуждались в работах Савиярви для островных диалектов эстонского (по Honti 1997: 167). Здесь в препозиции употребляется форма *ei*, в постпозиции — *s*.

У сибирских сето употребление данной конструкцией ограничено сложными предложениями типа (5a) в контексте, когда субъект имел намерение или обязанность выполнить действие и не выполнил его. Обратим внимание, что в данном случае эта конструкция выражения отрицания, по-видимому, обязательна, о чем свидетельствует сомнительная грамматичность (5b). В иных контекстах, в частности, в простом предложении говорящие однозначно считают данный способ выражения отрицания неграмматичным (5c).

(5)a. *timä piat mu-llõ raha-? andõ ei ana-s*
 3SG должен 1SG-ALL деньги-PL давать-INF NEG давать-NEG.PRET
 ‘Он должен был отдать мне деньги, а не отдал.’ {a = b = c}

b. ?*timä piat mu-llõ raha-? andõ ana-s*
 3SG должен 1SG-ALL деньги-PL давать-INF давать-NEG.PRET

c. **timä ei ana-s mu-llõ raha-?*
 3SG NEG давать-NEG.PRET 1SG-ALL деньги-PL

Савиярви предположил, что данная конструкция могла развиваться следующим образом:

(6) *es V < es V es < V es < V-s < ei V-s* (Honti 1997: 167)

Он исходит из того, что конструкция *es V es* развилась в качестве показателя эмфатического отрицания, как, например, в вепском. Впоследствии маркер в препозиции утратился из-за избыточности этой конструкции, а постпозитивный элемент подвергся фузии с лексическим глаголом. Слабость этой конструкции в выражении отрицания привела к тому, что говорящие стали усиливать его с помощью препозитивного *ei*, который в данном случае может рассматриваться как маркер отрицания, а постпозиция — как показатель претерита.

В тексте Евангелия мы действительно находим форму типа *es V es*, где, однако, уже наблюдается фузия постпозиции:

(7) *ja tä tull' ja otsõ viljä tä päält*
 и 3SG приходить.PRET и искать.PRET плод 3SG на

ja es lövvä-s
 и NEG.PRET находить.PRET

‘И пришел искать плода на ней и не нашел.’ (Лк. 13:6)

Однако мы не думаем, что конструкция (5а) в сето развивалась по пути, предложенному Савиярви. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что (7) была возможна уже при преобладании постпозиции как основного места маркера отрицания во времена перевода Евангелия на сето. Логичнее было бы предположить, что (5а) — это результат переосмысления (7), при котором исчезает избыточность в выражении прошедшего времени. Примерную эволюцию этой конструкции в таком случае следует представить в виде *es V-s (es) < ei V-s*. Более ранние стадии отследить сложно из-за отсутствия источников, однако можно предположить, что конструкции, подобные (5а) развивались уже после закрепления постпозиции маркера отрицания. Добавление второго маркера в позицию перед лексическим глаголом способствовало большей эмфазе отрицания, что несомненно соответствуют семантике конструкций, подобных (5а), где в фокусе находится именно та часть пропозиции, где сообщается о нереализованности действия.

6. Выводы

Таким образом, собранный материал, показывает, что в идиоме сибирских сето наблюдается значительная степень деградации

отрицательного глагола, который фактически превратился в энклитику. Преобладание постпозиции маркера отрицания при господствующем порядке слов SVO, наблюдаемая в сето — это типологически довольно редкая черта (в выборке (Dryer 2013) представлены лишь 2 примера). Препозиция маркера отрицания является более маркированной (более точная характеристика этой маркированности требует дальнейшего изучения), что выделяет идиом на фоне родственных прибалтийско-финских языков.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ALL — аллатив; COMP — комплементаризер; CON — коннегатив; FOC — фокусная частица; INF — инфинитив; NEG — маркер отрицания; PART — партитив; PL — множественное число; PRET — претерит; Q — вопросительная частица; SG — единственное число.

Литература

- Агранат 2016 — Агранат Т.Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. М., «Языки народов мира», 2016.
- Dryer 2013 — Dryer M.S. 2013. Position of Negative Morpheme With Respect to Subject, Object, and Verb. // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/144>, Accessed on 2020-06-27.).
- Miestamo 2000 — Miestamo M. Towards a typology of standard negation // *Nordic journal of linguistics*, 23. 2000. P. 65–88.
- Honti 1997 — Honti L. Die Negation im Uralischen II // *Linguistica Uralica*, 1997. XXXIII. № 3. P. 161–173.
- Tamm 2015 — Tamm A. Negation in Estonian // Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B. (eds.). *Negation in Uralic Languages*. Amsterdam, John Benjamins. P. 399–432.
- Vitso 2003 — Vitso T. Rise and Development of the Estonian Language // Ereht M. (ed). *Estonian language*. *Linguistica Uralica Supplementary series/ Volume 1*. Tallin, Estonian Academy Publishers. P. 130–230.

Источники

- Puusepp E. (tõl.). *Mi' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium*. Matvei, Marki, Luka ni Joanni kirotoõt. Seto Institut. 2013.

Маркирование множественного числа в казымском диалекте хантыйского языка*

Денис Юрьевич Писаренко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
denisyurievichpisarenko@gmail.com

1. Введение

Казымский диалект — один из диалектов хантыйского языка, принадлежащего к обско-угорской группе финно-угорской ветви уральской семьи языков. Несмотря на то, что в настоящее время хантыйский язык активно изучается в рамках экспедиционных исследований, категория числа в хантыйском языке по-прежнему остаётся слабо изученной. Данная статья посвящена изучению обязательности маркирования множественного числа на именных группах (ИГ), обозначающих множественные объекты.

Исследование основывается на материалах, собранных в двух экспедициях НИУ ВШЭ и МГУ в с. Казым (Белоярский р-н, ХМАО) под руководством С. Ю. Толдовой. Основная часть данных собрана в экспедиции, проходившей в июне-июле 2019 года, некоторые данные собраны в апреле 2020 года. Также в рамках исследования использовался корпус текстов на хантыйском языке общим объёмом в 42174 словоупотреблений, разработанный Е. В. Кашкиным в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012–2014 гг.) и материалы из грамматик казымского диалекта [Каксин 2010] и дружественного ему обдорского диалекта хантыйского языка [Nikolaeva 1999].

2. Общие замечания о категории числа

Для большей части языков мира типична ситуация, при которой для обозначения единственного числа используется немаркированная форма существительного, а множественное число маркируется специальным показателем. Причём если показатель множественного числа не может помещаться на именных груп-

* Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

пах, обозначающих один предмет, то немаркированная форма в разных ситуациях может обозначать как один, так и несколько предметов. Это подтверждается выводами, сделанными в [Bale, Khanjian 2014] для западно-армянского.

(1)а. **John-ə dəgha-ner e.*

ДЖОН-DEF мальчик-PL COP

Ожид. зн.: ‘Джон — мальчик.’

б. *John-ə yev Brad-ə dəgha-ner en.*

ДЖОН-DEF и БРЭД-DEF мальчик-PL COP

‘Джон и Брэд — мальчики.’ (Bale, Khanjian 2014: 4)

Как видно из примера (2), существительное с маркером множественного числа не может обозначать единичный объект даже в ситуациях, предусматривающих “downward entailing”:

(2) *Amen mart vor bəzdig-ner uner*

все человек который ребёнок-PL имел

vodk-i gajnetsav.

нога-DAT встал

‘Каждый, у кого было больше одно ребёнка, встал.’ (ibid.: 4)

При этом немаркированная форма может интерпретироваться по-разному (3), а в сочетаниях, где количество объектов выражено числительным, может использоваться как маркированная, так и немаркированная форма (4). В то же время немаркированные опделённо-референтные ИГ обозначают строго один объект (5).

(3) *Dəgha vasets.*

мальчик бежал

‘Один или несколько мальчиков бежали.’ (ibid.: 2)

(4) *Yergu dəgha(-ner) vazets(-in).*

два мальчик(-PL) бежал(-3PL)

‘Два мальчика бежали.’ (ibid.: 5)

(5)а. *Yergu dəgha-ner-ə vazets-in.*

два мальчик-PL-DEF бежал-3PL

‘(Эти) два мальчика бежали.’ {a = b} (ibid.: 7–8)

- b. *Yergu *dagha-n* *vazets*.
 два мальчик-DEF бежал

3. Замечания о категории числа в хантыйском языке

Существительные противопоставляются по единственному, двойственному и множественному числу. Показателем множественного числа служит суффикс *-ət/-at*, форма единственного числа не маркирована. При этом в ряде случаев немаркированная форма может использоваться и для обозначения предметов количеством больше двух. Так, в [Каксин 2010] выделяется большой класс существительных, которые обычно употребляются в немаркированной форме, даже когда речь идёт о большом количестве объектов (6). Там же отмечается запрет использовать маркированную форму с числительными. В [Nikolaeva 1999] отмечается обнаруженная в обдорском диалекте тенденция маркировать только определённо-референтные ИГ.

- (6) *пщw sewər-s-əw ullot-a*
 ветка рубить-PST-1PL постель-DAT
 ‘Нарубили веток для постели.’

В ходе исследования в качестве факторов, способных повлиять на наличие или отсутствие числового показателя рассматривались положение ИГ в Иерархии одушевлённости [Corbett 2000], референциальный статус [Nikolaeva 1999] и синтаксическая позиция ИГ. [Heine, Koenig 2010].

4. Тенденции в числовом маркировании на материале полевых данных

Числовое маркирование сохраняется на всех одушевлённых ИГ в позиции субъекта (7), а также на всех ИГ, обозначающих людей (8)

- (7) *aškola ńawrem-ət jщχ omsəλ-s-ət*
 школа ребёнок-PL дерево сажать-PST-3PL
 ‘Школьники посадили деревья.’

- (8) *jaj-λ-an sātəŋ-a tājti mos-λ*
 ст.брат-PL-POSS.2SG со.стороны.сердца-DAT иметь нужный-NPST[3SG]
 ‘Братьев надо любить.’

Для одушевлённых ИГ, не обозначающих людей, числовое маркирование обязательно только в позиции субъекта (9). В позиции прямого объекта немаркированная форма разрешается (10).

- (9) *ísipa tāta wɥle-t / ?wɥli*
 возможно здесь олень-PL олень
χəχəl̥ti pit-λ-ət / ?pit-λ
 бегать быть-NPST-3PL быть-NPST[3SG]
 ‘Может быть, здесь {когда-нибудь} будут бегать олени.’

- (10) *λnw wɥli / wɥle-t λapt-əs*
 он олень олень-PL кормить-PST[3SG]
 ‘{Что он сделал?} Он покормил оленей.’

В то же время, выявленные тенденции могут нарушаться по прагматическим причинам. Так, отсутствие запрета на немаркированную форму одушевлённого субъекта в (11) может быть обусловлено представлением о комарах как о менее дискретной массе (для существительных, обозначающих массу, отсутствие числового показателя естественно, см. (6)).

- (11) *peλɣa / peλɣaj-et pa*
 комар комар-PL ADD
ǎn pur̥sant-λ / pur̥sant-λ-ət
 NEG кусаться-NPST[3SG] кусаться-NPST-3PL
 ‘Комары теперь не кусают.’

Для неодушевлённых ИГ главным фактором является их референциальный статус. Независимо от синтаксической позиции, немаркированная форма разрешается для нереферентных ИГ (12) и запрещается для определённо-референтных ИГ (13).

- (12) *pɯt-ət / pɯt oməs-λ-ət / oməs-λ pǎsan əχtein*
 котёл-PL котёл стоять-NPST-3PL стоять-NPST[3SG] стол на
 ‘Кастрюли {обычно} стоят на столе.’

- (13) *ma pɯt-ət / *pɯt om-s-ət tɯt-a*
 я котёл-PL котёл ставить-PST-1SG огонь-DAT
 ‘Я поставил кастрюли на огонь.’

5. Заключение

Факторы, влияющие на обязательность наличия показателя множественного числа на хантыйских ИГ, можно представить в виде следующей иерархической модели взаимодействия, где + обозначает способность данного фактора влиять на стратегию маркирования, а +! обозначает, что этот фактор имеет для данного типа ИГ наибольшее значение.

Таблица 1. Факторы, влияющие на обязательность наличия показателя множественного числа в хантыйских ИГ

	Положение в иерархии одушевлённости	Синтаксическая позиция	Референциальный статус
Родственники	+!		
Лица	+!		
Одушевлённые	+	+!	+
Неодушевлённые	+		+!

В то же время действие всех перечисленных факторов требует дополнительной проверки. В частности, следует изучить стратегии маркирования в вопросительных и отрицательных предложениях, на непрямых объектах, а также проверить возможное влияние прагматики и глагольной семантики на употребление маркированной или немаркированной формы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ADD — аддитивная частица; COP — связка; DAT — датив; DEF — определённый артикль; NEG — отрицательная частица; NPST — прошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Каксин 2010 — Каксин А. Д. (2010) Казымский диалект хантыйского языка. Второе дополненное издание. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ.
- Bale, Khanjian 2014 — Bale A., Khanjian H. (2014) Syntactic Complexity and Competition: The Singular-Plural Distinction in Western Armenian. *Linguistic Inquiry* 45(1), P. 1–26.
- Corbett 2000 — Corbett G. (2000) *Number*. Cambridge University Press, 2000.
- Grimm 2013 — Grimm S. (2013). Plurality is distinct from number-neutrality. // *Proceedings of NELS* 41.
- Heine, Koenig 2010 — Heine B., Koenig C. (2010) On the linear order of ditransitive objects. *Language Sciences*, 2010. 32(1), P. 87–131.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. A. (1999) *Ostyak*. LINCOM Europa.

Информационный ресурс «Малые языки России»: задачи и специфика

Константин Константинович Поливанов

Институт языкознания РАН
polivanov.studio@gmail.com

Ольга Анатольевна Казакевич

Институт языкознания РАН / Российский государственный гуманитарный
университет / МГУ имени М. В. Ломоносова
kazakevich.olga@gmail.com

Наталья Вадимовна Сердобольская

Институт языкознания РАН
serdobolskaya@gmail.com

Заира Маджидовна Халилова

Институт языкознания РАН
zaira.khalilova@gmail.com

Елена Михайловна Будянская

Институт языкознания РАН
budyanskaya.lena@gmail.com

Анастасия Павловна Евстигнеева

Институт языкознания РАН / МГУ имени М. В. Ломоносова
evstigap@gmail.com

Карина Олеговна Мищенко

Институт языкознания РАН /
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН
karinam6@mail.ru

Дарья Дмитриевна Мордашова

Институт языкознания РАН / МГУ имени М. В. Ломоносова
mordashova.d@yandex.ru

Софья Владимировна Покровская

Институт языкознания РАН
sofie.v.pokrovskaya@gmail.com

Евгения Алексеевна Ренковская

Институт языкознания РАН
jennyrenk@gmail.com

1. Введение

Сайт «Малые языки России»¹ создается на базе Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания Российской академии наук как общедоступный информационный интернет-ресурс, содержащий материалы о структуре и функционировании миноритарных языков России и их локальных вариантов.

Главной задачей данного ресурса является систематизация имеющихся сведений по конкретным языкам, а также регулярное пополнение этих сведений актуальной информацией. В связи с этим центральное место на сайте отводится разделу «Языки», включающему список малых языков России², каждый из которых будет описан по единому шаблону (подробнее о странице языка см. раздел 2).

В качестве одного из основных источников материала планируется использовать полевые данные, в частности, данные экспедиций последних лет. Для получения этих материалов мы обращаемся напрямую к исследователям — специалистам по конкретным языкам — как в России, так и за рубежом. Кроме того, мы используем результаты всероссийских и всесоюзных переписей населения (в частности, 1989, 2002, 2010 гг.). Помимо этого, мы привлекаем также ранние описания языков, по большей части относящиеся к прошлому столетию, что позволяет отслеживать динамику языковой ситуации в случае каждого конкретного языка.

При разработке ресурса мы принимаем во внимание уже имеющийся опыт в области социолингвистических описаний языков

¹ Пилотная версия сайта доступна по ссылке <http://minlang.iling-ran.ru>.

² Мы ориентируемся на список языков России, подготовленный Ю.Б. Коряковым и опубликованный на сайте Института Языкознания РАН: <https://iling-ran.ru/web/ru/jazykirf>.

России и мира (см. [Kloss, McConnell 1978; Padmanabha et al. 1989; Kloss et al. 1989; McConnell, Tan Ke Rang 1995; McConnell 1998; МакКоннелл и др. 2000; Нерознак 2002; Михальченко 2003; Михальченко 2016]). Кроме того, мы используем опыт разработки интернет-ресурса «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»³ (см. [Kazakevich et al. 2013]).

Нашей целевой аудиторией являются, с одной стороны, лингвисты, этнологи, историки, этнополитики, а с другой — языковые активисты и все интересующиеся языками нашей страны, культурой и традициями ее народов.

На момент написания статьи на сайте размещены материалы по 12 языкам: 4 языка Сибири с количеством носителей от 20 до 60 человек (чулымско-тюркский, тофаларский, лесной энецкий, кетский), 4 языка Дальнего Востока с количеством носителей от 2 до 10 человек (медновский алеутский, алеутский, уильтинский (орокский), негидальский), 1 язык севера Европейской части России с количеством носителей менее 10 человек (водский) и 3 языка Северного Кавказа с количеством носителей от 500 до 10000 человек (хваршинский, чирагский, бежтинский).

2. Страница языка

Страницу каждого языка открывает краткая информация о языке в формате тегов «Носители», «Ареал», «Семья» и «Статус EGIDS» (подробнее о шкале EGIDS см. [Lewis, Simons 2010]) и ознакомительной текстовой заметки. Более подробная информация о генетических и ареальных характеристиках языка находится в разделах «Генеалогия» и «Распространение». В последнем приводится фрагмент интерактивной карты языков России (вся карта целиком представлена на главной странице сайта), на котором точно отображается распределение локальных вариантов конкретного языка по населенным пунктам.

Далее следует один из центральных разделов с представлением социолингвистических данных о каждом языке в единой форме: указываются количество носителей в разные периоды времени, юридический статус, наличие письменности и литературной нормы, сферы функционирования языка, языковые контакты и распространение многоязычия среди носителей этого языка.

³ Данный интернет-ресурс доступен по ссылке <http://siberian-lang.srcc.msu.ru>.

Кроме того, для каждого языка дается краткая информация о его структуре по основным лингвистическим разделам (фонетика, морфология, синтаксис, лексика), приводится список основных публикаций (грамматики и грамматические очерки, словари, избранные работы по отдельным аспектам грамматики, публикации текстов на языке, работы по социолингвистике и этнологии), а также ссылки на доступные электронные ресурсы (корпуса текстов, словари и т. д.). Дается справка по истории исследования языка, а также указываются актуальные специалисты по этому языку и научные центры, где ведутся исследования языка. Наконец, приводится информация о наличии административной и общественной поддержки языка, в том числе со стороны неправительственных организаций и языковых активистов.

В качестве иллюстрации дается несколько текстов на разных локальных вариантах языка с морфологической индексацией и переводом на русский язык, их аудиозапись и, по возможности, видеозапись. Информация по языку сопровождается небольшой подборкой фотографий из районов, где были собраны материалы.

3. Этапы и проблемы разработки

3.1. Процесс подготовки данных

На первом этапе были аккумулированы имеющиеся сведения о языках (и информация о том, что может понадобиться отобразить в перспективе). После определения последовательности и форм вывода этих данных для тех или иных элементов информации подбирались наиболее подходящие современные виджеты с учетом потенциальных расхождений в объеме данных. При этом принимались во внимание возможные пользовательские сценарии взаимодействия с сайтом. По итогам принятых договоренностей было выработано техническое задание для дальнейшей работы.

3.2. Модель данных

На основе полученных данных (условного технического задания) строилась модель: определялись структура и логика, типы данных, их свойства и атрибуты, а также связь между ними. Затем для каждого логического элемента выбиралось наиболее подходящее техническое решение. При этом тщательно продумывались визуальные (графические) представления. Таким образом, реализовывался дизайн в полном смысле этого слова (логика, структура, представление и стиль).

Помимо статичных текстовых страниц и страниц языков, программировались также страницы и блоки, на которых представлены данные из разных разделов, с определенными критериями фильтра и сортировки. При этом достаточно времени было уделено обдумыванию и программированию навигации как по сайту целиком, так и по конкретным его разделам, особенно большим, чтобы пользователь максимально быстро мог получить доступ к интересующей его информации.

На последнем этапе прописывались соответствующие шаблоны для ввода и вывода данных с минимальным количеством лишних элементов обертки html и максимальным соответствием поставленным задачам. В итоге определенные нами логика и структура превратились в рабочий механизм.

3.3. Управление содержимым

Для управления содержимым сайта необходимо было создать максимально удобные формы и пользовательский интерфейс, чтобы редактор без каких-либо специальных знаний и навыков (HTML, CSS) мог в полной мере дополнять и редактировать содержимое сайта. В частности, был создан механизм, с помощью которого автоматически выставляются принятые кавычки и тире, а также исключаются «висячие» предлоги в конце строк.

3.4. Виджеты и интерфейс

Виджеты и интерфейсы тщательно подбирались и писались для каждого случая в отдельности. Принимался во внимание тот факт, что они должны доступно и внятно представлять информацию, чтобы пользователю было удобно найти ту или иную кнопку и при нажатии на нее было интуитивно понятно, какой тип информации откроется.

Отметим, что работоспособность используемых и программируемых библиотек (JS, jQuery и т. д.) обязательно тестировалась на кроссбраузерность (поддержка всеми актуальными версиями основных браузеров). Это же касается виджетов и пользовательских интерфейсов, построенных, в частности, на CSS3 и HTML5.

3.5. SEO-оптимизация

Был запрограммирован механизм, который на основе введенных данных формирует метатеги. При необходимости на любой странице эти теги можно отредактировать. Это нужно для того,

чтобы сайт определенным образом представлялся в поисковых системах Yandex и Google, а также в социальных сетях (Facebook, Twitter, ВКонтакте и т. д.). Заложен механизм, позволяющий делиться страницами сайта в социальных сетях при нажатии на специальную кнопку. Загружаемые на сайт изображения автоматически оптимизируются для публикации в web, чтобы их загрузка не мешала загрузке страниц. Это в том числе положительно сказывается на индексировании сайта.

Таким образом, код страниц собран в соответствии с принятыми стандартами. Это способствует лучшему индексированию внешними системами, а также правильному разбору DOM-дерева.

3.6. Мобильные устройства

Верстка страниц сайта ориентирована на современные стандарты верстки. Все шаблоны вывода имеют адаптивный дизайн для корректного представления на мобильных устройствах. Все представления данных проходят тестирование на корректность отображения на различных устройствах, в том числе мобильных.

3.7. Сервер

Сервер, который работает под управлением Ubuntu, регулярно обслуживается, равно как и сопутствующие системные элементы серверной архитектуры, используемые сайтом. Кроме обслуживания сервера, обслуживается также и программное обеспечение сайта, построенное на CMF/CMS Drupal 8: своевременно устанавливаются актуальные обновления ядра, а также необходимых модулей и библиотек. К сайту подключен https-сертификат: доступ происходит по защищенному https-протоколу. Настроен своевременный автоматический перевыпуск сертификата. Подключена система защиты от брутфорса (подбор пароля), спам-ботов и DDoS-атак.

4. Заключение

На текущий момент завершены основные работы по проектированию структуры страницы языка и шаблонов представления. При этом многие технические задачи не теряют своей актуальности: автоматизация процессов внесения данных; доработка имеющихся шаблонов представлений; адаптация шаблонов сайта

под работу с большим количеством языков; обеспечение кросс-браузерности и кроссплатформенности. Следующим этапом работы является наполнение сайта новым материалом: в течение нескольких лет планируется охватить весь список языков России.

Литература

- МакКоннелл и др. 2000 — МакКоннелл Г.Д., Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. (ред.) (2000). Письменные языки мира: Российская Федерация. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М.: Academia.
- Михальченко 2003 — Михальченко В.Ю. (ред.) (2003). Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Книга 2. М.: Academia.
- Михальченко 2016 — Михальченко В.Ю. (ред.) (2016). Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник».
- Нерознак 2002 — Нерознак В.П. (ред.) (2002). Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник [Исправленное и дополненное издание]. М.: Academia.
- Kazakevich et al. 2013 — Kazakevich O.A., Vorontsova M.I., Kliachko E.L., Polivanov K.K. Multi-Functional Web-Site “Minority Languages Of Siberia As Our Cultural Heritage” // Материалы, принятые к публикации на сайте 19-ой Международной научной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог 2013». М., 2013 (электронная публикация). Доступ по ссылке: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/KazakevichOA.pdf>.
- Kloss, McConnell 1978 — Kloss H., G.D. McConnell (eds.) (1978). The written languages of the world: A survey of the degree and modes of use. Vol. 1: The Americas. Quebec: Laval University Press.
- Kloss et al. 1989 — Kloss H., A. Verdoodt, G.D. McConnell (eds.) (1989). The written languages of the world: A survey of the degree and modes of use. Vol. III: Western Europe. Quebec: Laval University Press.
- Lewis, Simons 2010 — Lewis M. Paul and Gary Simons. (2010). Assessing Endangerment: Expanding Fishman’s GIDS // *Revue Roumaine de Linguistique/Romanian Review of Linguistics*, v. 2.
- McConnell, Tan Ke Rang 1995 — McConnell G.D., Tan Ke Rang (eds.) (1995). The written languages of the world: A survey of the degree and modes of use. Vol. IV: China (2 books). Quebec: Laval University Press.
- McConnell 1998 — McConnell G.D. (1998). *Les Langues Écrites du Monde: Afrique Occidentale*. Québec: Les Presses de l’Université Laval.
- Padmanabha et al. 1989 — Padmanabha P., B.P. Mahapatra, V.S. Verma, G.D. McConnell (eds.) (1989). The written languages of the world: A survey of the degree and modes of use. Vol. II: India (2 books). Quebec: Laval University Press.

Конструкции со вспомогательным глаголом в карачаево-балкарском языке: картографический анализ*

Пётр Олегович Россыйкин
МГУ имени М. В. Ломоносова
petrossyaykin@gmail.com

1. Введение

В карачаево-балкарском языке существует характерная для тюркских языков система конструкций, известных, среди прочего, как «сложные глаголы» (Урусбиев 1976: 202) или «бивербиальные конструкции» (Насилов 1989: 12; Шлуинский 2009). Часто (см. Лютикова и др. 2006; Гращенков 2015; Татевосов и др. 2017) они рассматриваются как частный случай сериализованных, или сериальных, конструкций в широком понимании (Durie 1997; Aikhenvald & Dixon 2006).

Гращенков (2015) предлагает разделение тюркских сериальных конструкции на конструкции со вспомогательным глаголом (КВГ) и сложные глаголы (СГ). В КВГ лексический глагол выражает лексическое значение, а сериализатор (вспомогательный глагол) — грамматическое (1); в СГ лексический глагол — выражает образ действия, а сериализатор — результат (также выделяются СГ с директивной семантикой). Тюркские КВГ и СГ соответствуют асимметричным и симметричным сериализациям в кросс-лингвистической классификации, предложенной А. Айхенвальд (Aikhenvald 2006).

(1) карачаево-балкарский (Гращенков 2015: I.3.10)

къызычыкъ жьырла-п ий-ди
девушка петь-CONV посылать-PST
'Девушка запела.'

* Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627а. Языковые данные были собраны в с. Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики в ходе экспедиции ОТиПЛ МГУ в 2019 г.

2. Контраст: КВГ с глаголом *tur* и каузативизация

В данной работе мы рассматриваем КВГ со вспомогательным глаголом *tur*- ‘стоять’, относящимся к наиболее грамматикализованным во многих тюрских языках (Гращенко 2015: 61-65). В карачаево-балкарском он образует сериализации с результативным деепричастием на *-p*¹ и имперфективным деепричастием на *-A/-j*². Обе формы деепричастий также употребляются финитно. При этом конструкция *V-p tur* более продуктивна и грамматикализована: она практически не имеет лексических ограничений и более частотна в спонтанных текстах и спонтанных реакциях носителей (Лютикова и др. 2006: 366).

Существуют и синтаксические контрасты между формами *V-p tur* и *V-j tur*, возникающие, в частности, при каузативизации. В карачаево-балкарском языке падежное маркирование при каузативизации подчиняется обобщению Б. Комри (Comrie 1976): при каузативизации одноместных глаголов каузируемый из позиции субъекта передвигается в позицию прямого дополнения и маркируется аккузативом (2). При каузативизации переходного глагола ближайшая доступная позиция в иерархии грамматических отношений — непрямое дополнение; передвигаясь в нее, каузируемый маркируется дативом (3).

(2) а. *alim ħap-ti*

Алим бежать-PST.3SG

‘Алим побегал / побегал.’

б. *alim kerim-ni ħap-tir-di*

Алим Керим-ACC бежать-CAUS-PST.3SG

‘Алим заставил Керима бежать.’

(3) а. *madina alma-ni aħa-di*

Мадина яблоко-ACC есть-PST.3SG

‘Мадина съела яблоко.’

¹ Деепричастие на *-p* устойчиво имеет результативную семантику вне сериализаций (10). Интерпретация форм на *-p* в сериализациях зависит от глагольных лексем, аргументной структуры и контекста.

² Выбор показателя деепричастия *-A* или *-j* обусловлен фонологически. Здесь и далее заглавными буквами (*-A*, *-U*, *-I*) обозначаются неспецифицированные по ряду гласные.

- b. *fatima madina-va alma(-ni) aša-t-dī*
 Фатима Мадина-DAT яблоко-ACC есть-CAUS-PST.3SG
 1. ‘Фатима накромилла Мадину яблоком.’
 2. ‘Фатима сделала так, чтобы Мадина съела яблоко.’

При каузативизации форм *V-p tur* допустимо маркирование каузатива и на лексическом (4а), и на вспомогательном глаголе (4б). Падежное маркирование в обоих случаях аналогично синтетическим формам глагола:

(4) Лютикова и др. (2006): 4.103–4.104

- a. *murat kerim-ge alim-ni ur-dur-up tur-kan-dī*
 Мурат Керим-DAT Алим-ACC бить-CAUS-CONV стоять-PFCT-3SG
 ‘Мурат все время заставлял Керима бить Алима.’
- b. *murat kerim-ge alim-ni ur-up tur-guz-kan-dī*
 Мурат Керим-DAT Алим-ACC бить-CONV стоять-CAUS-PFCT-3SG
 ‘Мурат заставлял Керима бить Алима.’

При каузативизации форм *V-j tur* падежное маркирование, аналогичное синтетическим формам ($\langle \text{NOM}_{\text{КАУЗАТОР}}, \text{DAT}_{\text{КАУЗИРУЕМЫЙ}}, \text{ACC}_{\text{ОБЪЕКТ}} \rangle$ для переходных глаголов), допустимо только при расположении показателя каузатива на ЛГ (5а). Если показатель каузатива располагается на ВГ (5б), падежное маркирование соответствует каузативизации непереходного глагола (каким *tur-* и является): $\langle \text{NOM}_{\text{КАУЗАТОР}}, \text{ACC}_{\text{КАУЗИРУЕМЫЙ}}, \text{ACC}_{\text{ОБЪЕКТ}} \rangle$. Сам *tur-* при этом получает лексическую интерпретацию. Таким образом, в случае (5б) имеет место биклаузальная структура (предположительно, адъюнкция деепричастной клаузы к главной).

- (5) a. *madina amina-va alma aša-t-a tur-a-dī*
 Мадина Амина-DAT яблоко.ACC есть-CAUS-IPFV стоять-IPFV-3SG
 ‘Мадина Амине даёт есть яблоко.’
- b. *fatima *madina-va / madina-ni alma*
 Фатима Мадина-DAT Мадина-ACC яблоко.ACC
aša-j tur-guz-du
 есть-IPFV стоять-CAUS-PST.3
 1. ‘Фатима заставила Мадину встать, кушая яблоко.’
 2. ‘Фатима, кушая яблоко, заставила Мадину встать.’

3. Анализ

Гращенко (2015) предлагает формальный анализ КВГ в тюркских языках на примере мишарского диалекта татарского языка. Конструкции с моноклаузальными свойствами и маркированием каузатива на ВГ типа (4b) рассматриваются как случаи частичной грамматикализации. ВГ является функциональной вершиной, то есть грамматическим показателем (с прогрессивной семантикой в случае *tur-*), сохраняющей при этом некоторые свойства лексического глагола, а именно способность проецировать аргументную и функциональную структуру. Это проявляется, например, в возможности присоединять к ВГ показатели актантных дериваций (вершина *v/Voice*) и отрицания. Упрощенный вариант подобной структуры приводится в (6) (см., например, Гращенко 2015: 114, 148).

$$(6) [_{V2P} [_{FP} [_{V1P} [_{V1P} V1 \textit{urup}] v1] \dots V2 = F \textit{tur}] v2 \textit{-guz}] \quad (= 4b)$$

Недостаток такого подхода, на наш взгляд, состоит в том, что он фактически устраняет различие между лексическими и функциональными вершинами (т.е., глаголами и грамматическими показателями), что отражено в (6). Функциональная вершина *F* структурно занимает ту же позицию, которую мог бы занимать лексический глагол *V2*. *F* имеет собственные функциональные проекции, аналогичные проекциям лексических глаголов; таким образом, структура, называемая моноклаузальной, содержательно является биклаузальной.

В данной работе мы предполагаем альтернативный анализ, позволяющий сохранить однозначное различие между лексическими глаголами и функциональными вершинами. Наш подход основан на картографической теории структуры клаузы (Cinque 1999), часто используемой для анализа тюркских данных (Cinque 2001, Keleşir 2001, Özdemir 2019). Кроме того, мы используем два ключевых предположения, сделанных в работе (Sugar 2017) на материале уйгурских КВГ: 1) показателю *-p* соответствуют две позиции в структуре клаузы; 2) нижняя позиция суффикса *-p* находится между *V* и *v*. Релевантная часть предполагаемой иерархии с соответствующими вершинам морфемами представлена в (7):

- (7) $V < \text{Completive}_{\Pi} / \text{Low Event} [-p] < v [tur]$
 $< \text{Voice} [-t, -tir, -gUz, \text{etc.}] < \text{Mod}_{\text{ability}} [-al]$
 $< \text{Resultative} / \text{Event} [-p] < \text{Negation} [-mA]$
 $< \text{High Aspects} [-A/-j, -van, \text{etc.}] < \dots^3$

Соблюдение иерархии в синтетической глагольной форме частично проиллюстрировано в (8):

- (8) *alim illeu-nü sin-dir-al-ma-di*
 Алим игрушка-ACC ломаться-CAUS-POS-NEG-PST.3SG
 ‘Алим не мог сломать игрушку.’

Контраст между формами *V-p tur* (4b) и *V-j tur* (5b) следует из иерархии (7). Нижний вариант вершины *-p*, находится под функциональной вершиной *v*, занимаемой глаголом *tur-*, что делает возможной моноклаузальную конструкцию (9b). Высокому деепричастию на *-A/-j* эта опция недоступна (9c):

- (9)a. $V > \text{Comp} [-p] > v [tur] > \text{Voice} [-guz] > \text{HighAsp} [-A/-j, -van, \text{etc.}]$
- b. $[[[[V-p]_{\text{Comp}} tur]_v -guz]_{\text{Voice}} -van]_{\text{HighAsp}}$ (= 4b)
- c. $*[[[V-j]_{\text{HighAsp}} tur]_v -guz]_{\text{Voice}}$ (= 5b)

4. Обоснование анализа

Оба нестандартных предположения нашего анализа, принимаемые вслед за (Sugar 2017) — наличие низких аспектуальных проекций и омонимия суффикса *-p* — имеют независимые основания. Существование высокой позиции для показателя *-p* следует из его способности присоединяться к показателю каузатива (4a) и динамической модальности *-al* (10).

- (10) *kerim kel-al-ip alim kel-al-ma-di*
 Керим приходит-POS-CONV Алим приходит-POS-NEG-PST.3SG
 ‘Керим смог прийти, а Алим нет.’

³ Названия вершин Completive_{Π} и Resultative — по Cinque 2001, Low Event и Event — по Sugar 2017.

Существование низкой проекции для показателя *-p* имплицитно подразумевается в анализе тюркских СГ Гращенкова (2015) и эксплицитно постулируется для анализа КВГ в уйгурском (Sugar 2017), см. также азербайджанские данные в (Davis 2019; Zaslansky 2019).

В пользу существования аспектуальных вершин между *V* и *v* (одну из которых и занимает низкий вариант *-p*) свидетельствуют данные разноструктурных языков, см. (Travis 1991, 2010). Более того, существуют примеры грамматикализации фазовых предикатов со значением ‘заканчивать’, ‘начинать’ и ‘продолжать’ в низкие аспектуальные вершины с комплетивной, инцептивной и континуативной семантикой (Cinque 2003; Fukuda 2012). Пример пассивизации бивербиальной конструкции с японскими глаголами *hajime*- ‘начинать’ и *tsuzuke*- ‘продолжать’ показан в (11). Аргументы в пользу моноклаузальности подобных предложений см. в (Fukuda 2012).

(11) японский (Fukuda 2012: (5))

kono hon-wa yomi-hajime/tsuzuke-rare-ta
 этот книга-ТОР читать-начинать/продолжать-PASS-PST
 ‘Эту книгу начали/продолжили читать.’

Вспомогательный глагол *tur-* в карачаево-балкарском языке может рассматриваться как один из случаев подобной грамматикализации в «низкий» аспектуальный показатель с континуативной семантикой. В иерархии (7) мы, однако, следуя за (Sugar 2017), локализуем его в вершине *v*. В пользу такого анализа свидетельствует невозможность пассивизировать КВГ с глаголом *tur-*:

(12) Лютикова и др. 2006: 4.127

a. *bu zir unut-ul-up tur-ran-di*
 этот песня забывать-PASS-CONV стоять-PFCT-3SG

1. ‘Эту песню забывали.’
 {раньше, с тех пор, может, вспомнили}
2. ‘Эту песню раньше забывали.’
 {всякий раз, как собирались петь}

b. **bu zir unut-up tur-ul-ran-di*
 этот песня забывать-CONV стоять-PASS-PFCT-3SG

Если принять предположение Гращенкова (2015) для мишарского татарского о том, что показатель пассива занимает вершину *v*, а каузатив надстраивается сверху, несовместимость конструкций *V-p tur* с пассивом получает объяснение: *tur*- и показатель пассива занимают одну и ту же вершину⁴. (Против такого анализа, однако, свидетельствует возможность линейного порядка морфем *V-CAUS-PASS* в синтетических формах.)

5. Вспомогательный глагол как вершина *v* — случай модального *-al*

Существует еще один класс примеров, для которых, как нам представляется, предложенный анализ с грамматикализацией вспомогательных глаголов в вершину *v* наиболее естественен. Негармонирующий суффикс *-al*, восходящий к глаголу *al*- ‘брать’ и являющийся показателем «корневой» модальности (Rossyaykin & Gruzdeva 2019), допускает два линейных порядка относительно показателя каузатива:

- (13) *lejla fatima-va kitap-ni stol-va sal-al-dir-di*
 Лейля Фатима-DAT книга-ACC стол-DAT класть-POS-CAUS-PST.3SG
 1. ‘Лейля смогла заставить Фатиму положить книгу на стол.’
 2. ‘Лейля сделала так, что Фатима смогла положить книгу на стол.’

- (14) *lejla fatima-va kitap-ni stol-va sal-dir-al-di*
 Лейля Фатима-DAT книга-ACC стол-DAT класть-CAUS-POS-PST.3SG
 1. ‘Лейля смогла сделать так, чтобы Фатима положила книгу на стол.’
 2. ‘Лейля сделала так, чтобы Фатима смогла положить книгу на стол.’

Мы предполагаем, что позиция *-al* в (14) соответствует стандартной позиции показателя «корневой» модальности (Cinque 2001;

⁴ Если быть точным, вершина *v* в анализе Гращенкова (2015) разделяется на $v\{\text{Case}\}$ и $v\{\Theta\}$. Показатель пассива представляет собой вершину $v\{-\text{Case}\}$, делающую невозможным аккумулятивное маркирование прямого объекта. В таком случае *tur*- — доминирующая над $v\{\text{Case}\}$ вершина $v\{+\Theta\}$, проецирующая внешний аргумент. Таким образом, линейный порядок *tur-ul* ‘стоять-PASS’ невозможен.

Насquard 2006), обозначенной в (7) как $\text{Mod}_{\text{Ability}}$. В (13) *-al* занимает некую неаспектуальную вершину между V (*sal-*) и Voice (*-dir*), то есть, *v*. Возможность «обратной» сферы действия каузатива и модальности в обоих примерах объясняется тем, что *-al* может интерпретироваться из позиции $\text{Mod}_{\text{Ability}}$ в (13) и «подъемом каузатива» в (14). Обсуждение эффекта «подъема каузатива», наблюдаемого в тюркских языках (Гращенков 2015; Татевосов и др. 2017) и банту (Human 2003; McPherson & Paster 2009), выходит за рамки настоящей работы.

6. Заключение

Данная работа посвящена, в первую очередь, КВГ *V-p tur* в карачаево-балкарском языке. Мы предложили объяснение возможности каузативизации вспомогательного глагола в этой конструкции с сохранением моноклаузного падежного маркирования. Предложенный анализ основан на картографической иерархии функциональных вершин, основанной на кросс-лингвистических данных. Независимые подтверждения в других языках имеют и два ключевых предположения, уточняющих то, как конструкция *V-p tur* «встраивается» в функциональную последовательность: 1) наличие «низких» функциональных вершин, вводящих аспектуальную информацию до завершения формирования аргументной структуры, а именно, до присоединения вершины *v*; 2) омонимия показателя деепричастия *-p*, способного занимать как высокую (над *v* и показателями актантных дериваций), так и низкую аспектуальную позицию в структуре клаузы.

Данный анализ позволяет сохранить четкое разграничение между лексическими и функциональными вершинами. Кроме того, он естественным образом распространяется на формы с модальным показателем *-al*, допускающим линейную позицию между глагольным корнем и показателями актантных дериваций.

Некоторые вопросы остаются открытыми. Например, невозможность ВГ *tur-* присоединяться непосредственно к глагольному корню без «прослойки» в виде суффикса *-p* не получила формального объяснения. Это, однако, не является специфическим недостатком нашей теории — данный факт будет требовать объяснения в любой теории, анализирующей рассматриваемые конструкции как моноклаузные.

Список условных сокращений

3SG — глагольное 3 лицо единственного числа; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CONV — конверб; DAT — датив; IPFV — имперфектив; NEG — отрицание; PASS — пассив; PFCT — перфект; POS — возможность; PST — прошедшее время; TOP — топик.

Литература

- Гращенков 2015 — Гращенков П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Шлуинский А. Б., Пазельская А. Г. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Насилов 1989 — Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. Л.
- Татевосов и др. 2017 — Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. Элементы татарского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2017.
- Урусбиев 1976 — Урусбиев И. Х. Глагол // Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика, морфология, синтаксис / Баскаков Н. А. (ред.). Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 193–278.
- Шлуинский 2009 — Шлуинский А. Б. Бивербальные конструкции в тубаларском диалекте и их лексические ограничения // Тубаларские этюды / Татевосов С. Г. (ред.). М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 6–53.
- Aikhenvald 2006 — Aikhenvald A. Y. Serial Verb Constructions in Typological Perspective // Serial Verb Constructions: Cross-linguistic Typology / Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds.). Oxford: Oxford University Press. Pp. 1–68.
- Aikhenvald & Dixon 2006 — Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds.). Serial Verb Constructions: Cross-linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Cinque 1999 — Cinque G. Adverbs and Functional Heads. New York: Oxford University Press, 1999.
- Cinque 2001 — Cinque G. A note on mood, modality, tense and aspect affixes in Turkish // The Verb in Turkish / Taylan E. E. (ed.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2001. Pp. 47–59.
- Cinque 2003 — Cinque G. The interaction of passive, causative, and 'restructuring' in Romance. // The syntax of Italian dialect / Tortora C. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2003. Pp. 50–66.
- Davis 2019 — Davis C. Mismatched suppletion in Azeri as morphology/phonology competition // Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic, Vol. 4 / Sağ Y., Jeretič P. (eds.). LSA, 2019. Pp. 29–40.
- Durie 1997 — Durie M. Grammatical structures in verb serialization // Complex Predicates / Alsina A., Bresnan J., Sells P. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 1997. Pp. 289–354.

- Comrie 1976 — Comrie B. The Syntax of Causative Constructions: Cross-language Similarities and Divergences // The Grammar of Causative Constructions / Shibatani M. (ed.). New York: Brill, 1976. Pp. 259–312.
- Fukuda 2012 — Fukuda S. Aspectual verbs as functional heads: Evidence from Japanese aspectual verbs // Natural Language & Linguistic Theory. 2012. Vol. 30(4). Pp. 965–1026.
- Hacquard 2006 — Hacquard V. Aspects of modality. PhD dis. Massachusetts Institute of Technology, 2006.
- Hyman 2003 — Hyman L. M. Suffix Ordering in Bantu: A Morphocentric Approach // Yearbook of Morphology 2002 / Booij G., van Marle J. (eds.). Kluwer, 2003. Pp. 245–281.
- Kelepir 2001 — Kelepir M. Topics in Turkish syntax: Clausal structure and scope. PhD dis. Massachusetts Institute of Technology, 2001.
- McPherson & Paster 2009 — McPherson L., Paster M. Evidence for the Mirror Principle and Morphological Templates in Luganda Affix Ordering // Selected Proceedings of the 39th Annual Conference on African Linguistics / Ojo A., Moshi L. (eds.). Somerville: Cascadilla Proceedings Project, 2009. Pp. 56–66.
- Özdemir 2019 — Özdemir A. B. The endoskeleton of the predicate in Turkish. Poster presentation given at the 15th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL 15) (Moscow, 26–28 September 2019).
- Rosseyaykin & Gruzdeva 2019 — Rosseyaykin P. O., Gruzdeva A. I. Existential modals and negation in Karachay-Balkar: evidence for universal functional hierarchy. Talk given at the 16th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (St. Petersburg, 23–26 November, 2019).
- Sugar 2017 — Sugar A. Uyghur *-ip* as a verb linker in multiple constructions // Proceedings of the Linguistic Society of America, vol. 2 / Farrell P. (ed.). LSA, 2017. Pp. 1–14.
- Travis 1991 — Travis L. D. Derived object, inner aspect, and structure of VP. Paper presented at NELS 22 (October 1991).
- Travis 2010 — Travis L. D. Inner aspect. Dordrecht: Springer, 2010.
- Zaslansky 2019 — Zaslansky M. The overabundance of the perfect and the restriction of evidentiality in Standard Azerbaijani: A diachronic study of *-(y)İb* and *-mİş*. // Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic, Vol. 4 / Sağ Y., Jeretič P. (eds.) LSA, 2019. Pp. 104–118.

Частный вопрос в простой клаузе балкарского языка

Оксана Владимировна Соломенчук

МГУ имени М. В. Ломоносова

oksana.solomenchuk@gmail.com

Для данного дескриптивного исследования в качестве отправной точки были выбраны частные вопросы в турецком языке (порядок слов в обоих языках — SOV). По [Göksel, Kerslake 2005] лучшей позицией для вопросительного слова является предглагольная позиция, но также хорошо показывает себя и исходная (*in situ*).

[Kornfilt 1997] показывает, что в турецком возможно задать вопрос к любой части главной клаузы:

(1) *bu kitab-t kim oku-du?*
this book-ACC who read-PST
'Who read this book?' (Kornfilt 1997: 10)

(2) *Hasan-t kim öl-dür-dü?*
Hasan-ACC who die-CAUS-PST
'Who killed Hasan?' (Kornfilt 1997: 10)

В балкарском ожидалось и проверялись те же возможности и закономерности, искались возможные позиции вопросительного слова в предложении.

1. Позиция вопросительного слова в простой клаузе

Вопросительное слово в качестве подлежащего тяготеет к предглагольной позиции (3a), но также может находиться и в своей изначальной позиции. (3с–е) показывают, что заглагольная позиция считается заметно более плохим вариантом или же вообще неприемлемым.

(3)а. *üj-nü kim işle-gen-di?*
дом-ACC кто строить-PFCT-3SG
'Кто построил дом?' {a = b = c = d = e}

- b. *kim* *üj-nü* *işle-gen-di?*
кто дом-ACC строить-PFCT-3SG
- c. **işle-gen-di* *kim* *üj-nü?*
строить-PFCT-3SG кто дом-ACC
- d. ??*işle-gen-di* *üj-nü* *kim?*
строить-PFCT-3SG дом-ACC кто
- e. ?*üj-nü* *işle-gen-di* *kim?*
дом-ACC строить-PFCT-3SG кто

Были предприняты попытки разделить вопросительное слово в исходной позиции и глагол наречием времени или же именем в локативе времени, и результаты, показанные в Таблице 1, вышли схожими:

Таблица 1

позиция	[...] = аккузатив	[...] = наречие времени	[...] = имя в LOC времени
[...] wh V	ok	ok	ok
wh [...] V	ok	?	ok
V wh [...]	*	*	*

В [Özsoy 2009] приводятся примеры на скрэмблинг в турецком:

- (4) a. *Ayşe kim-i gör-müştü?*
Ayşe who-ACC see-HS-3
‘Who has Ayşe seen?’ {a = b} (Özsoy 2009: 223–224)
- b. *Kim-i Ayşe gör-müştü?*
who-ACC Ayşe see-HS-3

В данном исследовании также проверялась возможность скрэмблинга. В Таблице 2 сведены полученные данные о позиции вопросительных составляющих в ролях подлежащего, прямого дополнения, непрямого дополнения и адъюнкта:

Таблица 2

позиция	подлежащее	прямое дополнение	непрямое дополнение	адъюнкт
[...] wh V	ok	ok		ok
wh [...] V	ok	?	ok	ok
wh V [...]		ok	ok	
V wh [...]	*			
V [...] wh	??			
[...] V wh	?	?		*
скрэмблинг wh			?	ok

2. Множественный вопрос

В случае если вопросительных слов в предложении несколько, они также появляются в предглагольной позиции (5a–b). Вынести вопросительное подлежащее слева от наречия оказывается можно (5c), вынести вопросительное прямое дополнение, оставляя вопросительное подлежащее в предглагольной позиции нельзя (5d), вынести оба вопросительных местоимения оказывается невозможным (5e–f), также нельзя одно из вопросительных местоимений перенести за глагол (5g–h).

(5) a. *tünene kim ne-(nĭ) išle-gen-di*
 вчера кто что-(ACC) строить-PFCT-3SG
 ‘Кто что построил вчера?’ {a = b = c = d = e = f = g = h}

b. *tünene ne-(nĭ) kim išle-gen-di*
 вчера что-(ACC) кто строить-PFCT-3SG

c. *kim tünene ne-(nĭ) išle-gen-di*
 кто вчера что-(ACC) строить-PFCT-3SG

d. **ne-(nĭ) tünene kim išle-gen-di*
 что-(ACC) вчера кто строить-PFCT-3SG

e. **kim ne-(nĭ) tünene išle-gen-di*
 кто что-(ACC) вчера строить-PFCT-3SG

- f. *ne-(nĭ) **kim** *tünene* *išle-gen-di*
 что-(ACC) кто вчера строить-PFCT-3SG
- g. **tünene* **kim** *išle-gen-di* ne-(nĭ)
 вчера кто строить-PFCT-3SG что-(ACC)
- h. **tünene* ne-(nĭ) *išle-gen-di* **kim**
 вчера что-(ACC) строить-PFCT-3SG кто

Приведенная выше парадигма и аналогичные ей были сведены в Таблицу 3:

Таблица 3

позиция	<i>kim/</i> <i>ne-ACC</i>	<i>kim/</i> <i>kim-DAT</i>	<i>kim-DAT/</i> <i>ne-ACC</i>	<i>kim/</i> <i>qacan</i>	<i>kim/</i> <i>qajda</i>	<i>ne-ACC/</i> <i>qacan</i>	<i>qacan/</i> <i>qajda</i>
[...] wh1 wh2 V	ok	ok	ok	ok	ok	ok	ok
[...] wh2 wh1 V	ok	ok	ok	ok	ok	ok	ok
wh1 [...] wh2 V	ok	?	ok	?	ok	ok	?
wh2 [...] wh1 V	*	*	*	??	*	ok	?
wh1 wh2 [...] V	*	ok	ok	ok	ok	*	ok
wh2 wh1 [...] V	*	??	ok	%	%	*	?
[...] wh1 V wh2	*	ok	ok	?	ok	?	?
[...] wh2 V wh1	*	?	?	??	ok	ok	??

На общем фоне выделяется первая колонка, где практически все запрещено, а также пример на *ne* в accusative/*qacan* с разделенными вопросительными словами в четвертой строке, вынесенный ниже под номером (6). Также, как можно заметить, в таблице присутствуют знаки %: в случае с *kim/qacan* носители при оценке суждения поставили всю градацию оценок от приемлемого до совершенно неприемлемого, а в случае с *kim/qajda* носители разделились на две группы, где одни считали предложение совершенно грамматичным, а другие — абсолютно неприемлемым.

- (6) **qacan** *alim* ne-(nĭ) *išle-gen-di*
 когда Алим что-(ACC) строить-PFCT-3SG
 ‘Что когда построил Алим?’

В предложениях с множественными вопросительными словами данные слова могут появляться в исходной позиции. Вынос вопросительных слов на левую периферию разрешен не всегда, при этом выносе могут проявляться некоторые эффекты превосходства.

3. Косвенный вопрос

Рассмотрим косвенный вопрос с номинализацией.

Вопросительные слова в роли подлежащего и прямого дополнения вложенной клаузы могут располагаться в любом порядке относительно друг друга, (7a, b, e, f). Можно вынести налево также только *kim* или только *neni* (7c–d).

(7) a. *kerim* *tünene* ***kim*** *ne-(ni)* *išle-gen-i-n*
 Керим вчера кто что-(ACC) строить-PFCT-3-ACC

ešt-gen-di

слышать-PFCT-3SG

‘Керим слышал, кто что построил вчера.’

{a = b = c = d = e = f = g = h}

b. *kerim* *tünene* *ne-(ni)* ***kim*** *išle-gen-i-n*
 Керим вчера что-(ACC) кто строить-PFCT-3-ACC

ešt-gen-di

слышать-PFCT-3SG

c. *kerim* ***kim*** *tünene* *ne-(ni)* *išle-gen-i-n*
 Керим кто вчера что-(ACC) строить-PFCT-3-ACC

ešt-gen-di

слышать-PFCT-3SG

d. *kerim* *ne-(ni)* *tünene* ***kim*** *išle-gen-i-n*
 Керим что-(ACC) вчера кто строить-PFCT-3-ACC

ešt-gen-di

слышать-PFCT-3SG

e. *kerim* ***kim*** *ne-(ni)* *tünene* *išle-gen-i-n*
 Керим кто что-(ACC) вчера строить-PFCT-3-ACC

ešt-gen-di

слышать-PFCT-3SG

- f. *kerim* *ne-(ni)* ***kim*** *tünene* *işle-gen-i-n*
 Керим что-(ACC) кто вчера строить-PFCT-3-ACC
eşt-gen-di
 слышать-PFCT-3SG
- g. **kerim* *tünene* ***kim*** *işle-gen-i-n* *ne-(ni)*
 Керим вчера кто строить-PFCT-3-ACC что-(ACC)
eşt-gen-di
 слышать-PFCT-3SG
- h. ??*kerim* *tünene* *ne-(ni)* *işle-gen-i-n* ***kim***
 Керим вчера что-(ACC) строить-PFCT-3-ACC кто
eşt-gen-di
 слышать-PFCT-3SG

Рассмотрим и косвенный вопрос с *-dep* (финитная клауза).

Вопросительные слова в роли подлежащего и непрямого дополнения также могут находиться в любом порядке друг относительно друга при вынесении и *in situ*, однако низко оценивается вынос только одного из них (8с–d).

- (8) a. *kerim* *kitap-ni* ***kim*** *kim-ge* *ber-gen-di* *dep*
 Керим книга-ACC кто кто-DAT дать-PFCT-3SG COMP
eşt-gen-di
 слышать-PFCT-3SG
 ‘Керим слышал, кто кому дал книгу.’
 {a = b = c = d = e = f}
- b. ??*kerim* *kitap-ni* *kim-ge* ***kim*** *ber-gen-di* *dep*
 Керим книга-ACC кто-DAT кто дать-PFCT-3SG COMP
eşt-gen-di
 слышать-PFCT-3SG
- c. ??*kerim* ***kim*** *kitap-ni* *kim-ge* *ber-gen-di* *dep*
 Керим кто книга-ACC кто-DAT дать-PFCT-3SG COMP
eşt-gen-di
 слышать-PFCT-3SG

- d. [?]*kerim* *kim-ge* *kitap-ni* *kim* *ber-gen-di* *dep*
 Керим кто-DAT книга-ACC кто дать-ПФСТ-3SG COMP
ešt-gen-di
 слышать-ПФСТ-3SG
- e. *kerim* *kim* *kim-ge* *kitap-ni* *ber-gen-di* *dep*
 Керим кто кто-DAT книга-ACC дать-ПФСТ-3SG COMP
ešt-gen-di
 слышать-ПФСТ-3SG
- f. *kerim* *kim-ge* *kim* *kitap-ni* *ber-gen-di* *dep*
 Керим кто-DAT кто книга-ACC дать-ПФСТ-3SG COMP
ešt-gen-di
 слышать-ПФСТ-3SG

Аналогичные примеры представлены в таблице 4:

Таблица 4

позиция	<i>kim/ne-ACC</i>	<i>kim/kim-DAT</i>	<i>kim/qacan</i>	<i>qacan/qajda</i>
[...] wh1 wh2 V	ok	ok	ok	ok
[...] wh2 wh1 V	ok	?	??	ok
wh1 [...] wh2 V	ok	??	?	ok
wh2 [...] wh1 V	ok	?	#	?
wh1 wh2 [...] V	ok	ok	ok	??
wh2 wh1 [...] V	ok	ok	ok	??
[...] wh1 V wh2	*			
[...] wh2 V wh1	??			

4. Заключение

Были рассмотрены разнообразные позиции вопросительных слов. Затрагивались как одиночные, так и множественные вопросы, отдельно рассматривались косвенные. Были найдены некоторые эффекты превосходства, однако, ярко выраженными их назвать нельзя. Виднеются некие паттерны, выявление которых не завершено.

Список условных сокращений

3SG — третье лицо единственного числа; ACC — аккузатив; COMP — комплементаризатор; DAT — датив; HS — пересказывательность; PFCT — перфект; PST — претерит.

Литература

- Göksel, Kerslake 2005 — Göksel, A., & Kerslake, C. (2005). Turkish: A comprehensive grammar. Routledge.
- Kornfilt 2013 — Kornfilt, J. (2013). Turkish. Routledge.
- Özsoy 2009 — Özsoy, A. S. (2009). Turkish as a (non)-wh-in-situ language. *Turcological letters to bernt brendemoen*, 221–232.

Номинализация в амгуэмском диалекте чукотского языка: аргументная и предикативная позиции*

Алексей Миронович Старченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
aleksey-starchenko@mail.ru

1. Введение

Настоящая работа посвящена номинализации, образующейся с помощью суффикса *-yary* (с фонетическим вариантом *-wary*), в амгуэмском диалекте чукотского языка (чукотско-камчатская семья). В чукотском языке номинализация может выступать в качестве аргумента глагола и в качестве предиката — вершины предложения:

(1) *yam-nan tayi nyew?enjər?-in taj-?otsoj ənn-əpat-yaryə-n*
я-ERG знать мать-POSS GOOD-долго рыба-варить-NMLZ-ABS.SG
‘Я помню, как женщина долго варила рыбу.’

(2) *yamə-k qətsera-yaryə-tore*
я-LOC надоедать-NMLZ-NP.2PL
‘Вы мне надоели.’

Если первое употребление типично для номинализации как нефинитной формы, второе употребление с точки зрения теории традиционного понимания финитности является необычным. Оно тем не менее не уникально: употребление номинализации без копулы как единственного предиката распространено в тибето-бирманских языках и широко обсуждается в посвящённой им литературе (см., например, [Noonan 1997, Bickel 1999, Watters 2008]). За пределами этой языковой группы зафиксированы единичные примеры таких конструкций (например, для языка агуаруна < хибаро, Южная Америка [Overall 2018]), и описание чукотского случая представляет интерес для формирования типологических представлений о номинализации в предикативной позиции. Такие её употребления мы для краткости будем называть предикативными.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

Существующие описания чукотской номинализации (в основном соответствующие разделы грамматик [Скорик 1977: 328–330, Dunn 1999: 144–146], а также работа [Старченко 2019]) фокусируются на её употреблении в аргументной позиции. Употребления номинализации в предикативной позиции были обнаружены довольно давно [Недялков и др. 1984], но подробного описания не получили.

Настоящая работа является первым шагом к такому описанию. Мы рассматриваем следующие два аспекта, которые выделяют предикативную номинализацию по сравнению с аргументной. Это, во-первых, семантические ограничения, которые предикативная конструкция накладывает на выступающие в ней номинализации: чтобы стать предикативной, номинализация должна относиться к определённом семантическому классу. Второй особенностью предикативной номинализации является маркирование её зависимых: эта конструкция допускает маркирование, невозможное в иных случаях для глагола и дериваций от него. Кроме того, мы охарактеризуем номинализацию в сравнении с чукотской именной предикацией.

2. Ограничения на тип основы

Модель образования номинализации с суффиксом *-уэру* продуктивна; он может присоединяться практически к любой глагольной основе. В предикативной позиции, однако, регулярно выступают только основы, обозначающие ментальные и физические состояния.

(3) а. *уэм-пан п-ине-л?и-јуэм ат?-ен рәннак-вэруэ-п*
 я-ERG ST-INV-видеть-NP.1SG мать-POSS расстраивать-NMLZ-ABS.SG
 ‘Я вижу, что мама расстроилась.’

б. *уэм тумуэ-к рәннак-вэру-еуэм*
 я друг-LOC расстраиваться-NMLZ-NP.1SG
 ‘Я расстраиваю друга.’

(4) **ат?а-т әпп-пат-уэруэ-т нанана-утә*
 мать-ABS.PL рыба-готовить-NMLZ-ABS.PL ребёнок-DAT
 Ожид. зн.: ‘Мамы готовят детям рыбу.’ (ср. пример (1))

(5) а. *wusqəmsəku-rʔu-γʔ-i*

темнота-DISTR.S-TH-2/3SG.S

‘Темно.’ {a = b}

б. **wosqəmsəko-rʔo-γəγə-n*

темнота-DISTR.S-NMLZ-ABS.SG

(6) а. *γəm-nan n-əna-paʔomteʔe-jγəm psiq-in tərʔajŋa-γəγə-n*

я-ERG

ST-INV-слушать-NP.1SG

птица-POSS

петь-NMLZ-ABS.SG

‘Я слушаю пение птиц.’

б. **tərʔajŋa-γəγə-eγət*

петь-NMLZ-NP.1SG

Ожид. зн.: ‘Ты поёшь.’

Таким образом, в качестве независимой вершины клаузы регулярно выступают номинализации от узкого класса основ. Помимо уже упомянутых *qətseraγəγəŋ* ‘надоедание’ и *rənpakwəγəŋ* ‘грусть’, это *emjəʔγəγəŋ* и *ʔatγʔoγəγəŋ* от основ со значением ‘скупать, тосковать (в т. ч. по кому-то)’, *qejwaγəγəŋ* — от основы со значением ‘мёрзнуть’ и т. д. Подобные глаголы в чукотском имеют две валентности: на экспериенцера и на стимул, — которые сохраняются и в конструкции с предикативной номинализацией (я и друг в примере (3b) соответственно).

Заметим, что именно при образовании номинализаций, которые имеют экспериенциальную семантику и могут выступать в качестве вершины независимой клаузы, оказываются нередкими случаи, когда суффикс *-γəγə* присоединяется к основе, которая не является глагольной. Так, хотя мы за неимением лучшего аналога в русском глоссируем основу *peʔsiŋ-*, выступающую в составе предикативной номинализации (7a), как глагольную, она тем не менее не может присоединять глагольную морфологию сама по себе (7b) и требует для этого наличия вербализатора *-et* (7c). Такие основы могут быть также использованы в аналитической конструкции со связкой (7d). Такое поведение, однако, необязательно для основ рассматриваемого класса: основа упомянутого выше слова *rənpakwəγəŋ* ‘грусть’ свободно присоединяет глагольную морфологию.

- (7) а. *ʏət newʔenə-k paʏseŋ-ʏəɣʏ-eʏət*
 ты жена-LOC беспокоиться-NMLZ-NP.2SG
 ‘Жена беспокоится о тебе.’
- б. **peʏsiŋ-ʏʔ-i*
 [2/3.S/A]беспокоиться-2/3SG.S
 Ожид. зн.: ‘Он / ты беспокоишься.’
- в. *ʏət peʏsiŋ-et-ʏʔ-i* *ŋawʔan-eta*
 ты [2/3.S/A]беспокоиться-VB-TH-2/3SG.S жена-DAT
 ‘Ты беспокоишься о жене?’
- д. *ʏət newʔen-e peʏsiŋ-u ne-ʔʏə-rkəni-ʏət*
 ты жена-ERG беспокоиться-EQU LOW.A-считать-IPFV-2SG.O
 ‘Жена беспокоится о тебе.’

Интересно, что конструкция со связкой *ʔəŋ-* / *ʔʏə-* (7d) возможна для ограниченного класса глаголов и регулярно выступает с экспериенциальными предикатами. Вопрос о том, как соотносятся классы глаголов, выступающих в этих контекстах, и как функционально различаются эти две конструкции, остаётся для дальнейшего исследования.

3. Маркирование аргументов номинализации

Маркирование аргументов в чукотской клаузе эргативное. Подлежащее неаккузативных глаголов, в отличие от неэргативных может инкорпорироваться [Виняр 2019].

3.1. Аргументная номинализация

Единственный актант номинализации-аргумента всегда может выражаться посессивом (пример (8b)) отмечен знаком вопроса, потому что посессив от неодушевлённых существительных может восприниматься как менее естественный):

- (8) а. *ʏət-nan ʔəʏi əŋʔeɣej-nin meʏserat-ʏəɣʏə-n*
 я-ERG знать старший.брат-AN.POSS работать-NMLZ-ABS.SG
 ‘Я знаю, как работает старший брат.’
- б. [?]*ʏət-nan ʔəʏi wʔej-in tajiŋat-ʏəɣʏə-n*
 я-ERG знать трава-POSS расти-NMLZ-ABS.SG
 ‘Я знаю, как растёт трава.’

Единственный актант номинализаций от неаккузативных глаголов может, как и в финитной клаузе, выражаться инкорпорацией (9a), для номинализаций от неэргативных непереходных глаголов инкорпорация подлежащего недоступна (9b). У номинализаций от переходных глаголов А-участник может быть в посессиве и (менее предпочтительно) в инструменталисе, Р-участник инкорпорируется (10). Другие способы маркирования актантов аргументной номинализации невозможны. Информация о маркировании ядерных актантов аргументной номинализации суммирована в таблице 1.

(9)а. *үэм-нан ҕэҕи wʔaj-majŋat-үэҕүэ-п*

я-ERG знать трава-расти-NMLZ-ABS.SG

‘Я знаю, как растёт трава.’

б. *ʔүэм-нан ҕэҕи энʔаҕаҕ-meuserat-үэҕүэ-п*

я-ERG знать старший.брат-работать-NMLZ-ABS.SG

‘Я знаю, каково быть старшим братом.’

#‘Я знаю, как работает старший брат.’

(10) *үэм-нан тэ-ҕу-ркэн атʔ-ен/ ʔатʔа-та*

я-ERG 1SG.S/A-видеть-IPFV мать-POSS мать-INS

awerʔə-nne-үэҕүэ-п

одежда-шить-NMLZ-ABS.SG

‘Я вижу, как мать шьёт одежду.’

Неядерные зависимые сохраняют маркирование исходной клаузы: бенефициант в (11) получает дативное маркирование так же, как и бенефициант в финитной клаузе.

Таблица 1. Маркирование ядерных актантов номинализации-аргумента

	GEN	INS	ABS	INC
S _p	+	—	—	+
S _A	+	—	—	—
P	—	—	—	+
A	+	+	—	—

- (11) *yəm-nan n-ine-ʔu-jyəm ətʔa-en akka-ytə*
 я-ERG ST-INV-видеть-NP.1SG мать-POSS сын-DAT
ənn-əpat-yəryə-n
 рыба-варить-NMLZ-ABS.SG
 ‘Я вижу, как мама варит рыбу для сына.’

3.2. Предикативная номинализация

Глаголы, образующие предикативные номинализации, — непереходные и двухвалентные с маркированием экспериенцера абсолютивом, а стимула дативом.

- (12) *yəm ətʔa-ytə t-emʃotə-rkən*
 я мать-DAT 1SG.S/A-скучать-IPFV
 ‘Я скучаю по маме.’

В клаузе с вершиной-номинализацией экспериенцер маркируется локативом, дативом или посессивом, а стимул становится в абсолютив, его лицо и число выражаются именным лично-числовым суффиксом на номинализации.

- (13) а. *yəm ətʔa-k/ ətʔa-ytə / *ətʔa-ta / *ətʔa*
 я мать-LOC мать-DAT мать-INS/ERG мать
emʃot-yəry-e-yəm
 скучать-NMLZ-NP.1SG
 ‘Мама скучает по мне.’
- б. *ətʔ-en emʃot-yəryə-n ekək*
 мать-POSS скучать-NMLZ-ABS.SG сын
 ‘Мама скучает по сыну.’

Другое маркирование зависимых невозможно¹. Локативное маркирование стимула или экспериенцера у финитного глагола невозможно (14). Невозможно оно и у номинализации в аргументной

¹ Кроме инкорпорации для небольшого количества носителей:

- (i) *ʔyəm ətʔa-emʃot-yəry-e-yəm*
 я мать-скучать-NMLZ-NP.1SG
 ‘Мама по мне скучает.’

позиции (15). Сведения о маркировании актантов предикативной номинализации представлены в таблице 2.

(14) *yət atʔa-k t-emjotə-rkən

я мать-LOC 1SG.S/A-скучать-IPFV

Ожид. зн.: 'Я скучаю по маме.' / 'Мама скучает по мне.'

(15) *yət-nan n-ine-ʔʔi-jyət atʔa-k rənnak-wəryə-n

я-ERG ST-INV-видеть-NP.1SG мать-LOC расстраивать-NMLZ-ABS.SG

Ожид. зн.: 'Я вижу, что мама расстроилась.' / 'Я вижу, что кто-то расстроил маму.'

Таблица 2. Маркирование ядерных актантов номинализации-предиката

	экспериенцер	стимул
финитный глагол	ABS + глагольное согласование	DAT
номинализация	LOC, DAT	ABS + именной лично- числовой суффикс

Таким образом, с точки зрения маркирования предикативная номинализация отличается как от финитной клаузы, так и от клаузы номинализации-аргумента. Если посессив стимула оказывается стандартным маркированием номинализации в любой синтаксической позиции, то локатив и датив для выражения этой семантической роли оказывается особенностью, присущей именно предикативной номинализации. Маркирование же экспериенцера сближает эту конструкцию с чукотской именной предикацией.

4. Номинализация в предикативной позиции и неглагольная предикация

Как уже было сказано, номинализация в предикативной позиции принимает показатели лица и числа, согласуясь с подлежащим в абсолютиве. Эта серия лично-числовых показателей, помимо рассматриваемой конструкции, характеризует чукотскую именную предикацию с предикатом-существительным [Касьянова 2019]. Таким образом, предикативную номинализацию можно рассматривать как именную предикацию экспериенцером в позиции абсолютивного подлежащего.

Однако не все особенности маркирования зависимых номинализации-предиката можно объяснить в рамках её описания как именной предикации: типичное для номинализации локативное маркирование невозможно в предполагаемых конструкциях именной предикации с двумя участниками и предикатом-существительным (16–17).

- (16) *vas'a osos-en* / *osos-etə* / ^{??}*ososə-k*
 Вася начальник-POSS начальник-DAT начальник-LOC

ənʔeqej

старший.брат

‘Вася — старший брат начальника.’

- (17) *yəm-nine-jyət* / ^ʔ*yəmə-ka-ytə* / ^ʔ*yəmə-k* *tirkə-qej-iyət*
 я-POSS-NP.2SG я-OBL-DAT я-LOC солнце-DIM-NP.2SG
 ‘Ты моё солнышко!’ (обращение к ребёнку)

5. Предварительные итоги

Настоящая работа даёт характеристику чукотской номинализации в позиции вершины независимой клаузы, которая проявляет ряд нетривиальных свойств, отличающих её и от номинализации в аргументной позиции, и от финитной клаузы, и от именной предикации. Мы рассмотрели маркирование её зависимых и ограничения на семантику номинализации в этой конструкции — две особенности, которые наиболее ярко выделяют её на фоне синтаксически и семантически сходных конструкций. Другие особенности синтаксиса предикативной номинализации и её семантические отличия от функционально схожих конструкций ещё предстоит исследовать.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агентивный участник; ABS — абсолютив; AN — личное склонение; DAT — датив; DIM — диминутив; DISTR — дистрибутивный; ERG — эргатив; EQU — экватив; GOOD — интенсификатор; INS — инструменталис; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; LOW — низкий; NMLZ — номинализация; NP — именная группа; O — пациентивный участник; OBL — косвенная основа, PL — множественное число; POSS — поссессив; S — подлежащее непереходной клаузы; SG — единственное число; ST — статив; TH — тематический элемент; VB — вербализатор.

Литература

- Виняр 2019 — Виняр, А.И. (2019) Инкорпорация прямого объекта. Грамматический очерк чукотского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://chuklang.ru/sketch>. Дата обращения: 18.04.2020.
- Касьянова 2019 — Касьянова, П.А. (2019) Неглагольная предикация. Грамматический очерк чукотского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://chuklang.ru/sketch>. Дата обращения: 18.04.2020.
- Недялков и др. 1984 — Недялков, В.П. и др. (1984) «Значение и употребление чукотских видо-временных форм». // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Под ред. А. В. Бондарко. Л.: ЛО изд-ва «Наука», с. 200–259.
- Скорик 1977 — Скорик, П.Я. (1977) Грамматика чукотского языка. Ч. 2. Л.
- Старченко 2019 — Старченко, А.М. (2019) Номинализация. Грамматический очерк чукотского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://chuklang.ru/sketch>. Дата обращения: 17.04.2020.
- Bickel 1999 — Bickel, B. (1999). “Nominalization and focus constructions in some Kiranti languages”. In: ed. by Yogendra P. Yadava and Warren W. Glover, pp. 271–296.
- Dunn 1999 — Dunn, M.J. (1999) Grammar of Chukchi. Australian National University. (PhD thesis.)
- Noonan 1997 — Noonan, M. (1997) “Versatile nominalizations”. In: Essays on Language Function and Language Type. Ed. by Bybee J., J. Haiman, and S.A. Thompson. Amsterdam: John Benjamins, pp. 373–394.
- Overall 2018 — Overall, S. (2018) “From verb to noun and back again: Non-referential uses of nominalizations in Aguaruna (Chicham)”. In: STUF — Language Typology and Universals 71, pp. 133–149.
- Watters 2008 — Watters, D. (2008) “Nominalization in the East and Central Himalayish Languages of Nepal”. In: Linguistics of the Tibeto-Burman Area 31(2), pp. 1-43.

Комитативные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка*

Ирина Андреевна Хомченкова

МГУ имени М. В. Ломоносова /

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

irina.khomchenkova@yandex.ru

1. Введение

Данная работа посвящена комитативным конструкциям (далее КомК) в татышлинском говоре удмуртского языка (финно-угорские), который относится к периферийно-южному диалекту южного наречия [Кельмаков 1998: 42–43]. Материал собран методом анкетирования носителей в Республике Башкортостан в селах Старый Кызыл-Яр, Ивановка и Нижнебалтачево в 2019 г. Наиболее подробное описание этого говора можно найти в [Baidoullina 2003]. Комитативные конструкции в этом говоре прежде подробно описаны не были: в [Baidoullina 2003: 57] лишь отмечается, что комитативные значения выражаются с помощью показателя инструментального падежа *-en*.

В литературном удмуртском [Перевошиков 1962: 102–103] и в бесермянском удмуртском [Zubova 2019] комитативную функцию также выполняет инструменталис на *-en*. Он может употребляться в прототипической КомК¹ с глагольным согласованием по единственному числу (1), а также в двух типах сочинительных КомК:² с единичным комитативным показателем (1) и с двойным (2).

(1) бесермянский удмуртский

Pet'a Vas'a-en lăkt-i-z / lăkt-i-z-ə

Петя Вася-INS приходить-PST-3SG приходить-PST-3-PL

‘Петя пришел с Васей.’ [Zubova 2019: 291]

* Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627.

¹ Прототипическая КомК — конструкция, используемая для выражения множественного участника ситуации, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг [Архипов 2009: 67].

² Сочинительная КомК — конструкция с комитативным маркером, проявляющая некоторые (или все) свойства сочинения [Архипов 2009: 234].

(2) *Vas'a-en Pet'a-en lākt-i-z-â*

Вася-INS Петя-INS приходить-PST-3-PL

‘Вася и Петя пришли.’ [Zubova 2019: 292]

В татышлинском удмуртском присутствуют первые две конструкции (3). Однако он отличается от литературного и бесермянского удмуртского не только отсутствием сочинительной КомК с двойным инструментальным маркированием (4), но и наличием КомК, в которой одна ИГ маркируется показателем множественного числа (5).

(3) татышлинский удмуртский

daša ruslan-en lākt-i-z / lākt-i-z-â

Даша Руслан-INS приходить-PST-3SG приходить-PST-3-PL

‘Даша с Русланом пришла / пришли.’

(4) **daša-jen ruslan-en lākt-i-z-â*

Даша-INS Руслан-INS приходить-PST-3-PL

Ожид. зн.: ‘Даша с Русланом пришли.’

(5) *daša-jen ruslan-jos lākt-i-z-â*

Даша-INS Руслан-PL приходить-PST-3-PL

‘Даша с Русланом пришли.’

В разделе 2 мы обсудим, в каких структурных позициях могут употребляться комитативные группы. Раздел 3 представит рассуждение о функции показателя множественного числа в конструкциях типа (5). Итоги подводятся в разделе 4.

2. Комитативная группа в разных структурных позициях

В татышлинском удмуртском последовательность вида [X-INS Y(-PL)] может находиться в разных структурных позициях: прямой объект (6), непрямой объект (7), посессор (8), косвенный объект (9).

(6) *mon ruslan-en daša-jez / daša-jos-âz adž'is'ko-∅*

я Руслан-INS Даша-ACC Даша-PL-ACC видеть-PRS-1SG

‘Я вижу Руслана с Дашей.’

(7) *mon ruslan-en daša(-jos)-lâ kanfet s'ot-i-∅*

я Руслан-INS Даша-PL-DAT конфета давать-PST-1SG

‘Я дала Руслану с Дашей конфеты.’

- (8) *ruslan-en maša(-jos)-len korka-zâ č'eber*
 Руслан-INS Маша-PL-GEN дом-POSS.3PL красивый
 'Дом Руслана с Машей красивый.'
- (9) *mon maša-jen ruslan(-jos)-les' kòškema-j*
 я Маша-INS Руслан-PL-GEN2 скучать-PST.1SG
 'Я скучала по Руслану с Машей.'

Согласно [Zubova 2019], в бесермянском удмуртском в разных структурных позициях возможна конструкция с двойным инструментальным маркированием (10). В этом случае падежный показатель присоединяется к показателю множественного числа на второй именной группе [X-INS Y-INS-PL-CASE]. Эта конструкция также кратко обсуждалась в [Arkhangelskiy, Usacheva 2018]. Конструкции [X-INS Y-PL-CASE] (11) и [X-INS Y-CASE] / [X-CASE Y-INS] грамматичны, но менее допустимы и не встречаются в текстах.

- (10) бесермянский удмуртский
gondâr-en kion-en-jos-len s'i-s'k-em-z-â pot-i-z
 медведь-INS волк-INS-PL-GEN есть-DETR.NMLZ-3-PL выходить-PST-3SG
 'Медведь и волк проголодались.' [Zubova 2019: 298]
- (11) *mi jal s'ot-i-m Vas'a-en Jura-os-lâ*
 мы молоко давать-PST-1PL Вася-INS Юра-PL-DAT
 'Мы дали молоко Васе с Юрой.' [Ю. Зубова, л.с.]

В [Weisser 2017] также обсуждаются конструкции с двойным инструментальным маркированием, которые могут употребляться в разных структурных позициях, при этом внешний падеж может присоединяться как к каждой ИГ, так и только ко второй (12). Отметим, что первый тип конструкции встречается редко и является архаичным, а второй — используется в «некоторых диалектах удмуртского» [Weisser 2017: 63–64].

- (12) удмуртский³
Mon Petyr-en(-les') Maša-jen-les' mözm-is'ko
 я Петр-INS-(GEN2) Маша-INS-GEN2 скучать-PRS
 'Я скучаю по Пете с Машей.' [Weisser 2017: 64]

³ Некоторые глоссы в этом примере скорректированы нами.

Обобщим все вышесказанное в таблице 1. В татышлинском удмуртском последовательность X-INS Y может присоединять и показатель множественного числа, и падежные показатели, а конструкции с двойным инструментальным маркированием невозможны. В бесермянском удмуртском возможны конструкции с единичным инструментальным маркированием. Показатель множественного числа грамматичен в несубъектной позиции (надежных данных о его допустимости в субъектной позиции нет). Конструкции с двойным инструментальным маркированием грамматичны в субъектной позиции. В несубъектной позиции перед внешним падежным показателем присоединяется показатель множественного числа. Двойное инструментальное маркирование с показателем множественного числа без маркирования падежа не используется (*[X-INS Y-INS-PL]) [Т. Архангельский, л.с.].

Таблица 1. КомК в татышлинском (Т) и бесермянском (Б) удмуртском.

ok — грамматично; ? — грамматично, но менее допустимо;

* — неграмматично; --- — нет данных.

	Единичный инструменталис		Двойной инструменталис			
		Т	Б		Т	Б
Без PL	X-INS Y	ok	ok	X-INS Y-INS	*	ok
	X-INS Y-CASE	ok	?	X-INS Y-INS-CASE	*	---
				X-INS-CASE Y-INS-CASE	*	---
С PL	X-INS Y-PL	ok	---	X-INS Y-INS-PL	*	*
	X-INS Y-PL-CASE	ok	?	X-INS Y-INS-PL-CASE	*	ok

3. Множественное число в КомК

Обсудим функцию множественного числа в КомК. Во-первых, можно предположить, что перед нами редкие конструкции с т.н. расширенными ассоциативами (extended associatives по [Vassilieva 2005]: первая ИГ маркируется показателем ассоциативной множественности, референт второй ИГ входит в множество референтов первой ИГ (13). В татышлинском удмуртском ИГ с показателем множественного числа может стоять как на втором (5), так и на первом месте (14).

(13) марги (чадские)

Siapu-yar aga mala gənda

Сиапу-PL и его жена

‘Сиапу и его жена.’ [Hoffman 1963: 236], цит. по [Vassilieva 2005: 81]

- (14) татышлинский удмуртский
ruslan-jos maša-jen kino-je mæn-i-z-â
 Руслан-PL Маша-INS кино-ILL идти-PST-3-PL
 ‘Руслан с Машей пошли в кино.’

Однако ассоциативная множественность в татышлинском удмуртском образуется от личных имен, ср. (15) и (16). При этом множественное число в КомК возможно не только с личными именами (17), что может говорить о том, что множественное число выполняет другую функцию.

- (15) *ruslan-jos lâkt-i-z-â*
 Руслан-PL приходит-PST-3-PL
 ‘Руслан и еще кто-то (члены его семьи, друзья...) пришли.’

- (16) *dâšet-is'-jos lâkt-i-z-â*
 учить-PTCP.ACT-PL приходит-PST-3-PL
 ‘Учителя пришли / *Учитель с семьей, друзьями пришел.’

- (17) *koč'âš-en pünä(-jos) pukon-ân puk-o*
 кошка-INS собака-PL стул-LOC сидеть-PRS.3PL
 ‘На стуле сидят кошка с собакой.’

Отметим, что в некоторых языках показатель множественного (двойственного) числа может использоваться для сочинения ИГ, ср. мансийский пример (18). Происхождение такой конструкции некоторые исследователи связывают с конструкциями с расширенными ассоциативами (см. [Edgerton 1910] о санскритской конструкции [Митра.DU Варуна.DU]: предполагается, что на первом этапе [Митра.DU] использовалось для референции к Митре и Варуне (ассоциатив), на втором этапе появилась расширенная ассоциативная конструкция [Митра.DU Варуна] (уточнение ассоциатива), а на финальном этапе для симметрии дуалис добавляется к обеим ИГ [Митра.DU Варуна.DU]). Однако в [Ravila 1941: 14] утверждается, что для обско-угорских языков такое объяснение не работает, ввиду отсутствия «расширенных ассоциативных конструкций».

- (18) мансийский
taw mis-aγ-e luw-aγ-e
 он корова-DU-3.SG.POSS лошадь-DU-3.SG.POSS

iŋ *õn's'-ij-aγ-e*

все_еще держать-PRS-DU.OBJ-3.SG

‘Он все еще держит корову и лошадь.’ [Ромбандеева 1973: 42], цит. по [Corbett 2000: 228]

Множественное число было зафиксировано не только в сочинительных, но и в комитативных конструкциях. Рассмотрим данные хантыйского языка, а именно «ассоциативный» суффикс *-sa*, который присоединяется к терминам родства. Согласно [Шибасова 2006: 148–149], «за суффиксом *-sa* обязательно следует числовой суффикс, указывающий общее количество людей в совокупности», ср., например, (19). Можно предположить, что в татышлинском удмуртском множественное число присоединяется к группе [X-*en* Y], также маркируя общее количество людей в совокупности.

(19) ваховский хантыйский

ãlwãli *ãni-sã-γãn*

Альвали старшая_сестра-ASSOC-DU

m'u *wal-lã-γãn*, *m'u* *wal-lã- γãn*

этот жить-PRS-3DU этот жить-PRS-3DU

‘Альвали с сестрой живут-поживают.’ [Терешкин 1961: 109], цит. по [Шибасова 2006: 149]

Заметим, что с синтаксической точки зрения сочиненные группы могут вести себя отлично от множественных объектов, маркированных показателем множественного числа, несмотря на то, что сочиненная группа также представляет собой множественный объект. Так, согласно [King, Dalrymple 2004], не во всех языках указательные местоимения согласуются с сочиненной группой (ср. рус. *эти мальчики*; *эти [мальчик и девочка]* и англ. *these boys*, но **these [boy and girl]*). Таким образом, можно предположить, что в удмуртской конструкции [X-*en* Y-*jos*] показатель множественного числа реализует признак множественности у составляющей [X-*en* Y].

4. Заключение

Мы представили новые данные по татышлинскому говору удмуртского языка, обратив особое внимание на комитативную конструкцию с множественным числом [X-INS Y-PL]. Мы сравнили

данные татышлинского и бесермянского удмуртского. Одно из главных отличий заключается в том, что в татышлинском удмуртском невозможны конструкции с двойным инструментальным маркированием, но распространена конструкция с множественным числом, как в субъектной, так и в прочих позициях. В бесермянском удмуртском показатель множественного числа в КомК также был зафиксирован, однако он свойственен для конструкций с двойным инструментальным маркированием в несубъектной позиции. Мы предполагаем, что множественное число в таких КомК маркирует общее количество людей в совокупности, озвучивая признак множественности у составляющей [*X-en Y*]. В дальнейшем планируется сравнить типы КомК и в других диалектах удмуртского языка.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ASSOC — ассоциатив; DAT — датив; DETR — детранзитив; DU — двойственное число; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; OBJ — объект; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCP.ACT — активное причастие; SG — единственное число.

Литература

- Архипов 2009 — Архипов А. В. 2009. Типология комитативных конструкций. М.: Знак.
- Кельмаков 1998 — Кельмаков В. К. 1998. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та.
- Перевошиков 1962 — Перевошиков, П. Н. (отв. ред.). 1962. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Ромбандеева 1973 — Ромбандеева, Е. И. 1973. Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука.
- Терешкин 1961 — Терешкин Н. И. 1961. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. Л.: Наука.
- Шибасова 2006 — Шибасова Н. Л. 2006. Типология парных слов (на материале некоторых финно-угорских языков). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2018 — Arkhangelskiy T., Usacheva M. 2018. Case compounding in Beserman Udmurt. ESUKA/JEFUL 9 (1). 111–138.
- Baidoullina 2003 — Baidoullina, A. 2003. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология (Magistritöö). Tartu: Tartu Ülikool.
- Corbett 2000 — Corbett G. 2000. Number. Cambridge: Cambridge University Press.

- Edgerton 1910 — Edgerton F. 1910. Origin and development of the elliptic dual and of dvandva compounds. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen* 43. 110–120.
- Hoffman 1963 — Hoffman C. 1963. *A Grammar of the Margi language*. London: Oxford University Press.
- King, Dalrymple 2004 — King T., Dalrymple M. 2004. Determiner Agreement and Noun Conjunction. *Journal of Linguistics* 40 (1). 69–104.
- Ravila 1941 — Ravila P. 1941. Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. *Finnisch-Ugrische Forschungen (Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprachund Volkskunde)* 27. 1–136.
- Vassilieva 2005 — Vassilieva M. 2005. *Associative and Pronominal Plurality*. PhD thesis. New York: Stony Brook University.
- Weisser 2017 — Weisser P. 2017. Three Types of nominal Coordination in Udmurt. P.A. Кудрявцева (отв. ред.) *Проблемы марийской и сравнительной филологии*. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т. 63–67.
- Zubova 2019 — Zubova I. 2019. Conjunctive and Comitative Noun Phrase Coordination in Beserman Udmurt. *Linguistica Uralica* 55 (4), 285–301.

Об инкорпорации атрибута в словоформу существительного: данные языка акебу*

Андрей Болеславович Шлуинский
Институт языкознания РАН
ashl@yandex.ru

1. Введение

Предмет настоящей статьи — способ выражения атрибутивно-го значения в языке акебу (семья ква, «языки гор Ганы и Того»; Того, Западная Африка). Язык остается малоизученным. В статье использованы данные (более 4 часов естественных текстов и полученные в рамках грамматической работы), полученные авторам и коллегами (Н.В. Макеева, П.А. Коваль, Н.А. Муравьев, Д.С. Шаварина) в серии экспедиций в деревни Джон, Котора и Джитраме Префектуры Акебу в 2012–2019 гг.

Как известно, термин «инкорпорация» может пониматься по-разному. В более распространенном узком понимании (ср. (Creisels, Dramé 2018) для языков манде) речь идет о помещении актантов в словоформу глагола. В менее распространенном (ср. (Lander 2014) из недавних работ) широком понимании имеется в виду помещение любых потенциальных синтаксических зависимых в словоформу синтаксической вершины. Описываемы случаи акебу — инкорпорация в широком понимании: речь пойдет не об инкорпорации зависимого существительного в словоформу глагола, а об инкорпорации зависимого атрибута в словоформу существительного.

Акебу имеет систему именных классов (см. Makeeva, Shluinsky 2018), причем характерной особенностью является маркирование их в словоформе существительного и этимологически исходным префиксом (1a) (часто нулевым или несегментным, вызывающим озвончение согласного, как в (1b)), и грамматикализированным в акебу суффиксом. В отличие от префиксов, в крайне редких контекстах суффиксы могут быть опущены.

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФ № 17-78-20071-П.

В акебу представлена внутрикорневая и распространяющаяся на другие морфемы гармония гласных, вовлекающая признак т.н. продвинутой корня языка. При этом не подвержены гармонии суффиксы именного класса (1a–b), а также не происходит гармонии гласных при любом типе словосложения, как в (1c), где при сложении двух именных основ наследуется именной класс самой правой основы, а гласные основ *ɔ* и *u* относятся к разным гармоническим классам.

(1) a. <i>kə-sɔ̄-kə</i>	b. <i>dú-tʃ</i>	c. <i>zɔ̄-tú-tʃ</i>
кə-топор-кə	рукоять-тʃ	топор-рукоять-тʃ
‘топор’	‘рукоять’	‘топорище’

Структура именной группы в акебу предварительно описана в (Шаварина 2018) и включает ряд позиций (POSS N DEM Q NUM REL), из которых все, кроме посессора, располагаются после именной вершины. Различаются позиции детерминатора, квантора, а также числительного и относительного предложения; существенно, что специализированная атрибутивная позиция не представлена вовсе.

Лексика со значением качества распределяется в акебу между двумя частями речи. Глаголы имеют сравнительно сложную префиксальную морфологию; у каждой лексемы есть две основы — базовая и фактативная, причем вторая употребляется для предикаций качества, как в (2a) (см. подробнее (Макеева, Шлуинский 2018)). Прилагательные, напротив, являются неизменяемыми словами, которые в предикативной позиции вводятся копулой, как в (2b), а также имеют адвербиальные употребления (см. подробнее (Макеева 2018)). Представлена системная синонимия между качественными глаголами и прилагательными (так, семантическое различие между (2a) и (2b) непрозрачно). К классу прилагательных примыкает ряд лексем, не употребляющихся в предикативной функции, как *ɲéɲ* ‘новый’ или *róŋròà* ‘другой’; среди них порядковые числительные: *yí* ‘два’ > *yí-tʃ* ‘второй’.

(2) a. <i>tù-wā</i>	<i>sā</i>	<i>wə-pōnú</i>	
вещь- <i>wə</i>	DEM	<i>wə</i> -быть_хорошим _{РСТ}	
‘Эта вещь хорошая.’ {a = b}			
b. <i>tù-wā</i>	<i>sā</i>	<i>wə-là</i>	<i>sísìèèfí</i>
вещь- <i>wə</i>	DEM	<i>wə</i> -быть _{РСТ}	хороший

2. Инкорпорация признаков слов

Основной способ выразить атрибутивное значение в акебу — когда основа признакового слова (у глаголов — базовая, а не фактативная основа) инкорпорируется между основой существительного и суффиксом именного класса, как в (3b).

- (3) a. *dū-tā* b. *dū-pá-lá-ŋpá-lá-ŋ-tá*
 камень-ТЭ камень-круглый-ТЭ
 ‘камень’ ‘круглый камень’

Инкорпорации подвергаются прилагательные, как в (3b) и (4), в том числе прилагательные, не способные к предикативному употреблению, как в (5) и квалитативные глаголы, как в (6), и неквалитативные глаголы, как в (7).

- (4) *tù-tà-tà-tà-wé* *wà-lī-ŋ-pō-ŋ* *mā*
 вещь-плохой-WЭ.DEM WЭ-3.HABNEG-быть_хорошим с
è-yé-ká *wà*
 КЭ-делать-КЭ PTCL
 ‘Плохие вещи делать нехорошо.’
- (5) *nō-ò-kó* *ŋ-ká-tá* *ŋà-tā-rú-ŋpà-à-wā* *té*
 ŋU.JNT.PROSP-идти ŋU.JNT-AND-искать дом-другой-WЭ некий
ŋ-tì
 ŋU.JNT-сидеть
 ‘Он пойдет искать другой дом, чтобы там находиться.’
- (6) *ē-kpí* *à-pō-ŋ-mū-ē-ŋ-ti-pā*
 2SG-класть PЭ-масло-быть_красным-PЭ
 ‘Положи красного масла.’
- (7) *pí-ŋ-mù-kū-ŋ* *lā* *ò-tù-kpè-yā*
 PЭ.COND-???-давать 2SG.O YЭ-вещь-ложиться-YЭ
 ‘Тебе дадут пеленки (т.е. вещи, чтобы класть ребенка).’

Инкорпорация глагола возможна в словоформы разных актантов, но не любого, в частности недоступна для подлежащего переходного глагола (ср. (8b)) и иногда других. Существительное с инкорпорированным глаголом может иметь событийную интерпретацию (9).

- (12) a. *fɛ̀ɛ̀-krɛ̀-wā* место-ложиться-ВЭ 'кровать'
 b. *qū-tāñ-tā* камень-быть_вкусным-ТЭ 'вкусный камень'
- (13) *wà-cí-kāñ-pōñ-krōōrù-tūēēṭi-krā* КРЭ-дерево-быть_длинным-быть_хорошим-быть_большим-быть_красным-КРЭ
 'красное большое хорошее высокое дерево'

Инкорпорированный комплекс имеет полную морфологическую и синтаксическую дистрибуцию существительного, например, может быть первой частью композита (14b).

- (14) a. *tù-páṭi-wā* вещь-ткать-ВЭ 'ткань'
 b. *dù-páṭi-krá-ká* вещь-ткать-рубашка-КЭ 'рубашка из ткани'

5. Внутренняя структура инкорпорированного атрибута

Возможность включения наличия у инкорпорированного атрибута собственной (морфо)синтаксической структуры весьма ограничена.

Во-первых, могут быть инкорпорированы составные порядковые числительные, у которых сохраняется союз *mā* 'и', соединяющий разряды, а у числительного *cēñcēñ* 'один' — также и показатель согласования по именному классу (15b).

- (15) a. *gú-krá* комната-КРЭ 'комната'
 b. *gú-tà-mā-wà-cēñcēñ-tá-krá* комната-десять-и-КРЭ-один-ORD-КРЭ 'одиннадцатая комната'

Во-вторых, для качественных глаголов (но не для прилагательных) представлены примеры с показателем отрицания — ср. утвердительную конструкцию в (16a–b) и отрицательную в (16c–d).

- (16) a. *kēēṭi-wā sā wà-tāní* еда-ВЭ DEM ВЭ-быть_вкусным 'Эта еда вкусная.'
 b. *kēēṭi-tāñ-wā* еда-быть_вкусным-ВЭ 'вкусная еда'
- c. *kēēṭi-wā sā wà-là-tāñ* еда-ВЭ DEM ВЭ-3.PFVNEG-быть_вкусным 'Эта еда невкусная.'

- d. *kēēŋi-là-tāŋ-wā*
 еда-NEG-быть вкусным-WƏ
 ‘вкусная еда’

В-третьих, с основой инкорпорированного глагола может также инкорпорироваться и основа его другого актанта, отличного от того, в словоформу которого происходит инкорпорация, как в (17), но таких примеров в материале мало. При этом другие зависимые глагола в структуру словоформы включаться не могут, ср. (18).

- (17) *fēē-cá-wēē-wā* *wà-lèè-kpí*
 место-лечить-организм-WƏ WƏ-3.PFVNEG-существовать
 ‘Больниц нет.’
- (18) a. *ò-tù-fú-yá* b. **ò-tù-fú-àsāākā-yá*
 YƏ-вещь-покупать-YƏ YƏ-вещь-покупать-вчера-YƏ
 ‘купленные вещи’ Ожид. зн.: ‘купленные вчера вещи’

Семантические актанты и сирконстанты инкорпорированного глагола могут быть помещены в позицию именной группы существительного, в которое глагол инкорпорирован, как в (19).

- (19) *àsāākā ló ò-tù-fú-yá*
 вчера poss уə-вещь-покупать-уə
 ‘вещи, купленные вчера’

6. Заключение

Изложенные факты, как кажется, в совокупности говорят о том, что вполне адекватна трактовка рассмотренного явления как инкорпорации — то есть как о помещении основы зависимо-го элемента в словоформу вершинного. Очевидных фонологических критериев, является ли инкорпорированный комплекс единой словоформой, нет. Наш текущий анализ предполагает, что суффиксальный показатель именного класса входит в словоформу существительного, но в то же время он может опускаться и не подвержен гармонии гласных. Гармонии гласных не подвержены и любых сложные слова в акебу, но, таким образом, на данном этапе исследования языка отсутствуют фонологические критерии словоформы. Морфологически, в то же время, последовательность

из основы существительного и суффикса именного класса, естественно интерпретировать как единую словоформу, так как форма с опущением суффикса является крайне редкой. Некоторые морфологически сложные структуры с составными порядковыми числительными или с многими инкорпорированными атрибутами могут быть аргументом против единой словоформы, но они крайне маргинальны (и на большинство из них нет естественных примеров). С синтаксической же точки зрения, речь идет о структуре с очень ограниченными и избирательными собственными синтаксическими возможностями. Инкорпорируемый атрибут теряет синтаксическую самостоятельность, что и является основным доводом в пользу анализа явления как инкорпорации.

Список условных сокращений

КЭ, КРЭ, ПУ, РЭ, ТЭ, WЭ, YЭ — показатели соответствующих именных классов или согласования по классу; 2, 3 — 2, 3 лицо; AND — андатив; COND — кондициональная серия; DEM — демонстратив; FCT — фактативная основа; FOC — показатель фокуса; HABNEG — отрицательная хабитуальная серия; JNT — сопряженный показатель; NEG — отрицание; O — объектное местоимение; ORD — порядковое числительное; PFVNEG — отрицательная перфективная серия; POSS — показатель принадлежности; PROSP — проспективная серия; PST — прошедшее время; PTCL — частица; SG — единственное число; ??? — морфема с неясным значением.

Литература

- Макеева 2018 — Макеева Н.В. (2018) Прилагательные и качественные глаголы в языке акебу // Вестник СПбГУ, серия Востоковедение и африканистика 10(1). С. 14–31.
- Макеева, Шлуинский 2018 — Макеева Н.В., Шлуинский А.Б. (2018) Фактатив в языке акебу // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017 М.: Буки Веди. С. 119–124.
- Шаварина 2018 — Шаварина Д.С. (2018) Именная группа в языке акебу. Дипломная работа. М.: РГГУ.
- Creissels, Dramé 2018 — Creissels D., Dramé D. (2018) Transitivity and incorporation in Soninke // Frankfurter Afrikanistische Blätter 26. P. 37–54.
- Lander 2014 — Lander, Yu. (2014) Modifier incorporation in Dargwa nominals // Working papers by NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”. No. 12/LNG/2014.
- Makeeva, Shluinsky 2018 — Makeeva N., Shluinsky A. (2018) Noun classes and class agreement in Akebu // Journal of West African Languages 45.1. P. 1–26.

**Малые языки в большой лингвистике.
Сборник трудов конференции 2020**

Сборник научных статей

Редактор
Кс. П. Семёнова

Оригинал-макет и художественное оформление переплёта
Кс. П. Семёнова

Подписано в печать 01.12.2020. Формат 60 × 84/16
Гарнитура Charis SIL
Тираж 50 экз. Заказ № 2857

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117246, г. Москва, проезд Научный,
д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com